Исторический
альманах

СВЯЗЬ ЭПОХ

1 / 2018

УДК 94(47)

СВЯЗЬ ЭПОХ
Исторический альманах

№ 1 (1)
Декабрь 2018

Главный редактор
Г.Э. Кучков

ISBN 978-5-6042329-1-0

© Р.Г. Гагкуев, публикация, 2018
© А.В. Ганин, публикация, 2018
© В.И. Егоров, публикация, 2018
© Е.А. Лукьянов, публикация, 2018
© А.И. Ушаков, публикация, 2018
© А.А. Чемакин, публикация, 2018
© А.В. Ганин, статья, 2018
© С.В. Куликов, статья, 2018
© К.А. Соловьев, статья, 2018
© В.Е. Чуров, статья, 2018
© Фонд «Связь Эпох», макет, издание, 2018

Сегодня выходит немало изданий, специализирующихся на публикации архивных документов, не говоря уже о многочисленных исторических журналах, которые также помещают на своих страницах тексты источников. Тем не менее, начиная новое историческое издание — альманах «Связь эпох», — мы надеемся сохранить, точнее, создать собственное лицо и стать интересными как специалистам-историкам, так и всем, кому не безразлична история России.

Предпочтение будет отдаваться публикациям воспоминаний и документов частного характера, вне зависимости от положения в обществе и рода занятий их автора. Конечно, зачастую в свидетельствах очевидцев много неточностей, а порой и лукавства, но в том и состоит задача историка, чтобы отделить подлинное от наносного, факты от эмоций. По нашему мнению, именно эти источники позволяют специалисту обнаружить новые подробности и параллели исторических событий, а любителю почувствовать вкус эпохи.

Кроме того, в каждом выпуске мы планируем публиковать иллюстративный исторический материал и его анализ, чтобы не только познакомить нашего читателя с неизвестными текстами, но и показать ему визуальные образы прошлого.

Будем рады любым откликам и предложениям на наше начинание.

Содержание

Публикации источников

11

В. И. Егоров
Русская армия глазами австрийского наблюдателя
Примечания капитана Парадиза о походе 1738 года
16

31

Е. А. Лукьянов
Великая российская революция в детских рисунках и сочинениях из коллекции В. С. Воронова
В. С. Воронов. Революция в описании детей
35
В. С. Воронов. Русская революция в детских рисунках
56

65

Р. Г. Гагкуев, А. И. Ушаков
«Я верю, что все будет хорошо, но боюсь — какой ценой?»
Выдержки из дневника генерала С. Л. Маркова за 1917 год
69

87

А. В. Ганин
«Актом отрешения меня от должности и преданием суду... нанесено всему донскому казачеству безусловное оскорбление»
Показания донского атамана А. М. Каледина по делу генерала Л. Г. Корнилова
91

97

А. А. Чемакин
1919 год. Совместно пережитые события... Воспоминия Надежды Сергеевны фон Рабен
Н. С. фон Раабен. 1919 год. (Совершенно личные впечатления) Одесса. (В период оккупации французами)
99

Публикации источников

Статьи

117

А. В. Ганин
«Давно можно и должно было предпринять революцию...» Революционные потрясения в дневнике и судьбе генерала Н. Д. Зарина

125

С.В. Куликов
Дневник А. А. Половцова как источник по истории канцелярий Правительствующего сената

137

К. А. Соловьев
Труды и дни государственной канцелярии

147

В. Е. Чуров
Дознание о владельце имения «Чарковы», Пинчовского уезда, Келецкой губернии австрийско-подданном графе Ксаверии Пусловском и служащем того же имения русско-подданном Иване Невенгловском, заподозренных в военном шпионстве

В. И. Егоров

РУССКАЯ АРМИЯ ГЛАЗАМИ АВСТРИЙСКОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ

Примечания капитана Парадиза о походе 1738 года

Русско-турецкая война (1736–1739), продолжавшаяся всю вторую половину царствования императрицы Анны Иоанновны, не была особенно удачной для России — «полученные результаты далеко не соответствовали ни принесенным жертвам, ни военным успехам армии»[1]. В контексте не самых лучших традиций отечественной историографии принято списывать эти неудачи на «бироновщину», якобы имевшее место забвение петровских устоев, а также личные качества (отрицательные) российского главнокомандующего — генерал-фельдмаршала графа Б. Х. фон Миниха. Насколько справедливы подобные обвинения, можно судить по тому, что те же историки превозносят Петра I (отца всей нашей «неметчины», которым и Миних был принят в службу); причем ореол петровской гениальности для них не меркнет от того, что свою войну с турками — Прутский поход — царь проиграл вчистую. Собственно, стремление аннулировать унизительный Прутский мир и стало одной из причин нового русско-турецкого конфликта.

Самой несчастливой за годы войны оказалась кампания 1738 г. По плану главная армия под начальством Миниха должна была форсировать Днестр и нанести поражение туркам на территории Молдавии. Однако, с боями подойдя к реке, россияне были вынуждены отказаться от переправы и повернули обратно. Болезни и бескормица «разорили» войска сильнее, чем схватки с неприятелем. Еще больше людей, лошадей, скота, обозов и артиллерии было потеряно при отступлении.

Именно в этот злополучный год русскую армию видел капитан Парадиз (Парадис), как бы сейчас сказали, иностранный военный наблюдатель, присланный от австрийского «цесарского» (императорского) двора. Австрия была союзницей России, и с аналогичной миссией при австрийской армии находились российские офицеры. Судя по тексту написанных им примечаний, Парадиз состоял в подчинении у главного австрийского агента — барона де Рейски (Рейского), которого Х. Г. фон Манштейн в своих записках называет полковником. Однако есть версия, что «капитан Парадиз» — псевдоним самого́ де Рейски, решившего таким способом передать информацию, избежав возможных осложнений в отношениях с союзника-

ми. Прежний австрийский агент — полковник фон Беренклау — был отозван из-за скандала, последовавшего за его нелицеприятными высказываниями в адрес российского генералитета.

Копийный перевод примечаний капитана Парадиза сохранился в Российском государственном архиве древних актов (Ф. 177. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 1–37). Копия снята двумя писцами, представления которых об орфографии существенно различались. Сам перевод не всегда вразумителен, но, впрочем, вполне соответствует литературной стилистике своего времени. Текст публикуется целиком, с минимальными комментариями; орфография и деление на абзацы подлинные. Но для начала еще несколько слов о содержании документа.

Ход рассуждений Парадиза прост, а выводы однозначны, как всегда у постороннего зрителя. Такое впечатление, что перед нами не капитан, а по меньшей мере генерал-поручик. В конце примечаний он скромно признает свое «малое искусство» в военном деле, что не помешало ему критически отозваться обо всем (от сухарей до стратегии), перевоевать (за союзников и противников) всю кампанию и даже дать уверенный прогноз на будущее.

Претензии Парадиза к «россианам» можно выразить в двух словах: беспорядок и бесхозяйственность, отсутствие дисциплины и должной организации во всем, даже в вопросах, от которых зависят жизнь и здоровье (нам эта модель поведения известна под прозванием «русский авось»). Попытки сконцентрироваться (расцененные Парадизом лишь как очередной недостаток) на практике действительно оборачивались дополнительными проблемами. В открытой степи дивизии формируют огромные «баталион-каре», внутрь которых помещены обозы и скот, вокруг каре вьется нерегулярная конница. Неизбежный результат такого с виду грозного построения — медлительность «подвигов» (движений), скованность, а следовательно, отсутствие инициативы, пассивная оборона. Мало того, войска постепенно становятся заложниками своей скученности — недостаток воды, фуража, массовый характер заболеваний... В общем, многое и многое из рассказанного Парадизом есть горькая правда. Но и способы, им предлагаемые для «поправления» ситуации, трудно воспринимать всерьез.

Правильно организованная армия, по мнению Парадиза, может маршировать в степи колоннами, без «баталион-каре», имея при себе минимум военных и продовольственных запасов. Ей ничего не будет стоить поддерживать бесперебойную коммуникацию с Польшей, устраивать по пути магазины (склады) в удобных местах, а также оградить себя от нападений татар, которых Парадиз считает опасными только для русских. 4000 регулярной кавалерии и 4000 нерегулярной — вот силы, достаточные для нейтрализации татарских орд. Оставим эти самонадеянные заявления на совести австрийца (с тогдашними реалиями они соотносятся мало).

Не будет ошибкой сказать, что под «российской армией» Парадиз подразумевает прежде всего пехоту — стойкую, многочисленную, хотя и малоподвижную, обмануть которую турецко-татарской коннице не составит труда. На «отлично» оценивает он работу артиллерии, в том числе полковой (эта характеристика тоже не новость — русская артиллерия при гинтерах и минихах находилась в «преизрядном» состоянии, а деградировала уже позже, при «екатерининских орлах»). Регулярной кавалерии, в понимании Парадиза, у русских вообще нет. Драгунские лошади, замученные и некормленые, валятся с ног под тяжестью собственных всадников и их багажа. Из нерегулярных войск он отмечает донских казаков и калмыков, а также гусар, которые в то время набирались вербовкой из уроженцев «природных» гусарских наций — сербов, венгров и проч. (то есть, по сути, из соотечественников Парадиза). Крайне негативно отзывается австрийский капитан о малороссийских (гетманских) казаках, несколько раз упоминает запорожских (в частности, их обычай стоять, «закрываяся телегами»). Врага в примечаниях Парадиза представляют в основном татары — легкая, маневренная конница, впрочем, имеющая и панцири. Неоднократно он подчеркивает, что татары лучше всего действуют, когда их направляют и подкрепляют турки.

Критические примечания Парадиза, в свою очередь, могут быть подвергнуты критике, причем с позиции событий, произошедших как до 1738 г., так и после. Сравнивать образ действий российских войск в ту кампанию с Полтавской битвой (1709) в высшей степени некорректно. Все было другим — и обстоятельства, и соотношение сил, и неприятель. Куда б уместнее выглядела аналогия с Прутским походом (1711), однако не факт, что австриец знал о нем какие-либо подробности. Зато «произшествии» следующего 1739 г. ему стали известны наверняка. В том году армия Миниха наголову разгромила турок и татар в полевом сражении (под Ставучанами, 17 августа), причем, вопреки всем предсказаниям Парадиза, действовала наступательно и сумела не только «место баталии одержать», но и развить достигнутый успех.

О походе 1738 г. повествуют и многие отечественные источники, в том числе мемуарные. Их авторы не отрицают провальный характер экспедиции к Днестру и тяжелые потери, понесенные при «возвратном марше». Мы приведем только два свидетельства, которые позволяют лучше понять и отчасти дополняют примечания Парадиза. Первое принадлежит В. А. Нащокину (он участвовал в походе, будучи капитаном гвардии), второе — неизвестному автору, предположительно, адъютанту генерала Левендаля.

«...Графа Миниха команда в начале весны собралась на Мишурном Рогу и пошла в поход. Чрез несколько дней до реки Буга дошла, а неприятель не показывался, а как за реку Буг перешла, вскоре о неприятеле слух получен, а 8 числа июля тысячах в 60 пришел к российской армии, но отводные караулы, собравшись на пределы оного, отпор учинили; потом вскоре подспешили наши гусары, лейб-гвардия пехотная и армейские полки и немедленно в бой вступили, и неприятель вскорости ретироваться начал и отдалился в степь, а неприятель был конный. Урон с обеих сторон не весьма большой был: наших гусаров поручик Стоянов ранен, да писарь ранен и от раны умре; гусаров побито на месте 18 человек.

И от того времени неприятель часто около армии показывался и непрестанно ее утруждал в разных местах тревогами и зело мешкал идти; в походе, особливо при переправах, чинил великую остановку, и от времени

до времени скот, который от медленного похода и оттого, что всегда был в запряжке, а когда отпрягут, то неприятель начнет тревожить, приведен в крайнюю слабость, и так принуждены были держать его всегда в батальонкаре. Когда же прошли польское местечко Соврань и стали приближаться к реке Днестру, тогда неприятель зело частые тревоги начал производить и всегда были в частом сражении. А как пришли к реке Днестру, жары были великие и частое утруждение от неприятеля, отчего немалая слабость в армии стала показываться, а паче скот весьма ослабел. А на другой стороне реки Днестра видим был турецкий лагерь.

В ночи от нашей армии несколько тысяч командировано к реке Днестру и, пришед, намерены делать шанцы, точию берег был зело крепкий, по большей части камень и земля весьма крепкая, и затем делание шанцев оставлено и начали турецкий лагерь бомбардировать, отчего турки перенесли его далее. А как стало рассветать, командированные наши возвратились в лагерь, а к полудню всею армией назад марш восприят, а к Бендерам, видя в армии слабость, поход отложен.

Тогда турки близ речки Билочи жестокое нападение учинили, и конница, посадя пехоту за собою на лошадей, подвозила, однако всегда отбиты были. С нашей стороны неприятель непрестанно в полон брал не силою, но крадучи, где увидит слабо или безоружейных. И от того времени зело тяжкий поход армия имела, потому что неприятель от нее не отлучался, которым проводникам мы не очень рады были и от непрестанных тревог зело утруждены, а паче наше фуражирование нужное происходило. Однажды на фуражиров второй дивизии команды генерал-поручика Загряжского нападение учинено и людей до 700 побито и в полон взято, за что генерал предан был воинскому суду и полковник Тютчев, который командовал фуражирами; и, по воинскому суду, генерал написан в драгуны, а полковник расстрелян. И паче непрестанные нападения неприятельские были; из гвардии несколько солдат неприятель нечаянно побрал, и моей роты один взят был.

Возвратный поход армии от часу труднее становился: полтретья дня она маршировала к Польше лесами, чрез великие дефилеи, безводными местами, от речки Билочи до речки Каменки; но за великою трудностью и от того, что скот слабел, всей армией не могли дойти; принуждены остановиться в безводном месте и за водою тысяч 12 командировали, и оная команда едва не атакована была от неприятеля, с великой поспешностью прибыла к армии и воды зело мало привезла.

Того же числа раздав людям необходимо воды и напоив скот, с нуждою поход восприят; с половины дня и всю ночь марш продолжался до речки Каменки, и как пришли к речке Каменке, тогда удовольствовались водою. А от вышеписанной нужды немалое число скота пропало, чего ради несколько провианта, да от артиллерии ящиков и амуничных вещей, за слабостью скота, что везть не в состоянии, пожжено, а ядра в землю зарывали.

И отдохнув несколько при оной речке Каменке, маршировали близ Польши и до самой реки Буга в трудном марше обретались, а неприятель всегда провожал нас, и, подходя к реке Бугу, он нечаянно напал на табуны и немалое число в полон побрал, а после того наши донские казаки и гусары имели с неприятелем сражение и, побив немалое число неприятеля, в лагерь возвратились.

И дошед до реки Буга и переправясь чрез оную, марш продолжался до самых границ благополучно...»[2]

«...Когда мы пришли, как и выше уже упомянуто, к Днестру, то неприятель траву выжечь у нас несколько раз покушался. Поелику лето сие было не так сухо, как прежние, то он успеть в этом не мог; однако дождями разсыревшаяся земля нам произвела весьма трудный марш и повредила почти всех наших лошадей. Мы остались при Днестре только три дня, где одну только ночь остреливали весьма шанцами утвержденный неприятельский лагерь; но, не быв в состоянии оному сделать повреждение, предприяли отступный марш, а за день пред прибытием нашим к Днестру имели с татарами и легкими турецкими войсками сражение, которому подобное происходило на возвратном нашем марше, в четвертый или пятый день. Когда мы отступили, как выше упомянуто, от Днестра, тогда, не умедля, турки на сю сторону от своего караула послали часть войска, которая, соединясь с татарами, беспрестанно на нашу ариергардию наступала. Лошади наши были так худы, что до несколько сот телег с провиантом и офицерским багажем в ариергарде сожжено. Многие артиллерийские амуниции в землю закопаны, чтоб неприятелю в добычу не достались, так что оный наш возвратный марш в первые три недели подобен был ретираде побитой армии. В первые три дни ариергардиею командовал генерал-поручик Карл Бирон, который, по нетерпению своему, все то, что увезено быть не могло, пожег, почему фельдмаршалом «пожигальщиком» назван, и потом оного сменил генерал-поручик Левендаль с своею дивизиею, где до тех пор и оставлен был, пока нас неприятель провожал. А хотя он столько и не пожег, ибо две трети своей дивизии в упряжку к остающему багажу употребил, однако не мог же оставить, чтоб равномерно части оной не сожечь. Легко можно рассудить, какой то труд был, что дивизия ариергардии в две недели ни одну ночь в лагере быть не могла, а еще тогда к лагерю приближалась, когда главная армия из оного выступать стала, хотя один день и растаг[3] имела; а если оного не имела, тогда по семи верст и более от лагеря находилась. Напоследок возвратились мы, не соверша ничего, с вовсе разоренным багажем и упряжкою, к нашим границам, где опять старались все то завести, дабы на будущее лето такой же марш предпринять...»[4]

[1] Байов А.К. Очерк военного искусства и состояние русской армии при ближайших преемниках Петра Великого // История русской армии и флота. Т. 2. М., 1911. С. 24.

[2] Нащокин В.А. Записки // История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 251–252.

[3] Rast-Tag (нем.) — дословно «день отдыха», дневка; остановка на марше.

[4] Турецкая война при императрице Анне. Современная рукопись («Записка о том, сколько я памятую о Крымских и Турецких походах») // Русский архив. 1878. Кн. 1. С. 271.

1738

Примечания цесарскаго капитана Парадиса, в бытность его при российской службе, о походе российской армии — о извощиках и фураже, о выгодах и невыгодах помянутой армии, о ордере-баталии у россиян, о переправах чрез реки, о лагерях, о кладовых анбарах для съестных припасов и военной аммуниции — и о российской кампании, в сем же году бывшей

Примечание о российской армии в походе 1738-го году

О походе российской армии

Порядочной и способный поход, в чем, по моему мнению, наиглавнейшая нужда обстоит, у россиан всемерно пренебрегается, яко же безмерно великой и излишней обоз в том наивящшее затруднение причиняет. И дабы оное лутче понять, то я об[ъ]-явлю, что между маэорами такия люди имеются, которыя до 30 телег, кроме заводных лошедей, с собою имели.

Господин генерал-порутчик Бирон мен[ь]шой, которой гвардиею командировал[1], однажды при мне сказывал, что при нем 300 быков и лошедей, да 7 ослов и 3 верблюда имелося, и что есть такия сержанты в гвардии, которыя по 16 возов при себе имели. Может быть, что они хотели тем богатство своей нации оказать, а я думаю, что они тем слабость свою в войне являли, ибо такой великой и неслыханной обоз сию знатную армию неподвижною учинил.

О порядке их похода

Примечанию достойно, что я не видал, чтоб когда-либо армиа прежде двух, трех, а часто и четырех часов по восхождении со[л]нца в поход в[ы]ступить могла, и, по моему мнению, того ради, что:

Первое, к движению такого великого обоза чрезмерно много времени потребно.

Второе, некоторое застарелое нерадение в российских офицерах — честолюбие и, следственно, жестокия выговоры к отправлению их должности не побуждают. Возможно ли стат[ь]ся, чтоб командующий генерал-аншефт везде быть мог? Правда, что он себя бояться заставить может, на такой раби[й] страх тол[ь]ко в присудствии его трудит[ь]ся принуждает.

Третие, что почитай всегда последней дивизион в арриергвардии и в лагер[ь] вес[ь]ма поздно и часто на разсвете и позднее вступает.

Причина же той медленности есть безпорядочной поход того великого обоза, и можно сказать, что сей безпорядок даже до самогó войска разпространяется, ибо по разсуждению командующаго генерала или офицера оное или скоро, или тихо для прикрытия обоза идут. Еже в присудствии такого лехкого неприятеля, яко татары, может худое следствие причинить, и ежели б они тогда турецким корпусом пободряемы и предводимы были, когда они в августе месяце некоторым образом над нами покусились, то б они нашу арриергвардию всемерно изрубили.

[1] В походе участвовал гвардейский отряд в составе трех батальонов (по одному от каждого из гвардейских пехотных полков) и трех рот Конной гвардии. (Здесь и далее в примечаниях капитана Парадиза — примеч. В.И. Егорова).

Тем безпорядком обоза возы между собою так перепутываются и перецепляются, что армиа принуждена некогда по два и по три часа на одном месте стоять и неподвижною быть. Между же тем толикое множество извощиков криком своим воздух наполняют и в том все свое искус[с]тво быть постанавляют.

Во все время бытности моей при армии я тол[ь]ко переправу чрез Билоц 12-го августа видел, где армиа принуждена была в две колон[н]ы из-под горы не очень крутой выходить (чему можно было нескол[ь]кими работники наперед помочь и такой трудности миновать), что оная над одною верстою или четвертью мили двои сутки промедлила.

Во всем же протчем походе она на стол[ь]ко колон[н] итти могла, скол[ь]ко за благо изобретала, однако же я обнадежить могу, что к одному маршу более 30 часов времени употребляла, которой другая армиа подлинно в четыре часа исправить могла.

Всякая телега наперед идущую об[ъ]ехать хочет и оттого перецепляются, перепутаются и перемешаются, а я не видал, чтоб когда-либо хотели оное поправить.

Отчего приключается, что скот, находящейся в тесноте и непрестанно понуждаем, часто мертв на землю упадает, и каким образом оной может голод и жажду чрез такое долгое время снести?

А которой из онаго покрепче в лагерь придет, то таков слаб и замучен, что хотя б трава и вода была, чего однако же ретко случается, они не в состоянии чрез нескол[ь]ко дней поправит[ь]ся.

О извощиках

Извощики от бол[ь]шой части так измучены и из силы выбиты, что силы их не дозволяют о скоте надлежащее попечение иметь. Худыя с ними поступки и всегдашния волокиты и труды не допускают сухарей с водою (которая часто вес[ь]ма плоха) их желутку сварить. Еже можно генерал[ь]но о всех военных людех сказать, и что то их есть обыкновенная пища, отчего подлинно непрестанным поносом страждут.

Сия болезнь, как я думаю, великое множество поморила, и при моем от[ъ]езде более 10 000 по скаске самих россиан при армии был[ь]ных было, которых я видел по 4 и по 5 человек на одну небол[ь]шую телегу, на которой едва 2 человека улеч[ь]-ся могут, друг на друга положенных, и теми телегами управляют от болезни едва освободившияся, которыя более мертвыми, нежели живыми являлись, и поистинне сказать можно, что сие зрелище великому сожалению достойно было. Прилагаемое же о тех бол[ь]ных попечение невелико, ибо оных вес[ь]ма много, а искусных хирургов недостает — всякой ученик или рудомет[1], приезжающей в здешню[ю] землю, тотчас полковым лекарем делается и определяется.

О фураже

Хотя россианя вящшую нужду, нежели другия европейския народы, имеют фураж хранить и беречь, однако же я не приметил, чтоб они наималейшее попечение о том в их походах прилагали, и оной телегами и лошед[ь]ми толочат и выбивают. И когда они из одного лагеря в другой переходят, то уже множеством телег и лошедей кругом лежащия места все совершенно и так вытолочены, что вес[ь]ма мало пол[ь]зы из того получают, хотя мы всегда в такия лагери вступали, где преизрядная трава имелась.

Ежели татары армию окружат и немного стеснят, как они то часто делали, то она принуждена уже толоченою и повялою травою скот свой кормить, которой, буду-

[1] Рудомет — кровопускатель, цирюльник; специалист низшего разряда в области медицины.

чи в великом множестве, в 24 часа так чисто, как ток, то место зделают[1]. Ежели же на другой день тамо дневать станут, то всякой по своей воле фуражирует, где может, и выходят из лагеря без всякого порядка, яко же и приходят, некоторыя в вечеру, а некоторыя на другой день поутру. Правда, что козаки непрестанно раз[ъ]езжают, якобы для прикрытия оных, но понеже они подобны волонтирам или, лутче сказать, сволочи[2], то на них немного надеяться можно. И ежели бы 13-го августа в наималейшее разсуждение приняли, что у нас по фланкам великия татарския орды были, то б у нас тысячи дву[х]сот человек и более дву[х] тысяч скота и лошедей не пропало, которых татара в дву[х]стах шегах от фрунта армии перерубили и угнали.

Правда, что с 400 человек под командою российского полковника для прикрытия фуражиров послано было, которой вес[ь]ма плохо в лощине стал, откуду он никак усмотреть, ниже кого-либо для проведования о неприятеле послать мог. Татары же нечаянно на тех бедных напали, а стоящую команду ничем не тронули, которая потому же им взаимную учтивость оказала и их с добычью отпустила. За что тот полковник под арестом ожидает решения по тому делу, яко же и господин генерал-порутчик Загряской, которой тем дивизионом командовал, чрез нескол[ь]ко дней в аресте был — для чего он лутчего разпоряжения не учинил.

Из всего того, что я об[ъ]явил, видеть можно, что сия армиа, в которой в ковалерии всемерно недостает, не в состоянии, имея татар или турецкую кавалерию около себя, фуражировать, наимен[ь]ше же того — долгое время в лагере стоять, еже у ней всю надежду отимает долгую осаду или токмо 8 дней вытерпеть.

Их от бол[ь]шой части плохия козаки, ибо донских и калмык, которых можно назвать храбры[ми], немного и едва две тысячи человек быть может, с семью или осмьюстами гусар венгерских и сербских[3] не в состоянии противу многаго числа татар стоять, хотя б турецкой кавалерии притом не было.

Напротиву сего сказать можно, что драгуны имеются — еже есть правда, но кто знает обращение, слабость и худое состояние их лошедей, тот их за кавалерию не почитает. И токмо что такое имя носят, ибо ружьем своим и багажем лошедей, на которых сидят, так покрывают и отягащают, что они едва итти могут. И часто видеть случалось, что драгуны, сходя с лошедей, оных на землю валяют и принуждены, затем что встать не могут, с них седлы и весь екипаж снимать[4]. Чего ради необходимо есть фуражиров инфантериею прикрывать, которая уже и без того походом умучена и изтомлена, имея, впротчем, самую плохую пищу, ибо я обнадежить могу, что я во всю мою бытность при армии не видал, чтоб хотя [б] четыре капрал[ь]ства кашу сварили. И тако, каким образом сия инфантериа к прикрытию фуражиров во время осады потребной непрестанной труд снести может? — воистинну оттого всеконечно разорена быть не преминет. А хотя б таких обстоятел[ь]ств и не было, то кто обнадежить может, что сия инфантериа, которой подвиги суть медлител[ь]ны, всем татарским или турецкой кавелерии лехким обращениям и напуском препятствовать достаточна. Подлинно они ее своими лживыми или прямыми напуски и скорыми поворотами обманут и в то место, где токмо инфантериа разомкнется, продрат[ь]ся могут.

[1] Ни здесь, ни далее Парадиз не упоминает о том, что степь старательно выжигали татары; по его словам, в недостатке корма для скота виноваты лишь сами русские.

[2] Сволочь — в данном случае сброд.

[3] Имеются ввиду гусарские полки — Сербский (Стоянова) и Венгерский (Куминга). В боевых действиях также участвовали Волохский корпус и Грузинские гусарские роты, соответственно, будущие Молдавский и Грузинский гусарские полки.

[4] Это свидетельство привело в негодование писателя А. А. Керсновского (автора «Истории русской армии»), который отнес его «за счет развесистой клюквы».

Всякому известно, что для прикрытия фуражиров вдвое или втрое инфантерии, нежели кавалерии потребно, и ис того подлинно признать возможно, что пока состояние российской армии не отменится, то оной невозможно какую-либо долговремянную осаду предпри[н]ять, и ниже осмодневной, как я уже об[ъ]явил, ежели они такой чрезмерно великой обоз при себе иметь и помышлять будут и без кавалерии обойтися.

Я уже много размышлял о осаде города Гдан[ь]ска, и, знатно, состояние армии всемерно на другом основании было.

Тамо она татар около себя не имела, и, может быть, поляки противной парти[и] партизанами короля Августа уже настращены и утороплены были, которыя, имея всегда российскую армию к своему прибежищу, хотя малосил[ь]нее оных были, однако же поля ей очищали[1]. Сверх же того, такого великаго обоза, чаю, при себе не имела, и что водяной путь в привозе к оной военной амуниции много вспособствовал, и тем телег мен[ь]ше было, которых в нынешнем походе такое великое множество было, что никак понять невозможно.

Я о асаде города Гдан[ь]ска токмо для того здесь упомянул, что я не могу со[о]бразить нынешняго состояния и основания российской армии с долговремянною осадою.

О порядке, которой, я думаю, потребен в походе российской армии

Я пред сим об[ъ]явил, что походы российской армии вес[ь]ма непорядочны, и тако думать надлежит, что она не хочет по худому своему обыкновению порядка трех дивизионов в баталионе-каре отменить. А ежели желает без конфузии и без всякого смущения походы чинить, то, по моему мнению, может следующим образом учинит[ь]ся.

Ежели довол[ь]но войска к прикрытию обоза случится, чего однако же в нынешней компании не было, то б я желал, чтоб инфантериа была в средине, а кавалериа — по крылам в ордере-баталии, как приобщенной при сем чертеж явствует.

За ними все офицерския и полковыя телеги фрунтом E и F, а в средине по сторонам ED и FG следуют, разстоянием от линии в 50 шагах, на стол[ь]ко колон[н], скол[ь]ко длина войска дозволит, над которыми телегами особливое надзирание иметь надлежит, чтоб шли в таком разстоянии.

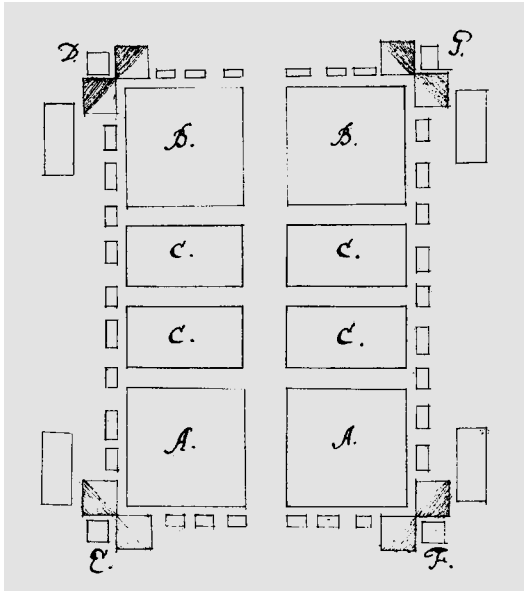
Пред всякою колон[н]ою телег пойдет по одному ундер-офицеру под командою трех офицеров, которыя будут по крылам, и все старание прилагать должны, чтоб всякая колон[н]а в своем месте шла и между собою не теснилась, дабы тем всякого безпорядка избежать.

За тем полковым обозом пойдут магазейны с военными и съес[т]ными припасами C, отделенныя от онаго нескол[ь]кими ундер-офицерами под командою одного офицера, а за магазейном — салдатския обозы, которыя учинят баталион-карре, яко же и половина по фланкам DE и FG под командою нескол[ь]ких ундер-офицеров же будет, которыя надзирать имеют, чтоб всякая колон[н]а в своем месте была и не теснилась.

И таким образом весь обоз итти имеет, оставляя между собою место для сообщения войск, и хотя б поход направо или налево случился, то однако же в том порядке никакой отмены не учинит.

Всякая дивизиа будет иметь при себе гусаров и козаков, которыя без обозов по фланкам или в тех местах, откуду от неприятеля опасность будет, пойдут.

[1] Речь идет о Войне за польское наследство (1733–1735) и осаде русскими войсками под командованием фельдмаршала Миниха польского города Данцига (Гданьска).



В лагерь оныя между трех баталионов-каре или дивизей становит[ь]ся имеют, и дабы оныя во всякой готовости и в военном обучении всегда были, то их на отводной караул и на пикеты по разсмотрению командира порядочно посылать надлежит.

При сем изображается план похода и лагеря, к чему один баталион-каре достаточен на все три дивизии.

О порядке, которой россияня в фуражировании употреблять могут

Понеже россияня по последней мере вшестеро более скота и лошедей при себе имеют, нежели другия европейския армии (еже разумеется с их магазейном), того ради они толь наипаче о соблюдении фуража старат[ь]ся принуждены.

И тако они могут возпретить, чтоб нерегулярныя войска напрасно по сторонам не бегали, и лошед[ь]ми и телегами травы еще прежде, нежели армиа в лагерь вступит, не толочили, которой великое множество оттого пропадает, а в нужном бы времени вес[ь]ма потребна быть могла. И для того надлежит им итти порядочно и по своей воле не бегать, яко же лутчего фуража не выбирать, в чем они толь наимен[ь]ше нужды имеют, что всякой из них по две и по три лошеди сытых и кормных имеет, а между тем драгунския и протчия лошеди вес[ь]ма худы[1]. Сверх же того, козаки делают то, что хотят, и умеют беречь лошедей, ежели в том нужду усмотрят.

По моему мнению, они ни к чему иному, кроме подвотчиков[2], не годятца, а особливо малороссийския козаки, которыя салдатской храбрости нимало не имеют и стол[ь]ко татар боятся, скол[ь]ко одно стадо другого бояться может.

Я за потребно признаваю приключившееся действо 15-го августа здесь упомянуть.

Армиа чрез два дни воды не имела, и господин генерал-фел[ь]тмаршал граф Миних за благо разсудил своих лошедей к мален[ь]кой речке Каминка, разстоянием с немецкую милю от армии, послать и как генералом, так и всем офицером об[ъ]явить приказал, дабы то ж учинили. Сверх того, быков запречь велел и достаточной конвой с двемя полевыми пушками, по всегдашнему российскому обыкновению, с ними отправил.

И тако они [в] 10 часов поутру туда пошли и тамо скот и лошедей напоили и бочки водою наполнили. Потом об них до глубокой ночи никакого известия не имели и думали, что они пропали. Господин генерал-фел[ь]тмаршал сам в великом безпокойстве быть являлся.

На другой день поутру господин генерал-фел[ь]тмаршал на лошедь сел, взял с собою принца Брауншвицкого, которой тогда дежурным был, и с семью или осмью персонами туда поехал, между которыми и я быть случился. И правда, что господин фел[ь]тмаршал в самое удобное время туда прибыл, ибо тот корпус в крайнейшей нужде находился и в полон взят быть мог, в котором, щитая, людей четвертая часть армии была.

Татары, приготовяся на два корпуса, хотели их атаковать, а произшедшая между россиан конфузиа командующаго над ними не допустила в ордер-баталии построит[ь]ся, и ночь тот корпус разделила надвое, разстоянием один от другаго на полмили. Та половина, х которой господин генерал-фел[ь]тмаршал с генералами прибыл, в великом смятении и яко стадо овец, от волка согнанныя в одно место, находилась и спасения своего тол[ь]ко с неба ожидала. Господин генерал-фел[ь]тмаршал, отделя немедленно салдат и драгун от протчих людей, прямо на неприятеля пошел, дабы конную свою гвардию, состоящую в 40 человеках, и нескол[ь]ко казаков, которыя за ним следовать хотели, выручить.

Татары, видя такой генерала-фел[ь]тмаршала поступок и на себя нападающих, не знали, что делать. Еже господин фел[ь]тмаршал видя, приказал нескол[ь]ким малороссийским казакам, которыя при нем были, итти налево и на татар напасть, которыя уже в смятении находились. Правда, что те козаки вид подали, якобы они с великою охотою то учинить хотят, но вместо чинимаго нападения далеко остановились и своею трусостию неприятелю время дали ретироват[ь]ся. Господин фел[ь]тмаршал на них зело прогневался, а я удостоверился, что в наилутчих и удобнейших случаях на такое войско надеет[ь]ся невозможно.

Я за потребно разсудил сие обстоятел[ь]ство для того здесь написать, дабы ясно оказать, что надлежит их вес[ь]ма к иному чему, а не к войне употреблять, хотя они и охоту к тому, по-видимому, являют.

Я бы желал, чтоб, прибыв в лагерь, все луговыя места выкошены были, и чтоб далее 600 шагов от фрунта скот стеречь всемерно не дозволено было, и, одним словом, возмоежное б старание к соблюдению фуража прилагалось, а не так, как ныне оной напрасно тратится.

Генерал[ь]ное фуражирование надлежит всегда отправлять в день отдыхновения и к прикрытию онаго удобвозможную предосторожность употреблять, дабы татары обезпокоивать не могли. Правда, что я их самих в себе ни во что вменяю, однако же по состоянию российской армии я их вес[ь]ма опасными признаваю.

Не великое ли то дело есть, ежели неприятель у меня всякую надежду отимет конвои получать, буде они великим ескортом не провожаются; ежели он мне в полях воли не даст и, следовател[ь]но, фураж отимет; ежели он меня в лагере запрет и в опасность приведет получаемых и отправляемых куриеров терять, как то часто случилось.

Сие последнее злоключение мне крайнейшей нужды быть является, ибо неприятель о всех моих намерениях дознат[ь]ся и по оным свои предприятии учреждать может с великим успехом.

Сверх того, сей неприятель отимает всякую способность и в изобил[ь]нейшей земле ничего получить не допускает, как мы то в нынешней компании видели, и российская б армиа все изобил[ь]но из Пол[ь]ши получать могла, ежели б так заперта не была.

Разсуждение о невыгодах российской армии

1. По таким сей армии медлител[ь]ным походам лехко признать возможно, что она на неприятеля нападение учинить и к генерал[ь]ной баталии принудить никак не может, ибо в четырех маршах он у нее всегда два выигрывает.

2. Что она никогда надежды иметь не может на неприятеля в наималейших случаях нечаянное нападение учинить, не имея кавалерии.

3. Что она во всех случаях — я хочю сказать в атаках городов и в баталиах — неприятелю более время подает, нежели надлежит во многом исправлят[ь]ся.

[1] То есть легкая (нерегулярная) конница, призванная охранять армию от внезапных нападений, фактически держала ее на голодном пайке.

[2] Подвотчики — видимо, ездовые при подводах, извозчики.

4. Что она принуждена всегда неприятеля на себя попускать, не в состоянии находяся от него, ежели он баталии желает, удалит[ь]ся.

5. Все, что она учинить может, состоит в том, чтоб место баталии одержать, а решител[ь]ной победы надеет[ь]ся не может.

6. Что неприятель не опасается в глазах ее меры к другому нападению предпримать, еже он стол[ь]ко крат, скол[ь]ко похочет, учинить может.

7. Ежели сей армии случится побитой быть, то уже таким образом, что, может быть, ни одного человека не останется, которой бы о том ведомость подать мог.

Всякая армиа, на которую в походе нападение чинится, по моему мнению, никакой пол[ь]зы иметь не может. В таком нападении всегда [в]незапность случается, и единая прилежность к поправлению своих дел часто в том медленность причиняет, а российская армиа толь наипаче тому подвергнута, что она вдвое время против других в походе бывает.

6-го августа корпус турецкаго войска и татар вид подали, якобы намерены нашу авангардию в походе атаковать. Мы все тому свидетели были и удивлялись, с какою медленностию в ордер-баталии построились, но неприятель тем пол[ь]зоват[ь]ся не умел, хотя по излишеству сил своих он всякого успеха надеят[ь]ся мог, ежели б он немного отважнее поступил. Нападение же его вес[ь]ма медленно и с холодностию отправлялось и обыкновенным сражением козаков и гусаров окончалось, ибо стрел[ь]ба из полковых пушек, которая всегда в вес[ь]ма исправном состоянии обретается, их далее ни до чего не допустила, и ту ужасную тучу, которая, по-видимому, нас подавить всемерно надеялась, разбила.

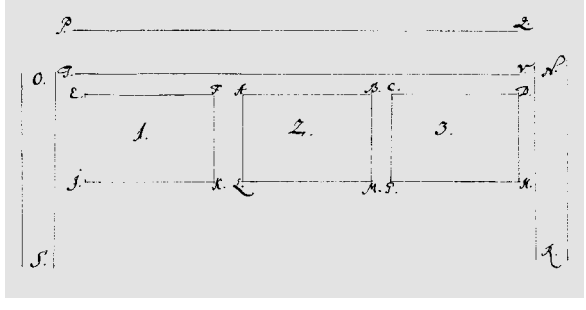
Причина же той авангардии медленности в баталию построет[ь]ся та есть, что она по препорции таким же обозом отягощена.

Разсуждении
о ордере-баталии у россиан

Россианя идут и в баталию строятся в три баталион-каре, из которых их армиа состоит, и средней [баталион] всегда многочисленнее, нежели другия бывают, и оныя дивизиами называются.

И ежели армиа состоит в пятидесят тысячах человеках, то на всякой стороне из тех баталионов-каре около четырех тысяч человек бывает и, следовател[ь]но, на тысячи шагах в четыре шеренги становятся. А кавалериа, как то в само́м действе есть, пешая разумеется, ибо ее худыя лошеди не в состоянии противустоящую неприятел[ь]скую кавалерию опровергнуть.

И тако, ежели генерал[ь]ная баталиа случится, то россианя принуждены будут как наискорее в баталию построит[ь]ся. Медлител[ь]ное же обращение их обоза и баталион-каре им не дозволяет о подвигах и предприятиях неприятел[ь]ских примечать и присматривать, яко же противу оных предостерегат[ь]ся, опасаяся побитым быть, и тако они обыкновенным образом, назначенным здесь 1, 2, 3 планом, построятся.



Я, например, неприятеля в такой же силе в 50 000 человеках, как и россиан, постановляю.

Сие видно, что неприятель всю сторону ED 15 000-ю человек TV заступит, ибо россианя, которыя во фрунте тол[ь]ко 13 000 человек

имеют, другую линию, около того ж числа назначенную, PQ построят, остал[ь]ныя ж 20 000 человек, попалам разделя, по сторонам NR и OS поставят. И когда таким образом с обоих сторон приуготовлении учинятся, то неприятел[ь]ския войска атаку начнут, ибо с[о] стороны российской, по причине их великого обоза, нимало несвободно и неспособно в присудствии неприятеля какое движение учинить.

Я постанавляю, что россианя их храбростию, искус[с]твом и помощию артил[л]ерии, о которой я уже выше упомянул, что в преизрядном состоянии находится, неприятеля победит[ь] и в бег обратить, токмо за неприятелем гнат[ь]ся не возмогут, дабы от флангов EF (EI)[1] и DM (DH) не отлучит[ь]ся и тем случая не подать корпусу NR и OS, которой у них во фланге будет, себя победить. А чтоб со всеми дивизиами за неприятелем следовать, то всемерно невозможное дело есть и так, якобы море выпить. И тако по случившемся разбитии неприятель паки соберется и линии PQ, которая в баталии еще не была, приступить велит и вновь атакует. Российской фрунт не без того останется, чтоб в первой атаке урону не претерпел, и я не знаю, ежели по дву[м] или трем атакам, которыя неприятель, будучи вдвое сил[ь]нее, противу фрунтов ED и FV (TV), и имея две линии, предпри[ни]мать всегда в состоянии, наконец где-либо не проддерется.

В таком случае россианом вес[ь]ма плохо приключится, и ежели неприятель в местах ET (EI) и FK продерется и во фланк придет, то никак ему супротивит[ь]ся невозможно.

А чтоб разделит[ь]ся и какое обращение к своему избавлению учинить, то в присудствии такой лехкой кавалерии, как турецкая, зделать вес[ь]ма трудно и невозможно.

Я сие еще таким обстоятел[ь]ством постановляю, как российская армиа атакована быть, а имянно во фрунт, сама желает, но кто турков за толь ослепленных и несмысленных в войне признавает, чтоб они всех оной пол[ь]з не разумели, как россиане в том удостоверены быть являются. Я уповаю, что турки, ежели похотят надежной успех иметь, всемерно во фланки EI и DH всегда атаковать будут. Может быть, что кто-либо прекословить будет, что немалое дело есть армию обратить и фланг оной получить — сие есть правда и в разсуждении других европейских войск всемерно состоятел[ь]но. Но о российской армии, видя ее обращении, смело сказать могу, что неприятель ее тогда и в таком месте атаковать может, когда и где похочет. Причина же тому явственна есть, что чрезмерно великой ее обоз, без котораго обойтися может, ей обращении без урону и в кратком времени чинить не дозволяет.

И того ради, по моему мнению, россианя обычай и порядок свой в марше и в баталии толь наипаче отменить могут, что я никакой нужды не присмотрел в баталион-каре ходить. И могут на три, на четыре или на стол[ь]ко колонгов итти, на скол[ь]ко за благо изобретется, а обоз всех тех колонгов под дастаточным числом аван- или ариергардии оставить, которая оной от всех нападений защитить может.

А в лагерь могут ставит[ь]ся в две линии и обоз в средине, прикрыв некоторым образом фланки. И в таком порядке чего они от татар опасат[ь]ся имеют? Воистинну ничего, ибо 20 000 татар смелости не имеют 1000 прикрытых рогатками атаковать.

Притом же надлежит нескол[ь]ко порожжих мест между обозов для коммуникации обоих линей оставлять.

Донския козаки и калмыки поставятся на одном фланке, а запорожския — на другом, закрываяся телегами, как они то обыкновенно делают, и тако они всегда толь наипаче в безопасности будут и татар, которыя похотят к фрунту армии приближит[ь]ся, толь наиспособнее отрезать могут.

[1] Сравнение текста и плана заставляет усомниться в правильности некоторых латинских литер. Наш вариант прочтения приводится в скобках.

Из чего ясно является, что таким ордером-баталии их поход вес[ь]ма способнее будет и, имея под собою более земли, фуража более иметь будут, в чем у них немалая нужда бывает, не в состоянии будучи за недостатком кавалерии далеко фуражировать.

Древней обычай иногда предосудителен бывает и мнится, якобы онаго отменить невозможно. Сего недовол[ь]но сказать, что мы всегда так делали, но потребно всегда разсуждать, которой порядок лутче, и тому последовать.

Я разсудить и понять не могу, чтоб между двух храбрых армий та, которая в баталион-каре, могла другую, стоящую в две линии, побить и толь еще наимен[ь]ше — ежели она весь свой обоз в средине имеет, которой ей обращат[ь]ся препятствует.

Можно догадат[ь]ся и верить, что россианя на славной Полтавской баталии не по нынешнему их обычаю бились — имея подле себя Полтаву, нужды не имели в баталион-каре стоять, и читается, что они пред своим фрунтом ретраншементы имели.

Я вес[ь]ма сумневаюся, чтоб трудность баталион-каре разомкнуть их такую знатную победу, как за 30 лет случилос[ь], получить допустила.

О переправах чрез реки

По всему, выше сего от меня пред[ъ]явленному, познать мочно, что россиянам всегда в переправе чрез реку зело трудно будет, когда какая армея тому супротивлят[ь]ся похощет, и когда на них великая татарская орда наступать станет. А для избежания насил[ь]ственной переправы, отчего времянем много людей пропадает, и не всегда тем успех получается, они принуждены будут корпус из их армеи без обоза отправлять, чтоб оной скрытно от неприятеля переправился. Сему корпусу надлежит гораздо сил[ь]ному быть, чтоб по переходе той реки оборонят[ь]ся мог, без чего оной прежде переправления армеи прогнан будет.

Мы видели, что в сию последнюю кампанию их армея в прикрывании своего обоза немалой труд имела. Но как бы они уже то учинили, ежели б им надлежало для того бол[ь]шую часть и обыкновенно лутчие войска отправить, почему видно, что сии обозы татарским нападениям зело подвержены были б.

И хотя б они всякие препятствии отвратили и без великого ущерба на место переправы пришли, однако ж оное зело трудно, ежели татары хотя [б] мало свои меры воз[ь]мут. Что зделает сей великой обоз, которому для переправы три дни надобно, и тогда татары оной таким образом запрут, что они им время не дадут фураж заготовить, и ежели они еще с собою корпус турак для учинения первых нападеней имеют, то я не знаю, едва ль последние, переправлят[ь]ся имеющие войска назад прогнаны не будут.

Однако ж они после всего сего перейдут, но скот и лошади так пристанут, что они едва на ногах стоять могут и в состоянии не будут те марши продолжать, которые их операции требуют.

Татары по переправе их не оставят за ними тотчас следовать, ибо в Буге и Днестре множество мелей есть; сверх же того, им зело мало труда будет чрез оные без того перейти, и от непрестанного их нападения россияня принуждены будут все телеги и экипаж бросить.

Чего ради я твердо уповаю, что российской армеи на таком основании, на каком она находится, пока за нею татары, имея при себе турак, для препятствования ей в переправе чрез Днестр или другую какую реку следуют, зело трудно будет чрез оную реку переправит[ь]ся, да и она опасности подвержена будет ущерб получить и как конницу, так и экипаж потерять.

Способы, по моему мнению, для поправления сих несходствей

Я приметил, что татара мен[ь]ше 15-ти дней, то есть с 15-го числа августа, так российскую армею утомили, что они ее в самую крайность привели, многих в полон побрали и принудили россиян множество везенных с собою магазейнов зжечь, за неимением скота, которой у них отчасти татарами отогнан, отчасти же с голоду, а паче с жажды поморен, лишаяс[ь] чрез 4 дни воды. Но хотя татары ни половины того, что они учинить могли б, не зделали, однако ж россияня оттого по одному и по два дня часто останавливалис[ь], ибо они, татара, вокруг российской армеи с такою смелостию находятся, что они в виду у нас, за 1000 шагов от армеи, своих лошадей пасли. Из чего видеть мочно, что российяня на пред[ъ]явленном их основании опаснее неприятеля оных иметь не могут, и подлинно они разбиты и погублены были б, ежели бы татары упорливо за ними следовали и на них нападали, так что россияня ни малейшей надежды не имели б с ними бит[ь]ся[1].

Но хотя б сие и было, однако ж надлежало б им всякие способы изыскивать, дабы их отогнать и им острас[т]ку дать, ежели б они отважилис[ь] очень блиско подбегать. Я думаю, что 4000 драгунов и 4000 гусаров с нескол[ь]кими козаками всегда в состоянии будут их побивать, хотя б их 50 тысяч было, и напоследи их вовсе разогнать.

Драгуны и гусары, не имея на своих лошадях ничего, кроме своих япанеч, гораздо лехчае бились бы. И когда б их багаж на телегах везся, то они, не имея никакой службы, могли б перед армеею для вящего облехчения в получении фуража итти, но ежели ариергардия никакой опасности не имела б, то надлежало б драгунам в сапогах без шпор быть. И ежели б им со времянем можно было дать мушкатоны не длиннее двух футов, то есть с[о] стволом бол[ь]шаго калибра, яко пистолетным, для заряживания многими пулями, и вместо сабель раздать драгунам добрые крепкие шпаги с востреем на обе стороны, наподобие таких, какие при гишпанской кавалерии употребляются, то б они тем гораздо лутче вооружены были.

Седлу и конному убору зело лехкому быть надобно, и как всякой человек из сего войска, которой убудет, так и лошади, да и те, которые пристанут, тотчас другими дополнены будут.

При армеи находится множество сих казацких лошадей, которые зело добрые и так лехкие, как татарские; равным же образом и гусар содержать возможно. Компле[к]тование лошад[ь]ми сих 8000-ми человек зело способно в мирное время, понеже татара множество лошадей как в Пол[ь]ше, так и на Украйне продают, и их по дешевой цене отдают, а между тем в случае будущей кампании могут они всяких козацких лошадей употреблять, которые так же хороши и к скорому бегу способны, как мы часто татарских видали.

Я включител[ь]но пред[ъ]являю, что думать не надобно, чтоб все татара довол[ь]но лошад[ь]ми снабдены были, ибо мне казаки сказывали, что множество и между ими безлошадных есть, и что то по несчастию российскую армею такие окружают, из которых множество добрыми панцырями снабдены.

Я обращаюс[ь] на мою речь: сие войско, кое, впротчем, выбрано и таким образом содержено было б, в страх татарам будет не сражениями, чего чинить всемерно им запретить надлежит, но [в]незапными на них, татар, нападениями, чем их по мен[ь]шей мере принудить мочно в дал[ь]ном разстоянии от армеи быть.

Однако ж я понять не могу, для чего господин фел[ь]дмаршал, видя, что татара всеконечным разорением его армеи суть, не старался какой-либо знатной отпор

[1] Парадизу не угодили ни «россияня», ни «татара». Справедливости ради надо сказать, что и австрийцы в ту войну не совершили великих дел.

сим безпутным людем учинить вместо того, чтоб как в марше, так и в стоянии лагером медлить, по вся дни сражение производить, тем армею истомлять и ея в походе останавливать, да и чрез то вящую смелость татарам подавать, которые вначале многолюдством оказывалис[ь], а напоследи уже отваживались малыми станицами подбегать и россиян тревожить, показуя, что они отнюд[ь] ничего не боятся.

Но, по моему мнению, надлежало б следующим образом учинить.

Козаки донские, украенские, запоро[ж]ские и нескол[ь]ко калмык около 5000 человек сочинить могут, имея из них наибол[ь]шая часть по 2, по 3 и по 4 доброкормных лошадей, о чем я выше сего пред[ъ]являл, и тако бы зело лехко было по мен[ь]шей мере у них 6000 лошадей взять и драгунам отдать, а козаки бы довол[ь]но лошад[ь]ми снабденны осталис[ь]. Проведав чрез партии или шпионов, где татара стали б, мочно было б сии 6000 человек драгунов отправить, придав им от 3-х до 4000 имеющихся у россиян гусаров и самых лутчих козаков, чтоб они ехали час или два ночи, смотря на разстояние их путя, разделяся на три части, и на разсвете бы по сигналу на татар напали. И потому бы они преминуть не могли их [в]незапно окружить, то наипаче, понеже татара ночью зело оплошно стоят, не опасаяся, по мнению своему, ничего, особливо же когда их лагерь отчасти от российской армеи удален находится.

Хотя б в сем [в]незапном предприятии россиянам и не удалос[ь], и татара бы разбежалис[ь], однако ж подлинно есть, чтоб сей поиск их устрашить и вящую свободу и облехчение в фуражировании россиянам подать мог.

Я чаю, что по многим покушениям татара от своего намерения отстали б, понеже они войну тол[ь]ко тогда производят, когда они добычю получить чают и в том свою партикулярную прибыль находят, а не для пол[ь]зы государства и чести их оружия. И потому подлинно есть, что россияня по мен[ь]шей мере от них не стол[ь]ко тревожены и спокойнее б были.

А что во время войны для компле[к]тования 4000-х человек в гусарах недостаток есть, то оные, уповател[ь]но, от нашего двора им даны быть могут, еже разумеется за равномерную дачю их пехоты.

Мне мнится, что ежели россияня способа не сыщут кампанию конницею исправлять и не допускать, дабы таким образом татара их запирали, то они никогда ничего не учинят, и их армея всегда пропадать станет, да и зело малое число лошадей и быков остават[ь]ся будет, и тако они принуждены будут другую армею во все кампании собирать.

О лагерах

Армея на таком основании находится, что она положения места за неимением конницы познать не может, ибо сие войско так опасности подвержено, что часто в такой лагерь вступают, о котором генерал-квартирмейстер еще не знает, где армея станет. И я двожды и трожды видел, что, идучи до самого вечера, господин фел[ь]дмаршал армеи стать велел, где он обретался, яко же за самою малою долиною марш несказанно медлится. Видя сию великую конфузию и прилагаемые от генерала-квартермейстера и его подчиненных труды, хотя уже половина армеи в лагерь вошла, мочно подумать, что россияня по вся дни свой обычай, становяся лагером, отменяют, стол[ь]ко все притом безпорядочно произходит.

Господину барону Рейскому и мне 11-го августа незадолго пред вступлением в лагерь случилос[ь] от господина фел[ь]дмаршала отстать, и мы со всевозможным трудом генерал[ь]скую квартеру искали. Встретился нам господин принц Брауншвейгской, которой нам сказал, что он своей квартеры сыскать не может, и так же,

как мы, неспокойным являлся. Но, по счастию, мы с генералом-квартермейстером встретилис[ь], которой нас от такого труда избавил, без чего б, я чаю, мы еще оной квартеры [долго] искали.

Я сие для того пред[ъ]явил, дабы показать, что их лагерь на месте не так хорошо учрежден, как на даваемом нам плане, ибо мне никак невозможно было фигуру оного различить. Однако ж они токмо одного генерала-квартирмейстера, одного полковника и четырех квартирмейстеров в ранге маэорском имеют, которые все крайним трудом изнурены.

Понеже я не могу забыть безпутного и смешенного обоза, которой разорение российской армеи приключает так, как я то сам видел, то я разсуждаю: не возможно ли б было оттого частию [о]свободит[ь]ся до тех мест, пока в том нужда возимелас[ь] бы, — тол[ь] наипаче, ибо не токмо одни идут офицерские обозы, которые поистинне двумя третьми бол[ь]ше находятся, но и съестные припасы они с собою во всю кампанию везут, чем армея в безпорядок приводится. И я чаю, что, построев кладовые анбары в нескол[ь]ком разстоянии один до другаго с самых их границ или же по сю сторону даже до армеи, мочно сие несходствие поправить.

О кладовых анбарах для съестных припасов и военной амуниции

Я не знаю, смею ли сказать, что россияня, не возя всех своих магазейнов с собою, могли б три четверти оных назади по анбарам оставить. Они бы могли оные разложить по трем местам, разстоянием на нескол[ь]ко миль один от другаго, прикрытым добрыми ретранжементами, и притом почти всю их кавалерию употребить для препровождения обозов, когда в том нужда возтребовала б, да сверх сего определить по одному доброму баталиону пехоты в каждой ретранжемент с фуражем на толикое время, на скол[ь]ко для самых удаленных от армеи оного за потребно разсудилос[ь] бы, дабы они не принуждены были фуража готовить. Яко же тол[ь] лехчае было б их фуражем снабдить, ибо армея, стоя чрез многое время без всякого дела, могла б лехко тем достаточно снабдить, потому что она по нескол[ь]ку дней в близости сих ретра[н]жементов находится. Повсюды самой наилутчей корм сыскать мочно, тол[ь]ко надлежало б их водою удовол[ь]ствовать, еже бы они лехко учинить могли, понеже они в оной при своих маршах недостатку не имели, и никогда бы в том с приезду нашего к армеи им нужды не было, ежели б они в состоянии находилис[ь] так, как иная нация, маршировать. Но, идучи тол[ь]ко по половине или же по четверти маршей, вес[ь]ма неудивител[ь]но, что они в воде от времяни до времяни недостаток претерпевают, и я чаю, что и с другою армеею часто то же бы случалос[ь], ежели б она равномерным образом свой марш производила, то есть так же помалу.

Могли б учредить первой магазейн на реке Ингуличе, почти за 10 миль от Мишаронка, где мост ком[м]уникации на Днестре есть, по которому армея перешла.

Второй учредили б по воде и положению земли или места между первым и [рекой] Бугом, на берегу которой третей установили б.

А самой удаленной от армеи — в Ингуличе, где россияня редут для ком[м]уникации их имеют. Первой пошел бы во уреченное время и у второго для отдыхновения от своего марша остановился, а второй бы пошел к третьему и тамо бы для того ж остановился, и третей, ежели б других не имелос[ь], при армеи бы остался, ибо подлинно есть, что быки и лошади по отдыхновении могли б марш чрез три мили учинить. Но можно л[ь] сказать, что когда татара снабденной довол[ь]но люд[ь]ми ретранжемент взять не могли б, то чаете вы, что они конвой не аттаковали б, когда бы оной в марше находился?

Подлинно есть, что я в том затруднение, однако ж преодолеемое, нахожу, понеже мы знаем, что 20 тысяч человек татар более двух раз подумают не вес[ь]ма прикрытой корпус, состоящей тол[ь]ко в 1000 человеках, аттаковать, яко тому частые примеры находятся. Храброе войско премножество способов против таких непотребных людей имеет. Я сам видел, что 2000 человек татар не отважилис[ь] напустить на конную гвардию, состоявшую тол[ь]ко в 40 человеках, господина фел[ь]дмаршала, которая от всякого сукурса[1] удалена и оставлена была. Командующей оною порутчик, видя, что татара на него напускают, спешился, построя свой каре в 10 человек фрунта и поставя лошадей в средину, но те татара, которые, по-видимому, его проглатить хотели, увидя его действие, ушли. Еще ж мочно надеет[ь]ся, что хуже б было конвой оставлять, ибо войска с полевыми пушками, кои они с собою всегда возят и которых татара яко алкорана[2] боятся, всегда от оных людей в безопасности будут и по своей удобности ретируются.

Елико до второго конвоя касается, то оной никогда в великой опасности не был бы, ибо при нем двойные проводники находилис[ь] бы, и тако из двух злоключностей не надобно ли малейшее выбрать? Не лутче ли четверть своих провизей в отвагу предать, нежели зело великою конфузиею обоза всю армею потерять? Сверх того, россияня авантаж имели б свою кавалерию и скот в добром состоянии получать и могли б тем в своих военных действиях пол[ь]зоват[ь]ся.

Могут мне вопреки сказать, что турки во взятии ретранжементов вес[ь]ма мешат[ь]ся могли б. Но трудно того чаеть, чтоб турки так далеко отважилис[ь], особливо же с пехотою, и их кавалерия ко взятию ретранжементов неудобна. Но дабы никакой причины не иметь чем-либо на себя нарекать, то главной генерал в таковых случаях приличные по обстоятел[ь]ствам меры возприимет.

Разсуждении о российской кампании в 1738-м году

Хотя согласно постановленной о операциях сей кампании между обоими союзными державами план учиненным от россиян подвигам вес[ь]ма противен и в том разнствует, однако ж никако сумневат[ь]ся не мочно, чтоб их двор еще прежде кампании за благо не разсудил таким образом действовать, да и точные указы господину фел[ь]дмаршалу графу Минниху не дал бы, дабы отнюд[ь] переходом чрез Днестр не покушат[ь]ся.

Но хотя, приближаяся к сей реке, господа генералы своими частыми, держимыми почти по вся дни военными советами, по-видимому, уверить хотели, что они тол[ь]ко ради единых обстоятел[ь]ств и подвигов неприятеля свое намерение отменить принуждены, однако ж о сем мнении мочно следующие резоны пред[ъ]явить:

1-е. Что россияня зело медлител[ь]но и тихо в наилутчее время и при самом преизрядном корме маршировали, да и никаким образом от неприятеля обезпокоеваны не были, ибо татара тол[ь]ко в начале июля показыват[ь]ся начали.

2-е. Что, приближася к Днестру, неприятел[ь] своими подвигами или своею силою, коя тол[ь]ко около 20 000 человек была, отнюдь никакого повода ко отменению их намерения не подал, хотя б они и хотели чрез оную реку переправит[ь]ся, ибо их армея тогда еще в нужде не была.

3-е. Что господину барону Рейскому зело тайно от некоторого человека, коего он подлинно знать может, сказано было, что россияня ничем для учинения осады

[1] Secours (фр.) — помощь, подкрепление.

[2] Алкоран — Коран, священная книга у мусульман.

не снабдены. И что напоследи по многим нашему двору подробно пред[ъ]явленным обстоятел[ь]ствам видно, что господин фел[ь]дмаршал об отлучении господина барона Рейского от армеи всякое возможное старание прилагал, да и для достижения того его принудил очевидной опасности от взятия татарами подвергнут[ь]ся.

Я чаю, что все сии резоны пред[ъ]явленное мною довол[ь]но доказуют, а имянно: что россияня охоты не имели наступател[ь]но действовать, наимен[ь]ше ж — в сию кампанию чрез Днестр переходить, хотя они однако ж обещали оное учинить, також и корпус войск во околничностям Бендера по взятии его оставить.

Ныне изследовать мочно, для чего они ничего и[з] всего ими обещанного не учинили, какие резоны они ко опровданию своих подвигов, поистинне оборонител[ь]ных, пред[ъ]явить могут. Но таковое оборонение тол[ь]ко ко всеконечному разорению, а не соблюдению армеи клонится, понеже сия кампания им стол[ь]ко стоит, как бы они осады и баталии имели. Я чаю, что когда какая держава оборонение избирает, то думать надобна, что она в безсилии находится действовать; или она чает, что неприятел[ь], будучи в чюжей земли, за неимением крепостей и других способов напоследи принужден будет ретироват[ь]ся с великим уроном, которой бы ему, чаятел[ь]но, напрасными подвигами приключился; или что неприятель, зашедши зело далеко в землю, пропитания своего лишится, или оное у него отсечено будет, и потому он оттого всеконечному разорению подвергнется[1].

Також зделат[ь]ся может, что она победоносного неприятеля устрашается, или же что тот авантаж, которой она от вы[и]грыша баталии приобрести могла б, малым бы делом был в сравнении с теми великими следствиями, кои от злоключения произойти могли б.

Сии суть главные резоны, которые для сыскания оборонения употребить мочно, но я не чаю, чтоб россияня к тому хотя [б] единой из вышепред[ъ]явленных мною резонов имели.

Они гораздо сил[ь]нее неприятеля были, и вместо того, чтоб неприятеля, дома оставшегося и зело малые подвиги чинившего, к разорению привесть, они себя сами своими долговремянными напрасными походами разорили.

Они сами в то вступили и по их великим и трудным походам надлежало б чего-либо достигнуть или дома остат[ь]ся. Взятие Бендера или паче Хотина их Молдавиею обнадеживало; близость так изобил[ь]ной земли, как Пол[ь]ша, им всякую выгоду обещала и им всякие удобности к будущей кампании подавала. Еще ж их армея победоносна была, и они потому всего надеет[ь]ся имели, понеже оная отнюд[ь] о добром успехе своего предприятия не сумневалас[ь], вместо того, что неприятель вес[ь]ма в противном тому состоянии находился. Следствии генерал[ь]ного дела с одной стороны почти как с другой были — для чего издерживать множество съестных и военных припасов? Понеже они безперерывно с татарами дело имели, для чего погублять неисчисленное множество быков и лошадей и, может быть, половину их войск? Для чего вовсе отменять согласно постановленной между обоими дворами план без всякого произшествия, которое бы их к тому принудить могло?

Истинность между союзниками требовала: или наш двор не обнадеживать, что чрез Днестр переходить хотят, или, обещав, всякое возможное старание о получении в том успеха приложить. Точию не мочно видеть, чтоб какие-либо случаи или обстоятел[ь]ства их принудили в противность тому учинить, что они обещали.

Господин барон Рейский (которой о переходе чрез Днестр зело усер[д]ствовал и всякое удобвымышленное старание к тому прилагал, дабы господина фел[ь]дмар-

[1] Чем не сценарий Отечественной войны 1812 года?

шалка на то склонить) ему в некоторое время сказал, что понеже по указу нашего двора я прошлой кампании сию реку осматривал, то я себя представлял армею провесть, где бы она подлинно в переходе зело великой авантаж, хотя б притом со употреблением сущей силы, имела, ибо положение места в некоторых околничностях вес[ь]ма удобно было.

Господин фел[ь]дмаршал меня к себе призывал, подавая вид, что он со мною о том разговаривать хощет, но мы лехко усмотреть могли, что не сей переход причиною того был, еже его вяще упражняло и в смущение приводило. И, не разсуждая прямо о моих мнениях, он сказал в такой силе: я хочу послать партию из сих запорожских казаков (которых начал[ь]ники тогда при нем были) по ту сторону Днестра; они осмотрят и мне репорт привезут о тех ведомостях, кои я требую. Я хотел тогда им сказать о тех мелях или бродах, которые я знал, но он мне сказал, что понеже они партизаны как в военное, так и [в] мирное время находятся, то я вас обнадеживаю, что они оные без сего знают.

Мы более не слыхали, чтоб говорено было о партии сих козаков, ниже о переходе чрез Днестр, хотя я после того еще пять дней при армеи пробыл, и для того господин барон Рейский вознамерился меня сюда послать[1].

По неисчисленным обстоятел[ь]ствам казалос[ь], что его намерение уже взято, то есть чтоб отнюд[ь] не переходить, почему дознават[ь]ся мочно: или что россияня (которые по всем видам могли б места завоевать и тем неприятеля ко вступлению в выгодную союзным державам землю принудить) в министерстве не согласны были, и что некоторая важная персона, уповател[ь]но, по неизвестным мне причинам такие намерении опровергнула, которые бы могли тол[ь]ко честь и славу их оружия умножить, им доброй мир исходатайствовать и ту конфиденцию[2] соблюсти, которую истинной и ревностной союзник впред[ь] к ним в таковых случаях иметь мог бы; или же что они при операциях сей кампании без намерения и совета действовали.

Не в какое поношение я побужден отчасти натурал[ь]но в некоторых местах моих примечаней говорить, но мочно разсудить, что то ревность к службе моего государя меня побуждала нашему двору пред[ъ]явить, скол[ь]ко я по моему малому искус[с]тву понять мог, истинное и сущее состояние российской армеи. Хотя мне однако ж крайне прискорбно было б, что сия малая пиеса наружу вышла б.

По мен[ь]шей мере я знаю, что пристрастие в том никакого участия не имеет, понеже я при их армеи бол[ь]ше чести получил, нежели я того достоин, а особливо от господина фел[ь]дмаршала, которой самой наиучтивейший господин есть.

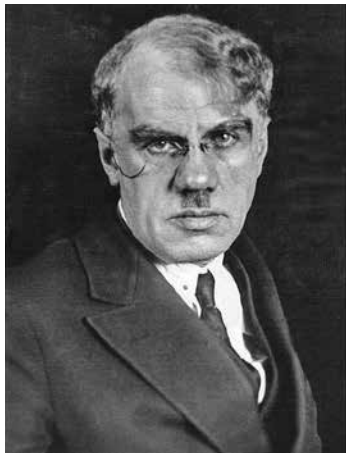
Желател[ь]но б было, что[б] россияня, прилежно разсмотря свое основание, состояние и дело, так же, как я то учинил, соблаговолили б для общего блага и пол[ь]зы в том непорядки поправить.

[1] Иными словами, российскому командованию ставится в вину, что армия, оказавшись в невыгодных условиях (неважно по каким причинам), отступила, а не была принесена в жертву союзническим интересам австрийского двора. Миних, таким образом, принял самое верное решение — жаль, что его примеру следовали не всегда.

[2] Confidence (фр.) — откровенность.

Е. А. Лукьянов

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ДЕТСКИХ РИСУНКАХ И СОЧИНЕНИЯХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ В. С. ВОРОНОВА



Василий Сергеевич Воронов (1887–1940)
Фото 1930-х гг.
Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства

Одним из важнейших открытий XX столетия в области искусства явилось детское художественное творчество. Увлечение им как «свежим» источником эстетического восприятия мира было близко ряду течений профессионального искусства, особенно примитиву, который вдохновлялся детскими рисунками наравне с архаическим искусством и народным творчеством. Художественный критик Я. А. Тугендхольд отмечал, что уже с конца XIX века «детские рисунки перестали быть в глазах взрослых кляксами шалости, каракулями невежества; в них усмотрели подлинное творчество — бескорыстное, бессознательное, в котором ребенок расточает свойственную ему цветистую фантастику и свежесть выражения»[1].

Возведенное в ранг «высокого искусства», творчество детей обрело своих ценителей, коллекционеров и исследователей. Видное место среди них занял Василий Сергеевич Воронов (1887–1940) — выдающийся ученый, посвятивший значительную часть жизни «детскому эстетическому воспитанию»[2]. Окончив в 1906 г. Строгановское художественно-промышленное училище в Москве, В. С. Воронов получил место преподавателя графических искусств при частном реальном училище И. И. Александрова, а в 1910 г. еще и при мужской гимназии имени М. В. Ломоносова в Москве. Погрузившись в работу с детьми, В. С. Воронов скрупулезно изучал и анализировал различные аспекты детского художественного творчества[3]. Вскоре после начала Первой мировой войны он решил заняться собирательством детских рисунков, благо материал сам шел в руки. Коллекция постоянно пополнялась, расширялся ее тематический состав: к рисункам на тему войны добавились сюжеты революционные. Впоследствии В. С. Воронов писал: «Мировые события последних лет — война и революция — получили, как показало наблюдение, настолько яркое и оригинальное отра-

жение в детском графическом творчестве, что будущая летопись наших дней была бы не полна <...> без этих свидетельств, скромных и наивных, но живых, искренних и ничем незаменимых по своей глубокой психологической убедительности и художественной оригинальности. Этот взгляд на детские рисунки современности как на исторический материал и послужил главнейшей основой при собирании данной коллекции»[4].

В 1918 г. В. С. Воронов пришел на работу в Российский Исторический музей, о чем мечтал долгие годы. 14 сентября 1918 г. он записал в дневнике: «Сегодня Ученый Совет Исторического Музея избрал меня в качестве сотрудника по отделению “Народного Творчества”. Двери Исторического Музея открылись. Осуществилось мое давнее сокровенное желание: быть соучастником в разработке и охране национального искусства России. Работа впереди огромная и глубоко интересная. Путь чрезмерного педагогического труда, видимо, окончен. Я оставляю себе малое количество уроков и надеюсь в ведении их вновь переживать учительское вдохновение, почти заглохшее за последние — особенно трудные — годы. Отныне — широкая дорога по изучению русского искусства и малая тропиночка художественно-педагогического труда»[5].

В 1919 г. ученый принял решение расстаться с коллекцией, которую он собирал пять лет, и передать ее на вечное хранение в Исторический музей. В подробной пояснительной записке, прилагавшейся к рисункам, В. С. Воронов дал характеристику всей коллекции: «Настоящее собрание представляет собою постепенный отбор из многих тысяч детских рисунков, с которыми собирателю приходилось иметь дело. Главное внимание при собирании было обращено на разнообразие и возможную полноту мотивов и вариаций на указанные темы и, одновременно и параллельно с этим, на художественно-декоративные качества и особенности (детский примитив, узорная трактовка наблюдаемого, мотивы разнообразной графической схематизации и т. д.), свойственные детскому изобразительному искусству. Военный или революционный мотив детского рисунка и его художественный стиль были предметом постоянного внимания собирателя»[6].

Благодаря прозорливости В. С. Воронова, Государственный исторический музей стал счастливым обладателем поистине уникальной коллекции детских рисунков, отражающих события Первой мировой войны и Великой российской революции — переломных вех в истории России. Собрание насчитывает более 1600 графических листов[7]. Можно без устали рассматривать эти интереснейшие работы, поражающие четкостью и остротой характеристик, неожиданностью подмеченных деталей. Перед зрителем встает целая эпоха, увиденная наивными ребяческими глазами.

Коллекция составлена из рисунков мальчиков старшего дошкольного возраста, учащихся младших классов городских училищ и средних учебных заведений Москвы (возраст — от 7 до 13 лет). В ней преобладают работы учеников мужской гимназии имени М. В. Ломоносова и частного реального училища И. И. Александрова, где В. С. Воронов преподавал рисование. Почти все рисунки, по свидетельству самого собирателя, исполнялись дома — как работы на свободные темы, без помощи и указаний учителя, только лишь под влиянием событий и настроений, которыми жил город в годы войны и революции. «В быстролетном и обычно небрежном детском графическом творчестве полно, разнообразно и своеобразно, как может видеть наблюдатель, отразились исторические дни и события»[8].

«Революционную» часть коллекции, а это чуть больше 400 листов, можно разделить на две примерно равные группы. Рисунки первой из них повествуют о событиях 1917 и послереволюционного 1918 гг. Все произведения выстраиваются в жесткую хронологическую линию: Февральская революция — Между Февралем и Октябрем — Октябрьская революция — После Октября. На рисунках можно видеть демонстрации и митинги, очереди за продуктами и автомобили с революционными солдатами, сражения на московских улицах и обстрел Кремля, украшения города по случаю первой годовщины Октября и проекты герба молодого советского государства. Особенностью этой группы рисунков является то, что практически все они исполнены с натуры, на основе реальных сцен, разворачивавшихся перед внимательными глазами маленьких наблюдателей.

Рисунки второй группы посвящены *образам* революционной эпохи. Здесь представлены многочисленные изображения большевиков и меньшевиков, кадетов и эсеров, юнкеров и красногвардейцев, буржуев и пролетариев. Большинство листов сопровождается надписями, исполненными как детской, так и взрослой рукой (видимо, родительской), поясняющими политическую и социальную принадлежность того или иного персонажа. При создании этих работ дети руководствовались не только своими собственными познаниями, но отчасти и публикациями в периодической печати, пестревшими описаниями характерных типажей новой эпохи.

Часть детских «революционных» рисунков из коллекции В. С. Воронова экспонировалась в 1918 г. на двух небольших выставках: «Детские рисунки» (мужская гимназия имени М. В. Ломоносова, январь 1918) и «Детские рисунки на тему революции» (реальное училище И. И. Александрова, март 1918)[9]. Затем на долгие десятилетия уникальная коллекция была почти забыта, и лишь во времена перестройки по случаю 70-летия Октябрьской революции в Историческом музее увидел свет альбом «Москва. 1917 г. Рисунки детей — очевидцев событий», где впервые было опубликовано около 90 рисунков на революционную тему[10].

Интерес В. С. Воронова к детскому творчеству не ограничивался одними только рисунками. Его увлекали и детские тексты — сочинения, как сказали бы сейчас, на злобу дня. В конце 1917 г. педагог предложил своим ученикам написать внеклассное сочинение на тему «Что я знаю о русской революции». К декабрю ему удалось собрать более 300 сочинений и обобщить их в неопубликованной статье «Революция в описании детей»[11], также являющейся уникальным документом о событиях февраля — октября 1917 года в Москве. Весь этот бесценный материал позже лег в основу двух публикаций ученого в журнале «Вестник просвещения»[12], которые, однако, имели целый ряд купюр по идеологическим соображениям. Наиболее интересные места из статьи были впервые опубликованы Н. В. Вороновым, сыном В. С. Воронова, в 1992 г. в журнале «Огонек»[13]. Полностью текст статьи никогда ранее не публиковался.

Детские рисунки и сочинения представляют собой ценнейший источник по истории Великой российской революции. Невзрачные по ис-

полнению и наивные по содержанию, они совершенно покоряют силой эмоционального воздействия. Дети со свойственными их возрасту непосредственностью и искренностью передают в зрительных и словесных образах все ужасы и тяготы революционного времени — ни одна характерная черта не может укрыться от их пытливого взора. Все эти особенности детских «революционных» рисунков и текстов, их эстетическую значимость и документальную ценность первым почувствовал один человек — Василий Сергеевич Воронов, памяти которого нам хотелось бы посвятить настоящую публикацию.

[1] Т[угендхоль]д Я. Письма из Москвы // Аполлон. 1916. № 3. С. 58.

[2] Специалистам В.С. Воронов больше известен как крупный исследователь народного и крестьянского искусства. Подробнее о биографии В.С. Воронова см.: Разина Т.М. Вступительная статья // Воронов В.С. О крестьянском искусстве. Избранные труды. М., 1972. С. 10–27; 100 лет в искусстве. Семья Вороновых. Научный сборник. М., 1994; Возвращение к пенатам. Семья Вороновых. М., 1999.

[3] Результатом этой работы явилась серия научных публикаций: Записки учителя рисования: О детских рисунках // Известия Общества преподавателей графических искусств. 1910. № 1. С. 1–10; К психологии детского рисунка: Записки учителя рисования // Вестник воспитания. 1910. № 5. С. 95–112; Город в жизни и рисунках детей // Вестник воспитания. 1912. № 9. С. 76–98; О литературном творчестве детей // Вестник воспитания. 1913. № 4. С. 74–105; Игрушки на уроках рисования // Вестник воспитания. 1913. № 6. С. 144–161; Лев Толстой и рисование в народной школе // Вестник воспитания. 1913. № 7. С. 40–90; Война в рисунках детей // Вестник воспитания. 1915. № 2. С. 33–79; Война в рисунках детей // Известия Общества преподавателей графических искусств. 1915. № 2. С. 5–44; Графическая анкета: К вопросу: «Война и дети» // Вестник воспитания. 1915. № 8. С. 132–147; По поводу выставки «Детское творчество» // Вестник воспитания. 1916. № 4. С. 105–109; Чистописание в русских школах // Вестник воспитания. 1916. № 4. С. 122–176; На уроке рисования // Вестник воспитания. 1916. № 9. С. 139–163 и др.

[4] НВА ОПИ ГИМ. Оп. 1. Д. 154. Л. 81.

[5] Архив ВМДПНИ. Ф. 4. Оп. 1. КП 23249/726. Л. 165.

[6] НВА ОПИ ГИМ. Оп. 1. Д. 154. Л. 81.

[7] Из них примерно 1200 рисунков относятся к событиям Первой мировой войны и около 400 — к событиям Великой российской революции. Рисунки из коллекции В.С. Воронова экспонировались в Историческом музее на выставках «"Я хочу быть русский солдат!" Детский рисунок времен Первой мировой войны из собрания Государственного исторического музея» (10 сентября — 10 ноября 2014) и «"Я рисую революцию!" Детский рисунок времен Великой российской революции из собрания Государственного исторического музея» (20 апреля — 19 июня 2017). Публикации: Москва. 1917 год. Рисунки детей — очевидцев событий. Из коллекции Государственного Исторического музея / сост. и авт. текста Н.Н. Гончарова. М., 1987; Воронов В.С. Война в рисунках детей / авт.-сост. Е. А. Лукьянов. М., 2014.

[8] НВА ОПИ ГИМ. Оп. 1. Д. 154. Л. 82.

[9] Там же.

[10] См.: Москва. 1917 год. Рисунки детей — очевидцев событий…

[11] Рукопись В.С. Воронова хранится в архиве Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства в Москве (Ф. 4. Оп. 1. КП 23249/795. Л. 1–40). Судьба детских сочинений 1917 года неизвестна, вероятно, они утрачены.

[12] Воронов В. Февральская революция в детских записях // Вестник просвещения. 1927. № 3. С. 3–11; Воронов В. Октябрьская революция в детских записях // Вестник просвещения. 1927. № 12. С. 3–12.

[13] «Я стал очень боятца всех людей…» Детские сочинения и рисунки, собранные В.С. Вороновым // Огонек. 1992. № 44–46. С. 31–35.

В.С. Воронов
Революция в описании детей[1]

Великая война и великая революция — вот две силы, под действием которых разрушается и перестраивается государственная и общественная жизнь России.

Разностороннего влияния этих двух могущественных факторов современности не может (и не должна) избегнуть наша ветхая и неустроенная русская школа и ей, несомненно, предстоит пережить ряд существенных преобразований.

Но — в каком бы направлении и в какие бы формы эти грядущие изменения русской школы не вылились — будем, прежде всего, помнить, что центром школы, центром педагогического внимания, забот и творчества всегда была и остается живая душа ребенка, отрока, юноши.

Задачей педагогики настоящего дня, наряду со стремлением перестроить школу в полном соответствии с запросами и нуждами новой России, является необходимое — зоркое — наблюдение и живое внимание к духовной жизни современного младшего поколения, воспринимающего в процессе своего оформления все впечатления и влияния бурных и грозных наших дней.

Современная жизнь, насыщенная событиями, не протекает, конечно, бесследно для наших детей; эти дни оказывают на них большее влияние, нежели все другие. Это влияние нужно увидать, понять, оценить и принять во внимание всякому, кто близко поставлен к жизни ребенка. Это — необходимое и неотложное дело каждой школы и педагога всякого предмета, всякого метода и направления. Живой и органической сущностью школы всегда являются взаимоотношения учителя и ученика. Для того чтобы педагогический труд был небесплоден и жизненен, воспитателю и учителю необходимо ближе присмотреться к ребенку — узнать его так, как отец должен знать сына, как брат — брата.

Внимание к живой душе ребенка (цветку, для которого школа — сад и земля) ставит перед нами современную задачу — исследовать, как восприняли наши дети революцию, как отразилась она в их интеллектуальном понимании, в их психологическом настроении.

Этому вопросу и посвящены следующие страницы моего доклада.

Материал, который я буду в дальнейшем предлагать Вашему вниманию, заключается в детских сочинениях на предложенную мною и по просьбе моей рядом других преподавателей тему:

«Что я знаю о русской революции»

Сочинения писаны детьми дома — без всяких предварительных бесед и классной разработки темы. Детям было указано, что им следует без особых забот о грамматике и стиле, просто и искренне, без помощи и советов взрослых написать лишь то, что они сами видели, помнят, знают и думают о русской революции.

За немногими исключениями дети охотно отозвались на предложенный труд и исполнили задание — опять-таки за очень немногими исключениями — без посторонней помощи. Таких сочинений было в моем распоряжении более трехсот. Авто-

[1] Архив ВМДПНИ. Ф. 4. Оп. 1. КП 23249/795. Л. 1–40. Благодарю зав. Отделом рукописей и научной документации Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства В.Э. Сотникову и научного сотрудника Н.Н. Тыщенко за предоставленную возможность опубликовать рукопись из архива В.С. Воронова. (Здесь и далее в статьях В.С. Воронова — примеч. Е.А. Лукьянова).

рами их были исключительно мальчики — ученики четырех московских среднеучебных заведений приготовительного и первых трех классов в возрасте от 9 до 14 лет.

Сочинения эти по большей части небольшие, от полустраницы до 3–4 страниц. С характерными проявлениями детских воззрений на происходящую революцию и их впечатлениями от нее я и хочу познакомить настоящее собрание. Мне думается, что из предлагаемого Вашему вниманию материала можно и нужно сделать кое-какие общие — характерные и необходимые — выводы.

* * *

Как же началась наша великая революция в представлении наших детей? Каковы были первые впечатления, полученные от нее школьниками? Само собою разумеется, что внимание их было привлечено, прежде всего, чисто внешними проявлениями революции в февральско-мартовских днях.

«Я проснулся и услышал от няни, что идет много народу с красными флагами и играет музыка»[1], — пишет автор из приготовительного класса. «Мы сидели все дома. Потом пришел знакомый и сказал, что царя нет. Мы стали говорить, и папа ни верил этому», — так начинает свое краткое повествование о революции другой школьник.

«Во время войны в Москве началась суматоха, в один день, когда я гулял с бабушкой и пришел домой, то узнал, что государя согнали с престола. Когда я сел пить чай, то вдруг у нас за окнами послышался шум, я увидел большую толпу рабочих», — так поставил первичные вехи революционных дней третий «первоклассный» историк.

«Когда началась революция, в это время я был на уроке, — деловито замечает маленький современник. — Вдруг встали трамваи, и нам обявили, что учиться не будем».

«28 февраля 1917 года Мама, Я и тетя Лена собрались на рынок. Когда мы пришли на рынок, было тихо. Вдруг все побежали и закричали», — и далее рассказывается о том, что «мимо проходили солдаты и сказали, что на Сретенке будут стрелять».

У большинства авторов первые впечатления от революции непосредственно связаны с привычным строем семейного, бытового или училищного дня. Революция возникла как-то совершенно неожиданно, но довольно просто и спокойно, почти ничем не нарушив в первый момент привычный уклад жизни. «Царя нет, а мы сидим и пьем чай, как будто ничего не случилось», — так — можно сказать, классически — формулировал один летописец общее семейное настроение городских обывателей.

Но следующий шаг революции уже задевал школьника, нарушал привычное течение его дней: остановился трамвай, прекратились занятия.

«После второго урока пришел Директор и сказал, чтобы мы все шли домой переулками и скорее, потому что трамваи перестали ходить, и не оглядывались. У Козловского переулка я услышал песню и побежал. Из-за поворота я увидел толпу с флагами, я повернулся и побежал», — так несколько тревожно протекли первые часы наступившего переворота для пугливого автора.

«Во время урока гимнастики я очень веселился и не предполагал, что готовятся какие-либо перемены в правлении государства», — замечает школьник.

«28 февраля я пошел в училище, и мы, как и всегда, начали учиться. Но на втором уроке трамваи остановились, — свидетельствует летописец. — С первого взгляда я увидел многочисленную толпу народа с красными бантами, а впереди шли рабочие и несли красное знамя с золотыми узорами», — продолжает он далее, спутав тревожный день роспуска со следующим днем начавшихся манифестаций.

[1] Здесь и далее в цитатах по возможности сохранена орфография подлинников. Пунктуация приведена к нормам современного русского языка.

«Нас распустили, но я и брат не хотели ехать домой. Пришли на вокзал, смотрим — стоит народ, человек восемьдесят пять. Мы спросили, что такое? Нам один сказал, что ждут газеты. Я с братом протолкались к киоске и тоже купили газету. Нам сказали, что сдачу сдавать некогда».

Но и остановка трамвая, столь ощутительная для школьника, и прекращение занятий не на всю детвору произвели сильное впечатление. Вот одно из характерных свидетельств легкомысленного автора, поглощенного обычным течением своей жизни: «Нас отпустили после третьего урока. Инспектор велел без остановки идти домой. Когда я пришел домой, то у нас были знакомые, они говорили о политеке, но мне и в голову не шло, так как меня на дворе уже ожидали играть в чижики». Современник революционных дней убежал на двор, играл в чижики до вечера, и только вечером, придя домой, вновь застал в домашнем кругу за чаем «разговор о политеке» и лишь тут, усталый от долгой игры, внял разговору и услышал, что «свержен б. Николай II-ой».

Для нескольких авторов первый день революции, ознаменовавшийся главным образом тем, что «остановился трамвай» и «нас распустили», не был совершенно неожиданным — и эти авторы отмечают предшествующее перевороту общее настроение города, уловленное ими.

«На кануне революции с вечеру все затихло, только было между публикой шопоты», — пишет один мальчик.

«В вечернем времени было объявлено, что распустили государственную думу. Дедушка сказал, что это ужасно, мы спросили, почему это ужасно? Дедушка нам сказал, что это может кончиться революцией», — так рассказывает другой автор.

Третий замечает: «За день до восстания нашему знакомому удалось достать революционную прокламацию, призывающую сбросить режим».

Несколько детей в описании того, что они знают о русской революции, исходили не от личных впечатлений и наблюдений, но пытались обнять явление и оценить его в целом, применяя, так сказать, метод исторического обозрения. Вот, например, один «приготовительный» ученик пишет: «Была весна. Люди стали волноваться и сделали революцию. Тогда шел слух долой самодержавие. И свергнули царя. И это так и кончилось. Прошло несколько недель, и все понемногу умолкало. Потом народ стал бунтовать», — и т. д.

«Когда был царь, то я и не знал, что такое революция, — признается другой обозреватель и дальше делает общее описание происходящих событий. — Была длинная война. Понемногу все рассердились и начали выносить надписи против царя и царицы главное. Все солдаты стали помогать народу и рабочим, потому что царь не любил России и не обращал внимание. Вдруг все взяли и свергнули Императора и Министров и сделали свободу. Было очень весело всем».

В тетрадке следующего историка мы читаем чисто летописные строки: «Не понравился русскому народу царь Николай II и вздумали сместить его. Царь исполнил желание народа и отрекся от престола. Получив свободу, народ стал грабить и убивать друг друга», — и т. д.

Вот еще одно фантастическое, совершенно в духе сказки, описание общего характера русской революции: «Началось это так. Стояли прислуги в очереди за хлебом. Вдруг вышел приказчик и объявил, что хлеба больше нет. Проезжали мимо казаки, а за ними ехал воз с хлебом. Казаки взяли, саблями разрезали хлеб и раздали его прислугам. Спустя несколько дней революция совершилась».

Итак, так или иначе, с помощью ли «вынесенных надписей» и остановившихся трамваев или вследствие вмешательства казаков, разрезавших саблями хлеб для прислуг, но «на втором уроке» революция совершилась. Как же она проходила, что виде-

ли школьники, что отмечено ими среди наступивших событий, что их удивило, и как они отозвались на все происходящее?

Обратимся к детскому тексту.

Описания того, что происходило на улицах Москвы, очень многочисленны и подробны. В них указаны с исчерпывающей полнотой все внешние изменения Москвы, весь шумный и новый вид революционного города.

«Я скорей оделся и вышел на улицу. Народ бежал по шоссе, много рабочих и трамвайных служащих».

«Стали ходить с красными флагами и послали царю телеграмму, чтобы царь оставил свой престол».

«Я встал утром, попил чаю и вышел на улицу, там было очень много народу, и они говорили, что сегодня будет русская революция. Я пошел смотреть».

«Я не стал сидеть дома, оделся украдкой и ушел к Спасским казармам, где много стояло народу и вызывали солдат. Но солдаты нарочно запели «Спаси Господи». Но скоро вышли».

«Я пошел на Красную площадь, а там вставали ораторы и говорили речь: товарищи, мы теперь будем жить хорошо, нам теперь будут платить большое жалованье, и речь его кончилась».

«Вдруг я вижу — толпа бежит за автомобилем, а оттуда кидают прокламации, я мигом очутился там и чуть не сшиб с ног одну женщину, которая выругала меня. Я достал себе прокламацию».

«Потом мы с мамой встретили народ, и мы пошли вместе и дошли до Разгуляя. Солдаты и рабочие ездили на автомобилях и раскидывали листочки, потом стали ходить с красными флагами и, на флагах было написано: “Да здравствует революция! Да здравствует земля и воля! Долой империализм!”».

«Шла толпа с красными флагами и срывала с вывесок гербы и на флагах было написано да здравствует Свобода».

«Наш дядя повел нас на улицу, где московские народы все ходили с флагами, с напечатанной материей и пели про свободу. Все хотели кричать ура солдатам за то, что они заступились за русской народ и дали всем свободу. Я очинь радовался со всеми».

«Все и везде говорили свободно. Никто никого не боялся. Все говорили свободно. Во всех углах и улицах Москвы было слышно, что теперь мы свободны».

«На третий день я пошел смотреть к Сухаревой забастовку», — пишет мальчуган, отождествляющий революцию с забастовкой.

«Я подходил к кучкам народу и спрашивал, что случилось. Они отвечали, что обезруживают городовых. В городе было очень много народу с красными флагами. Когда я стал пробираться внутрь всего народа, то услышал марсельезу».

«4 марта я пошел в церковь и дорогой я увидел, что шли рабочие с плакатами “долой старый режим” и “да здравствует 8-часовой рабочий день” и пели революционные песни. Я проводил их до Страстного монастыря и пошел в церковь».

«На площади стояли кучи народа, рассуждавшие сами с собой».

«Потом я пошел на Красную площадь, там парад[1]. Над Красной площадью летают аэропланы и кидают кокиета бумажки».

«Как только началась революция, я не мог сидеть дома. И меня тянуло на улицу. Весь народ шел на Красную площадь, где около думы студенты говорили речи. Настроение у всех было радостное. По улицам ездили грузовики с солдатами, в руках которых находились ружья».

[1] Имеется в виду первый парад революционных войск, прошедший на Красной площади 4 марта 1917.

«Полевые кухни стоят на Красной площади и раздают хлеб всему населению».

«Перед Городской думой стоят толпы народа в честь нового строя жизни».

Почти все детские записки рассказывают о том, что нетерпеливым детям, как и всем гражданам в пору первых революционных дней, не сиделось дома, и все они проводили дни на улицах, с большим удовольствием и интересом наблюдая происходившие перемены, смутно угадывая смысл совершавшихся событий.

«2 марта, когда свергли царя, то стали кричать «ура», «ура» и опять пошли на Красную площадь говорить речи и читать плакаты».

«Магазины были закрыты. Все праздновали. Был большой праздник. Совершалось великое дело, которое называют революцией», — так обобщает виденное один из маленьких свидетелей.

Другой не сумел объединить все полученные впечатления и передал их в хаотических строках: «Я видел, как одново гордового обезружили, и видел, как у Красных ворот один мужчина стал на линье трамвая и поднял руки вверх, чтоб трамвай остановить. И трамвай остановился. И видел, как на Красной площади правезли пушку, видел, как с красным флагом ходили. И видел, есдили на овтамабилях и просали прокламации. Пошел я бульваром и удевился, что у паметника Пушкина в руке красный флаг», — эта сумбурная картина, в центре которой стоит «один мужчина», поднятием рук остановивший трамвайное движение, довольно ярко передает ту оживленную уличную суматоху, которую наблюдал маленький школьник после того, как его «распустили» и по улицам, вместо трамваев, вдруг «начали ходить толпы народа».

«На другой день городовые были еще в силе», — замечает один из наблюдателей.

«Полиция пряталась на чердаках, в сундуках, подвалах и других местах, некоторые стреляли», — повествуют далее детские строки.

«Я вышел на улицу и видел, как водили городовых, например, один городовой шел в юбке и в платке, ночью я видел, как горит участок, мы с папой ходили смотреть».

«Ловили сыщиков и вели их в тюрьму, им вслед свистали, бросали бутылками и снегом и кричали «легашей ведут».

«Мне, главное, нравилось, как студенты и гимназисты вели гордовых и жандармов. Я их раньше так боялся», — признается один из первоклассников; другой заинтересован тем же и пишет: «Городовые прятались в сундуки, в печки и даже зарывались в снег; но их везде находили. Интересно было смотреть, как их доставали из помоек и вели арестованных в думу. И сделали свободу».

На недолгую и скорее веселую, чем трудную и опасную борьбу с городовыми обратили внимание очень многие из авторов. Но не все рассматривали эпизоды этой борьбы под господствующим — уличным — настроением. И для отверженных младших слуг разрушаемого строя нашлось и сочувствие в маленьком человеческом сердце. Второклассник, довольно подробно описывающий свои впечатления при уличных путешествиях, рассказывает так: «На всех лицах великая радость. Люди снуют в разные стороны. И я вышел тоже гулять. Вдруг идет какая-то толпа, все бегут к ней навстречу — и я тоже подбежал, но каково было мое разочарование, то был мой знакомый гордовой, а теперь ведут его и ругают, и называют кровопийцем. Мне стало жаль его, и я поспешил удалиться от толпы». Это человеческое движение души так понятно в взволнованном мальчике, который несколькими строками ниже продолжает рассказывать о том, как «все люди радовались, по улицам ходили рабочие и солдаты с плакатами, на которых было написано по-разному. Я заметил на одной плакате было написано: “Да здравствует свобода, равенство и братство”».

Нашелся у городовых заступник и в третьем классе гимназии. Рассказав, как их «сняли с чердаков и крыш и с позором повели по улице», он заключает свое описание рассуждением: «Но позор был не им, а нам, свободным гражданам. Почему? А вот почему, когда их вели по улице, в них кидали камнями, грязью; ведь это жестоко, ну накажи: расстреляй, но не издевайся, и это называется гуманность?»

Обращаемся далее к картинкам революционного города, описанного детьми.

«Рабочие ездили в автомобилях, — прочитываем мы их наблюдения, — как проедет автомобиль, народ кричит “ура! ура!”».

«На флагах было написано, и на каждом флаге было написано разно, — отмечает наблюдатель. — Я не помню всех надписей».

«Выпустили из тюрьм политических арестантов, народ бросался к ним, встречая родных и знакомых, все были рады встретить через много лет разлуки».

«По улицам возили разные запасы муки, мяса, хлеба, найденные у спекулянтов».

«На каждом угле говорят ораторы против царя».

«На улицах было видно неспокойствие. Из автомобилей кидали рекламы, в которых был напечатан приказ, чтобы народ непризнавал царя».

«На площади были митинги, гродовыи спрятались, околодочные спрятались, была выбрана милиция с красными значками».

«Начали ехать автомобили, и начали раскидывать прокламации на Учредительное Собрание».

«Сначала милиции небыло. На улицах стоял кто хотел».

«На место гордовых ставили мелиционеров, на место участка — комесарят».

«Все сделали себе красные бантики, и я тоже сделал, и пошли с флагами; целый день по улицам ходил народ, все были радосны и веселы».

«Теперь все стали называться гражданами».

«Неслись с громадной скоростью грузовые автомобили, наполненные солдатами, вооруженными винтовками, револьверами и шашками».

«Мне удалось немножечко проехать на автомобиле с солдатами».

Один из авторов рассказывает, как он видел «уничтожение герба»: «На соседнем здании висел герб с кароной, и на нем были буквы Н и А. Вскоре принесли лесницу, и дворник полез срывать его. Скоро этот герб дворник сорвал и бросил его об тротуар, об который он разбился в дребезги, и народ закричал “ура!!! ура!!!”».

«Я видал Дурова[1], но позабыл, в какой день он ехал на слоне».

«Я часто выходил на улицу и смотрел на народ, как он ходит с красным флагом».

«Я пошел домой погреться, но мне сказали, что в Дехтярном переулке ловют сыщика, я пошел посмотреть».

«Первый раз красные знамена я увидел 28 февраля у Городской думы. Во все время революции можно было свободно ходить по улицам».

«Вскоре показалась манифестация. Это была очень большая и грандиозная. Несли красные знамена, обшитые золотым шнурком. У каждого мужчины или женщины был “красный бантик”. Меня в этот момент охватило радостное чувство любви ко всем».

«Проезжали грузовики со студентами, и я видел Брешко-Брешковскую[2]».

«В обед мы только и говорили про революцию».

[1] Дуров Владимир Леонидович (1863–1934) — известный дрессировщик и основатель (вместе с братом — А.Л. Дуровым) цирковой династии Дуровых.

[2] Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844–1934) — деятель русского революционного движения, одна из лидеров Партии социалистов-революционеров. Известна как «бабушка русской революции».

«На второй день выпускали из тюрьмы политических заключенных. В это время оттуда бежало несколько уголовных арестантов и в том числе “Сашка-семинарист”[1]».

«Через несколько дней было назначено смотр войскам на Красной площади. В это время был главнокомандующим московским гаризонтом Грузинов[2]».

«Автомобиль остановился у магазина, на нем сидел генерал Грузинов и сказал: «Товарищи, расходитесь по домам». Мы пошли домой».

В таких характерных чертах и словах описывают происходившее перед их глазами малолетние свидетели русской революции.

В этих кратких и нехитрых строках отражена вся фактическая жизнь революционного города. Ясно, что дети были в курсе происходящих перед ними явлений и принимали пассивное участие во всех событиях первых дней переворота; они жили общей всем гражданам уличной оживленной жизнью и зорко наблюдали происходившее. Безбоязненно и с большим интересом расхаживали они по улицам, доверчиво вмешивались в толпу, узнавали, разглядывали, расспрашивали, читали плакаты, на которых «было написано по-разному», слушали речи «на угле» против царя и смотрели «на народ, как он ходит с красным флагом». Наиболее предприимчивым из маленьких революционеров удалось даже, как мы знаем, «поносить» красный флаг и прокатиться «немножечко» с солдатами на автомобиле.

Общее торжественное и радостное чувство, объединившее всех москвичей, отмечают очень многие сочинения. Почти в каждом из них в тех или иных словах упоминается о «радостных лицах», о «радости народа», о песнях, музыке, празднике, торжестве, о том, что было весело.

«Было радостно на душе, я тоже радовался вместе с другими».

«На улице народ улыбался и один из народа плакал от радости. Никто неругался».

«Все пришло в необыкновение, все хотели следить за порядком и помогать друг другу во всех делах, и все говорили товарищ! товарищ! Очень было радостно и хорошо всем людям».

Вот характерные строки из сочинения одного восторженно и лирически настроенного школьника-первоклассника, ярко выражающие «настроение» всех маленьких свидетелей февральской революции: «Радость! Красные флаги везде и всюду виднеются. Публика все гуляет. Радостно и свободно как-то на душе. И вдруг сердце встрепенется. Отчего это? А это от того. Когда идет с флагом какой-нибудь рабочий и на флаге написано “Свобода”. Ох, как радостно на душе, когда увидишь это слово. Наконец-то Русь свободна. Думается мне. “Ура” раздается где-то, и громкое “ура” идет все ближе и ближе. То едет автомобиль, когда он подъезжал, я снял шапку и торжественно крикнул “ура”. Когда я пришел домой, то мама дома очень беспокоилась, она сказала мне: “Гулять ты должен только час, а ты прогулял целых три часа”».

Другой сочинитель, отметивший в начальных строках своей тетради, что «с первого марта на улицах все оживело», так заканчивает свое описание: «В дни риволюцыи было очень весело. И русскою риволюцыю никогда низабуду».

[1] Самышкин Александр (кличка «Сашка-семинарист»; ум. 1920) — бандит и убийца, орудовавший в Москве. Арестован в 1913 и приговорен к смертной казни, замененной по случаю Романовского юбилея двадцатью годами каторги. Амнистирован после Февральской революции 1917 года. Повторно арестован в Москве в 1920. Застрелен при попытке к бегству.

[2] Грузинов Александр Евграфович (1873 —?) — полковник (1913), участник Первой мировой войны. Командующий войсками Московского военного округа (март — апрель 1917). 4 марта 1917 принял на Красной площади первый парад революционных войск.

Итак, маленькие граждане вместе со старшими гражданами с большим подъемом и интересом отпраздновали февральскую революцию.

«Революция кончилась, — отмечает летописец, — и мы начали учиться».

«После революции стали ходить трамваи, и я поехал на ученье».

«Вскоре после революции мы стали опять заниматься».

«Революция прошла, и я стал ходить в училище с красным бантиком».

«Революция окончилась, но я долго еще думал про нее, а потом мы опять начали учиться».

Внешняя — торжественная, картинная, радостная — сторона переворота закончилась. Все стало возвращаться в свои привычные нормы, и все изменения и преобразования, продолжавшие происходить в глубине растревоженной и неустроенной русской жизни, конечно, не были видны маленьким наблюдателям.

Об общих их наблюдениях за всем процессом русской революции я скажу несколько позднее.

Следующие сильные личные впечатления школьников непосредственно связаны с большевистским восстанием. Большинство авторов отмечает октябрьское восстание как «вторую революцию» или, как некоторые пишут, — «последнюю революцию». Октябрьские события описаны детьми исключительно подробно и ярко. Дни «гражданской войны» в Москве произвели на школьную детвору громадное и, по-видимому, угнетающее впечатление. Предоставим авторам рассказывать, что они видели и что переживали в осенние — скорбные и страшные — дни.

«Ехали много автомобилей, и тама сидели солдаты, и они стреляли людей. Потом ехал автомобиль, и все люди начали бежать. Мальчики собирали пули», — подмечает автор, не упускающий из виду своих сверстников.

«Потом ночью опять стреляли, и я очень испугался и не мог закрыть глаза», — пишет ученик приготовительного класса.

«Училища все были закрыты, и страшно было выходить на улицу».

«Большевики стреляли в юнкеров, и я утром пошел в гимназию, думал, будут учиться, но пришол, мне сказали, что сегодня не учатся. Тогда никто не выходил из дома».

«Во время войны мы не ходили в школу и не учились, и по приходе в школе нам преподаватели говорили идити домой и приходите, когда кончится война».

«Но теперь не радовались, потому что партии стали между собой драться. И в Москве началась битва, всем стало плохо, занятия прекратились».

«Один раз я шел по Сухаревой площади и увидал барикады, я не знал, что это такое. Когда пришел домой, то я спросил у моей матери, но она тоже не знала. Вечером, когда я сидел дома и делал уроки, мы услыхали выстрелы, и потом я узнал, что это революция».

«Все шло хорошо, — замечает один первоклассник, — только вдруг в конце октября началось двухнедельное большевистское восстание. Мы все восстание не ходили в училище. Я несколько ночей почти совсем не спал, только лишь слушал, как грохотали пушечные снаряды».

«Я гулял с товарищами за воротами, здесь были и взрослые, которые очень волновались и спорили. К нам подошел солдат и велел тушить в доме огни. Придя домой, я лег спать, и мне было очень страшно».

«Я проснулся от выстрела пушки и весь задрожал от испугу, и подумал, что все сейчас погибнем: на улицу я совершенно боялся выйдти».

«Я сидел дома, потому что боялся выходить на улицу».

«Я сидел дома взаперти, и не пускали выходить на улицу».

«На улицу было страшно выйти, думаешь, что тут убьют».

Почти все авторы, прежде всего, отмечают свой испуг от первых впечатлений «гражданской войны» и в дальнейшем изложении неоднократно на разные лады отмечают, как было им страшно в эти дни. За немногими исключениями, все отмечают также, что волей или неволей, но им приходилось забыть о школе, об улицах, о товарищах и во все время «второй революции» замкнуться в стенах своих жилищ. Впечатления каждого были ограничены событиями, происходившими в квартире, в доме, на дворе, в тесных пределах своего угла. И впечатления эти были ярки главным образом чувством испуга, страха и непрерывной тревоги.

«Я уселся пить чай, притом ежеминутно глядя в окно. При каждом выстреле я вздрагивал и смотрел в ту сторону, откуда они слышались. Мама меня увела от окна», — пишет встревоженный первоклассник.

«Стреляли минут 15–20. Мы так испугались, что спрятались в заднюю комнату; почти целые сутки слышалась у нас непрерывная стрельба, от которой на душе было очень тяжело», — повествует другой современник.

«Нагулявшись вдоволь, я пришел домой, мы стали обедать, и вдруг послышался страшный удар из пушки. Мама страшно испугалась и с испугом заплакала. Я тоже не мало испугался, весь задрожал, я думал, что потом придут большевики и всех перережут. В 12 час. лег спать, и всю ночь я не спал и очень боялся, что залезут большевики», — так описывает свое испуганное состояние ученик второго класса.

И во всех следующих листках, рассказывающих об октябрьском восстании, мы находим различные варианты в описании одного главного чувства, потрясшего детскую душу.

«В это время нам сказали, что наш дом будут обстреливать, у нас в квартире все стали плакать и прятаться в коридоре».

«К вечеру пришел солдат, сказал, чтобы тушили огни, мы тогда потушили огни и вышли на улицу, потому что нам было страшно».

«Вдруг пришли солдаты с обыском. Пришли к нам в квартиру. Мы пили чай. Вошли в столовую, держа револьверы на готове. Мама упала в обморок. Ушли из дому ни с чем. Целую неделю была стрельба. Я почти не мог спать».

«Эту ночь было жутко, и я не спал, мы все собрались в одну комнату и слушали, как трещат пулеметы. Я думал, как под этими пулеметами гибнет народ, и мне было очень тяжело. Так мы сидели до двух часов ночи, но потом меня уговорили, чтобы я лег спать. Но я не спал и прислушивался, что делается на улице. Сестра и другие сидели всю ночь».

«Я стал читать, но ничего не понимал, потому что все думал про эту стрельбу».

«Я узнал, что близко от нас обстреливают дома, и сестра тогда пошла перевязывать раненых, а я остался дома, мне стало скучно, я взял книгу и стал читать, но мне все не читалось».

«Я хотел готовить прозапас уроки, но тетя стала плакать, и я перестал учиться».

«Если к нам кто-нибудь заходил в гости, то рассказывали разные ужасы».

Некоторая часть детских записей о «большевистских» днях в Москве составлена в более спокойных тонах. Содержание описаний также тревожно и мрачно, но рассказ о них ведется в более объективных — чисто описательных — чертах. Представление об этом дадут следующие выдержки:

«В понедельник стрелять еще продолжают, мама стояла у окна и вязала чулок, и как только она отошла, пуля попала в наше окно, но в комнату не влетела, а пробила первое стекло и осталась на подоконнике».

«При начале обстрела 28 октября вечером моя тетя и фрелейн вышли гулять с собачкой на Театральный сквер, вдруг раздались выстрелы. При первом выстреле собака вырвалась и убежала домой. Фрелейн, бывшая в Риге, легла, а тетя побежала за угол Думы. У нас убило француза и ранило в руку барышню. У нас на углу дома есть башенка, живший в этой башенке художник высунулся в форточку, и ему попало в окно пять пуль».

«Наши окна, ведущие в переулок, закрыли ставнями, а окна на площадь — одно шкапом, другое — большой доской. Мы спали не в своей комнате, а в соседней».

«Поздно вечером мама зажгла лампу, и мы сели чай пить. Все молчали, и было страшно. Вдруг среди тишины раздался звонок, и все вздрогнули. Никто не решался идти отворять дверь. Наконец, я решился. Я увидел солдата. Он сказал нам потушити огни, стрелять будут, моя сестра потушила лампу, и мы остались в темноте, я стаскивал скатерть и хотел зановесить окна. Маленькая сестра заплакала. Наконец, мама зажгла свечку, зановесила окна, и мы немного успокоились, и сделалось даже весело».

«Я наблюдал из окна в бинокль, как стреляли из пулемета. Все эти дни выходить из дома было опасно, и мы не могли достать хлеба, четыре дня мы питались картофелем. По ночам мы спали не раздеваясь, а папа и другие мужчины, которые живут в нашем доме, дежурили с револьверами по очереди во дворе».

«Так как наш дом стоит на углу Мясницкой и Юшкова переулка, то стреляли с двух сторон вдоль нашего дома. У наших ворот стоял пулемет большевиков. Раз мы вышли на двор, но вдруг начали сильно стрелять, и мы пошли домой. К нам в дом в окно над нашей квартирой попала пуля. Я ходил ее смотреть».

«Дом, который стоит напротив нашего, обстреливали. На Сухаревой большевики вырыли окопы. Целый день была перестрелка. Я во дворе нашел три пули».

«Орудейную стрельбу Москва на редкость слышала. Громили эти орудия свою противную партию».

Ряд строк в детских революционных дневниках отмечает происшествия и черты, наблюденные детьми в районах своего местожительства и невольного заточения, например:

«Вечером у нас переулке строили барикаду».

«С нашего завода была одна жертва революции и шестеро раненых».

«В это время я находился на даче, в это время были собрания о самозащите. Рабочие, услыхав, погрозили, если сейчас не кончится организация, то будут разгромлять все дачи. Все испугались и кончили организацию».

«В наш дом попали две пули в карниз».

«К нам принесли в амбаторию раненого ункера в голову, и нам санетар сказал, что юнкера дерутся у почтамта и телеграфа».

«В нашем переулке в доме № 9 выстрелили из нагана, через минут 5 пришли человек 10 «красно-гвардейцев», встали все в ряд и начали обстреливать дом, все выскочили и стали плакать, с ½ часа обстреливали дом и потом ушли».

Отмечена в описаниях, конечно, и деятельность домовых комитетов.

«Все живущие в доме объединились, вооружились и никого не стали пускать на улицу, а если пускали, то давали особое разрешение «пропуск».

«Домовый Комитет устроил собрание. Собрание кончилось в 2½ часов ночи, тогда моего папу назначили от 6 до 9 утра».

«На другой день меня папа взял на дежурство, потому что была очередь от 10 до 11. В эту ночь горели Никитские дома и было большое зарево».

Отмечено несколько общемосковских черт.

«На каждом угле толпилася кучка народа, и почти все бегали по магазинам закупать провизию, так как появился слух, что ее не будет».

«По улицам носились грузовики и вооруженные солдаты, рыли окопы, ставили барикады и стреляли. По улицам летали пули и слышалась пальба орудий около Кремля».

«То и дело подъезжали к домам автомобили с красногвардейцами, и делают обыска, нет ли оружия».

«Красногвардейцы ездили по лавкам, отбирали муку, крупу, чай, сахар, яйца, масло и все нужные главные припасы и вываливали капусту на пол».

Разумеется, все же не все мальчуганы оказались совершенно перепуганными и пребывали в заточении своих квартир и домов. Как и всегда, у многих школьников острое любопытство, настоятельное стремление все увидать и узнать лично брало верх. Активные и деятельные отроческие силы преодолевали чувство испуга. Один первоклассник, признаваясь, что он сначала «совершенно испугался», потом говорит, что «я все-таки вышел на улицу и пошел за хлебом с комитетом и все видел у Сухаревских ворот; там были окопы и большевики».

«Я видел, как на улице обыскивали офицера; я испугался и убег, но потом опять пришел и все смотрел. Я увидел, как в грузовике везли пленных кадетов и юнкеров и как один солдат выстрелил из винтовки в воздух», — пишет другой.

«Однажды я пошел из дому в училище, — повествует третий. — Везде происходила стрельба, я воротился домой, положил книги и пошел на улицу смотреть, как стреляют. Ворота наши проходили на Моховую улицу. Когда большевики подбегли к нашим воротам, из университета стреляли юнкера. Я утаился за нашим углом и смотрел, как убили солдата».

«В гимназии занятий не было. Там я встретил своих товарищей, и вместе мы решили идти в центр города. До задержки мы все шли с радостью увидеть бой, но, когда солдат нам сказал, что туда идти нельзя, мы очень огорчились. Но вдруг мы слышим выстрелы так близко, что давай бежать обратно».

«Большевики стали стрелять в Александровское училище[1] и во все те места, где были кадеты, — объясняет события ученик второго класса. — Меня папа не пускал на улицу, но я потихоньку убежал и видел, как несли пулемет и двух раненых юнкеров».

Еще один жизнерадостный второклассник рассказывает так: «Вечером пришел дворник и сказал, чтобы завесили наглухо окна. Ночь всю провели мы неспокойно. Утром, попив чаю, я ушел с товарищами на Театральную площадь. По дороге встречали солдат, они спрашивали, куда идем, и мы говорили, к дяде за хлебом. Когда пришли на Петровку, то услыхали частые выстрелы. Солдаты со смехом говорили, как пулеметики бьют буржуйных сынков». Отважные путники проникли до Мюра и Мерилиза и еле убежали из-под обстрела. «В конце переулка мы опять трое встретились. Я, когда бежал, потерял шапку. Наконец, добрались домой. Папа спросил, где был. Ходил смотреть как воюют, «больше никуда не пойдешь», сказал он».

«Идя домой мимо саду я услышал, что сейчас будут стрелять из пушки. Придя домой, я полез на крышу, но услыхал, что дворник ругает меня и говорит, что будут обстреливать наш дом, и я, к сожалению, полез обратно вниз», — свидетельствует еще один неудачливый разведчик.

Не повезло и другому: «Когда брат пришел домой, — пишет он, — то сказал, что у бегов выставлены пушки 13 Зап. Арт. бригады на стороне большевиков. Я побе-

[1] Александровское военное училище — военно-учебное заведение, готовившее офицеров пехоты. Располагалось в доме Апраксиных на Знаменке. Во время Октябрьского вооруженного восстания в здании находился оперативный штаб Московского военного округа.

жал туда; подошел к одной из пушек, где меня хлиснули плеткой. Я взял да ушел домой», — заявляет неунывающий мальчуган.

Ряд записей отмечают различные моменты уличной борьбы, в довольно фантастических редакциях, как например: «Там поставили на 4 крыши полеметы, и у кажды полемет стоял по 65 солдат», — или: «Большевики заволновались и стали стрелять. Сделали внутреннюю войну. Юнкера забрались в Кремль. Тогда большевики привезли пулемет и разбили Кремль. И прекратили забастовку».

Один третьеклассник довольно подробно описывает свои злоключения в первый день большевистского восстания. Он услыхал в городе выстрелы, узнал, что занятий в гимназии не будет и «с тяжелым сердцем пошел домой». «По дороге мне попадались, — пишет он, — кучки народа, оживленно о чем-то споривших, но я боялся к ним подходить. Наконец, когда я вошел в свой переулок, то раздались ружейные выстрелы, а затем пушечные выстрелы. Народ шарахнулся бежать и получилась страшная давка, я побежал тоже вместе с народом, потому что очень испугался. Но вот, наконец, и мой дом, я вбежал в ворота и взбежал по лестнице вверх.

На другое утро пошел за мясом в лавку. Вдруг выезжает автомобиль с одного конца переулка, а другой автомобиль — с другого конца переулка, и начали друг в друга стрелять. В одном были большевики, в другом — юнкера. Я без памяти побежал домой, но по дороге поскользнулся и полетел на мостовую и разбил себе нос. Тогда я зажал нос рукой, из которого лилась кровь, и побежал. Подбежавши к воротам своего дома, я увидел, что они заперты. Тогда мне пришлось опуститься и ползти ползком. Ворота были слишком низки, и когда я дополз до половины, то я защемился под воротами. Наконец, я пролез, но так измазал шинель, что она была совершенно черная; лицо и руки были тоже грязные. Мама меня стала спрашивать, что случилось, но я не мог выговорить слова, потому что очень испугался.

Когда я лег спать, то не мог уснуть. Я, как только засну, то вскакиваю, мне все кажется дневное происшествие. Когда я встал, и мы стали пить чай, то я все время клевал носом. И уронил и разбил чашку и облился весь чаем».

Есть одно указание на товарищескую жизнь школьников в эти дни. Так, в одном описании ученика третьего класса мы читаем:

«Один раз я проходил мимо Комитета и встретил нашего ученика Н.

Д.! — воскликнул он.

А, Н. — Я подошел к нему, и мы поздоровались.

Во как ваших буржуев бьют! — сказал он.

Но это неизвесно, кто кого побьет, — ответил я. Потом после паузы я сказал, что хочу записаться в Красный Крест. Н. с радостью воскликнул: “Идем в Красную Гвардию!” Я ему сказал, что к убийцам не пойду. Тогда Н. схватил меня за горло и сказал: “Проклятый буржуй”. Так мы и разошлись. Через некоторое время большевики захватили власть».

Но вот, наконец, протекли страшные дни, о которых один маленький автор пишет: «Бой в Москве продолжался 7 дней и 7 ночей, но большинство взяло верх, т. е. большевики. Эту революцию никто не забудет, и ужасы ее», — и наступило замирение воюющих строн.

«Потом у нас было в субботу перемирие, и люди ходили везде», — замечает летописец.

«Когда, наконец, стрельба кончилась, я очень обрадовался», — пишет другой.

«Все стреляли и стреляли, — повествует третий, — но однажды мы купили газету, и там было напечатано крупными буквами “сегодня окончился генеральный бой, победа оказалась на стороне большевиков”. Прочитав это, я с папой пошел на Красную площадь. Там на Никольских воротах увидели мы икону, которая не была разбита при французском нашествии, и теперь была вся повреждена пулями. Вообще, было много повреждений, но самое главное, было убито много народу, как большевиков, так и юнкеров».

Теперь школьники вместе с городскими толпами потекли к центрам недавних боев. Почти все, конечно, побывали под Кремлем, возле гостиницы «Метрополь», у Никитских ворот, и все об этом рассказывают более или менее складно и подробно.

«В Москве многих людей ранили. Один большой дом из Москвы весь разбит».

«И я вышел тоже с мамой и папой, и мы пошли к Никитским воротам. Дом по левой и прямо сгорел. Всюду ругали большевиков».

«К нам приехала из Петрограда моя тетя, у ней сын был юнкер (I роты, 4 взвода, I отд.), она три дня искала его, потом нашла его среди убитых».

«Я был на центральной площади, там застрелили “Метрополь” в пушку и отбили угол у Городской думы», — замечает один наблюдатель.

«Пострадал только “Метрополь”. Дума поплатилась своим боком, — вторит ему одноклассник, — а в башню попало ядро».

«Везде разбиты множество стекол, везде дырочки от пуль», — добавляет третий.

«Много мы видели разбитых и ограбленых магазинов, видели разрушенные дома на Никитской. Трупы лежали в Анатомическом театре[1] и в покойнических, и там была очередь».

«В этот день на Моховой была очередь за убитыми».

Несколько авторов отмечают похороны жертв революции, указывая на то, что большевиков похоронили у стен Кремля и не отпевали, а «кадетов» на братском кладбище с духовенством. Не все авторы, конечно, ясно представляют себе завершение грозных дней. Так, например, один из мальчуганов указывает, что «после забастовки всех, кто стоял за Кремль, похоронили возле Кремля, а юнкеров на братьем кладбище»; «юнкеров и большевиков погребли по-разному».

«Показали свободу из пушек и пулеметов. Начали ходить со знаменами и кричать да здравствует свобода, свобода, а сами не понимали, что кричат», — так весьма ворчливо настроен в своих описаниях второклассник. «Сколько народу погибло! — продолжает он. — Слава вам, борцы за настоящую свободу! Вечная вам память. Я прямо плакал, смотря на погребальную процессию, мы тогда на колокольне были, и все видно было. Сколько народу перебили, а свободы нет как нет. И не будет никогда», — заканчивает маленький пессимист.

Я не стану приводить из детских описаний большевистского восстания всех тех сведений о нем, которые носят явно заимствованный характер: частью из газет, частью из рассказов старших, частью порожденных теми многочисленными «слухами», что распространены были в Москве о тех или иных главных эпизодах гражданской войны, — о борьбе у почтамта, на телефонной станции, у Кремля, у Александровского училища и т. д. Такие описания и сцены «понаслышке» в разнообразных детских сочинениях встречаются довольно часто. Эту неоригинальную часть описаний, явно заимствованную, я опускаю.

В заключение обзора детских описаний «второй революции», я приведу два кратких детских текста, ярко выражающих то подавленное и недоуменное душевное состояние, которое испытывали младшие революционеры России во время мрачных дней октября.

[1] Анатомический театр — помещение для анатомических работ, исследований и чтения лекций. Анатомический театр Московских высших женских курсов располагался в районе Девичьего поля (сейчас — переулок Хользунова, 7).

Вот что пишет несколько патетично, но с большим внутренним чувством ученик второго класса: «Кровавая битва, огромный удар на Россию, произошла 28 октября 1917 года. На улице был слышен гул пушек и стоны павших героев за милую родину. Крик и плач бедных матерей над своими незабвенными трупами милых детей, у которых была жизнь вся впереди, но зато они пали геройскою смертью, желая спасти свою милую родину. Длилась гражданская война шесть дней, брат шел на брата, лилась братская кровь большим ручьем. Я помню, еще когда я учил в истории рассказ о двух братьев Каине и Гевеле. И Каин убил Гевеля. Кровь Гевеля из-под земли кричала, что брат убил брата. То какой же ужасный крик теперь будет от столько крови Гевелев, когда они будут кричать Каинам: “Каины, зачем вы убили ваших братьев?” На седьмой день мы стали немножко успокаиваться».

А вот простая и трогательная запись «каракулями» ученика первого класса: «После революции нам была дана свобода, мы всеми силами должны были работать на благу родины, но другому народу захотелось видеть кровь своих братьев, мне страшно вспомнить то время, что мы переживали, когда не ходили учиться, пушки гремели, я знал, что убивают не немца, а наших, а теперь так плохо жить, что, Бог даст, дальше не знаю».

Теперь мы довольно подробно познакомились с детским описанием двух революций. Мы узнали, какие личные наблюдения получили дети от торжественной и радостной февральской революции и какие от мрачных и скорбных октябрьских дней. Мы познакомились с основными психологическими настроениями городской школьной детворы. Мы видели, что от детских взоров не укрылось почти ничего из общей внешней картины революционных событий, пережитых страной. Дети, насколько представлялась им возможность, стремились принять участие в общей весенней (февральской) радости освобожденного народа, чутко реагировали на все проявления революционной жизни и силою обстоятельств разделили — недетской долей — вместе со всеми гражданами печальную участь кошмарных переживаний октябрьских дней.

Попытаемся теперь узнать от самих детей их толкование и оценку происходящих перед ними событий. Мы уже знаем, как *воспринята* ими русская революция, как отразилась она на их психологическом настроении, теперь попробуем узнать, как она *понята* ими, какое содержание вкладывет их разум в эти события. Ответы мы найдем главным образом в описаниях старших по возрасту школьников из той группы детей, сочинения которых мы рассматриваем. Школьники приготовительных и первых классов внимание свое сосредоточили преимущественно на описании внешних проявлений революции и на своих субъективных наблюдениях; часть учеников второго и третьего классов, помимо описания внешних черт революции, пытается понять, объяснить и оценить явление в его общем масштабе; в записках этой группы мы найдем уже и некоторое обобщение, и толкование, и критику революции как фактор в жизни государства, народа, России.

«Раньше всего у нас сместили царя с престола. А потом и гордовых», — так объясняет течение революции наивный первоклассник. Или: «Нашего царя (Николашку) с престола свергнули и посадили в Петропавловскую крепость, и городовые околодочны всех долой, стала у нас милиция на посту», — вот и весь сказ. Или, например, такой характерный домысел маленького историка: «Народ свергнул царя с престола за его поведение».

У старшей половины детей взятой группы появляются суждения более вразумительные; их наблюдения более широки и обобщающи, а частенько в отроческих строках звучит и голос критики. Как говорится, с грехом пополам, часто путаясь

и не умея толково объяснить смысл происходящих событий, школьники все же обращают внимание на внутреннюю жизнь революционных событий, отметают ряд значительных фактов, пытаются их связать и объединить.

Обратимся к тексту.

«Когда началась революция, то свергли царя. После этого пошла какая-то смутица, про которую я не могу написать подробно. Стали забастовки и частые, которых так еще не бывало. Потом было выбрано временное правительство. Дальше протекала жизнь немножко лучше, но ненадолго, в Москве было какое-то совещание[1], про которое я не могу объяснить. Самый один важный момент, когда хотели арестовать Корнилова[2], но он бежал. Керенский[3] образовал одну партию, а Корнилов — другую, и они не могли сговориться, а рабочие то же самое не стали с ними сговариваться. С этого и начался раскол между русским народом», — так пытается объяснить ход известных ему событий политик второго класса.

«Тогда воцарился новый порядок, и новое правительство заседало в Государственной Думе под господином Родзянко[4]. Но скоро временное правительство начало приходить в упадок, министры уходили в отставку, их сменяли другие, и из-за этого Россия поделилась на партии, и партии начали между собой враждовать», — так констатирует политические факты обозреватель с соседней первому парты.

Не отстает от них в стремлении рассказать и объяснить и первоклассник: «А всего больше я знаю и напишу, — обещает он, — про кадетов, юнкеров и большевиков. Когда большевики голосили за № 5, а юнкера — за № 1, то большевики хотели одним разом победить юнкеров», — объясняет маленький обозреватель, но сейчас же сбивается в сторону картинных фактов и рассказывает, что «тогда началась стрельба рикошетная, ружейная, полометная и разных сортов. Большевики выстрельнули 12 снарядов, а попала только 5 штук, но все-таки они победили».

А вот что пишет маленький «контрреволюционер» из «первого класса, отделения В»: «Началось с того, что свергли царя. А за что? Нужно, чтобы царицу сослали в Сибирь, а царя за что свергли? Дураки они, больше никто. Но вот стали голосовать, кто за 3-ий номер, кто за первый, за 5-ый, за 4-ый. Кто подписался за 1-ый, тот «буржуй», а что такое «буржуй» — сами не знают».

Вот еще характерная цитата из общего обзора революции учеником второго класса: «Долго стонала матушка Русь. Крепко вселились в нее жиды да немцы. Никакого прозрения не давали они Русскому народу. Но вот 1-го марта 1917 года Св. Русь свергла царский трон, словила главных немцев, которые жили в кругу министров, и все рабочие пошли на Красную площадь с красными флагами».

[1] Государственное совещание в Москве — всероссийский политический форум, созванный Временным правительством. Проходил 12–15 августа 1917 под председательством А.Ф. Керенского в помещении Большого театра. Целью его было объединение всех контрреволюционных сил для ликвидации Советов рабочих и солдатских депутатов. На совещании выступили Е.К. Брешко-Брешковская, А.И. Гучков, А.Ф. Керенский, Л.Г. Корнилов, П.А. Кропоткин, П.Н. Милюков, Г.В. Плеханов, М.В. Родзянко, Н.С. Чхеидзе, В.В. Шульгин и другие.

[2] Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — генерал от инфантерии (1917), участник Первой мировой войны. Верховный главнокомандующий (19 июля — 27 августа 1917). Организовал неудачную попытку установления военной диктатуры (Корниловский мятеж; 27–31 августа 1917). Участник Гражданской войны. Крупный деятель Белого движения. Один из организаторов Добровольческой армии. Погиб при штурме Екатеринодара.

[3] Керенский Александр Федорович (1881–1970) — министр юстиции (март — апрель 1917), военный и морской министр (май — сентябрь 1917), министр-председатель (июль — октябрь 1917) Временного правительства. Во время Октябрьского вооруженного восстания бежал из Петрограда, пытался вернуть с помощью казачьих войск генерала П.Н. Краснова. В 1918 эмигрировал в Великобританию. Жил во Франции, Австралии, США.

[4] Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) — действительный статский советник (1906), председатель Государственной думы III и IV созывов (1911–1917), председатель Временного комитета Государственной думы (27 февраля — 6 октября 1917). Лидер партии «Союз 17 октября» (октябристов). После Октябрьского переворота примкнул к Белому движению. В 1920 эмигрировал в Югославию.

«1-го марта под предводительством студентов был свергнут царизм, — повествует школьник, — на место которого вступило временное правительство, но и оно тоже довело Россию до нельзя. И что будет дальше, не знаю», — признается недоумевающий автор.

А вот горячая тирада ученика третьего класса, по-видимому, вдохновенно пережившему февральские светлые дни: «Да! Радостно было у всех на сердцах, и все готовы были подать друг другу руку и сказать: “Товарищ! Дай твою руку и заключим братский союз между собой. Оставим все, что было плохого и заживем новой жизнью, жизнью счастливой и мирной. Долой эту кровавую войну, и чтоб не было этих войн никогда, никогда!” Так казалось и должно быть, но нет, этого не случилось», — заканчивает автор свои страницы.

Прочитаем дальше записки школьников и посмотрим, что же случилось?

«В этом правительстве, — читаем мы описание второклассника, — был человек под фамилией А. Ф. Керенского, который убеждал народ словами и хотел сделать для России пользу. Но народ ничего не понимал. Через некоторое время в России появился некто Ленин, который развращал народ, делал смущение в народе, и это шло в пользу Германии. Те люди, которые шли за Лениным, назывались большевиками, а те люди, которые шли за временное правительство, — социалисты».

«Как только свергли царя, народ весь разделился на двенадцать партиев, — пишет другой второклассник. — Во главе нового правительства был Керенский. Ленину хотелось быть как Керенский, он стал говорить солдатам, что будет давать по пяти фунтов хлеба, даст свободу, не будет войны, рабочим положут большое жалованье, и восемь часов будут работать».

«Но и после революции, — рассуждает первоклассник, — было много действий. После нее народ как бы преобразовался и вразумился. Ни одного человека не увидишь без красной ленточки. Все стали собираться вместе и разговаривать, особенно менистры сильно работали языком, говоря свои горячие речи. Весь простой деревенский народ держался как на волоске».

Дальше в детских записях мы встречаемся с характеристиками некоторых видных деятелей революционной России. Особенно часты отзывы о Керенском.

«Собралось временное правительство, — пишет ученик второго класса. — Из временного правительства особенно выделялся господин Керенский. Он был очень деятельный человек. Он ездил на фронт и уговаривал солдат не убегать с фронта. В это время выдвинулся господин Ленин. Он был тоже деятельный человек, в руку Вильгельма».

«Потом в революцию встал один человек, — пишет другой школьник, — фамилие ему было Керенский, он очень говорил хорошие речи, и его поставили Президентом стран».

«Все это прошло очень быстро, вот настал день московского совещания. Тут-то показал себя Керенский, каков он есть. Корнилов хотел взять Петроград и поставить когонибудь диктатором, но Керенский арестовал его и сказал, что он хочет взять власть».

«Из народных вождей был очень известный сыциолист Керенский, который был избран в президента всем народом. Он был очень хороший аратор и умел хорошо говорить, и был очень добр ко всем».

«Керенский был слабохарактерный человек», — замечает между прочим один из обозревателей третьего класса. Его сотоварищ по классу останавливается подробнее на «Президенте стран» и описывает так: «Один раз (хотя этому верить нельзя, потому что это рассказы, хотя и знаюсчих людей) А. Ф. Керенский приказал генералу Корнилову освободить его от советов солдатских и рабочих депутатов (хотя это было немного правильно), потом же сам назвал ген. Корнилова мятежником. Отойдем немного назад. Я писал, что А. Ф. Керенский был назначен министром юстиции, но потом сам себя назначил “Военным министром” и “Верховноглавнокомандуюсчим” (но наверняка скажу, что не понимал в этом ничего)». Затем следует описание большевистского восстания и заключение: «И так кончилось правление Временного Правительства, во главе которого стоял А. Ф. Керенский, прозванный газетой “Фонарь” Александром IV».

Дальше мы встречаем характеристики Корнилова и Ленина.

«Среди русского народу встал замечательный Генерал Корнилов, и он все хотел, чтобы спасти Родину от беды. Он бежал от плена от немцев как герой, и он не был социолистом, и социолисты ему все не верили», — пишет первоклассник.

«Корнилов генерал был за весь народ: и за рабочих, и за крестьян, и за трудящихся, и за буржуев, и за всех русских, но ему не хотели давать силу», — констатирует обозреватель следующего класса.

«Преезжий емигрант Ленин был очень неудовлетворительный и злой человек, он никем не был доволен и всех возмущал против друг друга».

«Большевик Ленин (главный) все жил да жил, и все рассуждал против Нового правительства, и мешал ему во всем. И Керенский все ему прощал».

Итак, из записей школьников мы узнаем, что «временное правительство стало приходить в упадок», что оно «довело Россию до нельзя»», что «народ разделился на двенадцать партиев» и что «Президент стран» был «слабохарактерный человек». К этому нужно прибавить еще и детские указания на продовольственные нужды. «Поскорости, — пишет маленький историк, — стал недостаток хлеба, тогда многие пошли напротив войны, и они прозвались большевиками, но много народу пошли напротив большевиков». «При царе хлеба было мало, — заявляет экономист из первого класса, — а сейчас еще меньше. В октябре стали выдавать по четверть фунта, а где и совсем не дадут».

Следует ряд различных общих замечаний о положении революционных дел.

«Солдаты бежали с фронта и совсем не стали слушаться офицеров. Сначала это казалось всем позорным, были облавы на дезертиров, но потом все свыклись», — замечает второклассник.

«Начались выборы в Городскую думу. На первом месте прошли ес-ер. Процарствовав 8 месяцев, они нечего не дали и сделали только хуже, начался голод» — добавляет другой.

«В это время один раз голосовали в Государственную думу, а второй раз в порайонные Думы. Первый раз прошли № 3, а второй раз большевики. Это партия, во главе которой стоял Ленин и Троцкий, имела такие глупые лозунги, например: Долой буржуев, Землю делите пополам. Словом, делай все, что хочешь», — так ворчит «обыватель» из третьего класса реального училища.

«Больше всего говорили рабочие, чтобы все заводы и фабрики были в их руках, но я сразу понял, что это немыслимо», — вторит ему в тон понятливый одноклассник.

«Кто были первые проповедники свободы, — спрашивает мальчик, — гуманной цели, студенты, и когда революция совершилась, они стали не нужны, стали буржуями».

«Теперь мечтали, что будет хлеба много и много всякого провианта. Но это только мечты! Увы, этого, кажется, никогда не будет», — пишет юный пессимист.

В настроениях младших российских революционеров замечается разочарование и неудовлетворенность. Торжественные и светлые надежды февральского подъема сменяются недоверием к революции, неудовлетворенностью и даже «обывательским» брюзжаньем. Нетерпеливые дети скорее, чем кто-либо, выражают свое неудовольствие. Даже солдаты — их постоянные любимые герои — не встречают теперь их сочувствия.

«Солдаты стали изменниками».

«Солдаты сразу испугались немцев и убежали из фронта».

«Солдаты наши стреляли в народ, и народ убегал от них», — вот что стали писать о них их постоянные поклонники и подражатели.

«Солдаты убегли от немцев и стали всем торговать на улицах и везде».

«Наши солдаты стали ограблять свой народ».

«Я раньше всегда любил русских солдат, больше всех любил их и ихнее храброе войско, а теперь они стали презрительны».

А ведь русские дети горячей любовью любили свою армию!

Наступал скорбный октябрь.

«Народ разделился на десять партий, там были меньшевики и большевики; меньшевики — это были помещики и богатые люди, а большевики — это народ, рабочие и мастеровые, и крестьяне. Керенский был меньшевик. Но все-таки большевики взяли верх, и стал править Ленин», — объясняет октябрьский переворот запутавшийся в партиях школьник.

«Корнилов не здовался и Каледин[1]. Корнилова и Каледина арестовали, и в их числе и Николая II», — так совершенно сумбурно описывает революционные события другой обозреватель.

«Большевики и солдаты стали прикословить, чтобы Керенский сошел с места, а на его место поставить Ленина».

«Большевики пошли против кадетов, но кадеты тоже им не уступили».

«Враждовали две партии, из которых были большевики и кадеты».

«Стали воевать между собою кадеты и большевики».

Главными противниками большевиков в гражданской войне в Москве детские записки считают «кадетов», при чем под этим наименованием подразумеваются не политические партии, а в большинстве случаев мальчики и юноши из военных училищ.

«Но теперь уже не радовались, — пишет школьник второго класса,— (хотя есть немало людей, которые радовались) потому, что партии (это объясняется тем, что народ разделился на части, а эти части называются партиями) стали между собой драться. Большевики восстали на другие партии. И в Москве началась битва между 2 гвардиями — красной и белой».

«Начали воевать брат с братом чистой русской крови. Меньшевики попытались освободиться, но большевики их не уважили. Дальше я и сам не знаю, что будет, да и никто не знает, кроме Бога, что будет».

«Революция началась (речь идет об октябрьском восстании) из-за того, как я думаю, из несогласия народов, — догадывается маленький историк. — Одни хотят то, чтобы в свои руки взять и поставить свое управление, а другие хотят то, и начались переговоры, и вот дошло до того, что начали заставлять оружие. И которая перестреляла называется Большевиками, а которую победили — Кадетами и Юнкерами»

Почти все мальчики, путаясь и сбиваясь, все же верно понимают и отмечают основную причину всех настроений и неурядиц, наблюдаемых ими: это вражда «партий», «частей», «народов», «братьев».

«Я не мог постигнуть такой вражды, — пишет ученик третьего класса, — где так недавно твердили, что все мы равные граждане, что надо идти вперед и каждый сам должен следить за порядком».

«Говорили одно, а выходило другое», — замечает школьник.

«И когда началась революция, никто никого не обманывал, а потом все стали обманывать, и стали говорить друг про друга разности».

[1] Каледин Алексей Максимович (1861–1918) — генерал от кавалерии (1915), участник Первой мировой войны. Первый избранный атаман Войска Донского (1917–1918). Участник Гражданской войны. Крупный деятель Белого движения. Из-за провала контрреволюционного мятежа покончил жизнь самоубийством.

«Мое мнение такое, что надо окончить войну, а потом сделать Республику», — выражает свое мнение гражданин второго класса.

Интерес к политическим событиям в родной стране в данное время очень значителен в среде маленьких граждан. «До революции я совершенно не интересовался политикой, не читал газет и даже не подозревал о существовании каких-то партий, а теперь читаю газеты», — делает характерное заявление ученик третьего класса.

«Когда было выступление Корнилова, — пишет другой, — я обо всем этом читал; я сочувствовал ему и считал себя корниловцем».

«Большевики поставили во главе правительства Ленина и Троцкого. Эти новые министры ввели много захватных реформ и хотят заключить сапаратный мир с Германией».

«После революции везде стали выбираться выборные лица».

«Рабочие начали смеяться над Георгиевскими офицерами и солдатами. Зачем вы воивали? Это ненужно было. Нужно было воевать с буржуями. Мне очень было жалко раненых солдат и всех воинов-героев русских, убитых нелюдями».

«Корнилов бежал на Дон к своему другу атаману Каледину, и интеллигенты объявили саботаж».

«Когда я узнал, что ставка взята и генерал Духонин[1] убит, я прямо-таки возненавидел большевиков».

Один из обозревателей после рассказа о том, как «беспорядки повторялись несколько раз, и всегда менялось правительство», как «большевики закрыли все газеты, кроме своих», как они «арестовали министров», неожиданно добавляет: «вчера купили фунт масла за 15 рублей. Что будет с Россией, я не знаю».

«И большевики, когда только стали царствовать, пообещали неприкосновенность личности, а выполняют ли они свое обещание?» — задает безответный вопрос маленький школьник.

«Самым гнусным делом в теперешнее время считается растерзание генерала Духонина», — констатирует мальчик, волею судеб и «второй» русской революции обреченный наблюдать немалое количество «гнусных» дел.

«Но все-таки каждый день ждут еще резни. После восьми часов страшно идти по улице, я никуда не хожу».

Один мальчуган-первоклассник, по-видимому, запутавшийся в понимании событий и ставший равнодушным маленьким обывателем, вместо сочинения о революции подал характерную записку: «Нейтральный. Где власть, там и я. Ученик I-го класса, отделение Б».

Ни в одном из детских описаний нет и тени бодрого и радостного взгляда на настоящее и будущее. Вдохновение исчезло. Жутким пессимизмом веет от всех детских умозаключений, итогов и обобщений. Все обзоры революции неизменно оканчиваются и заключаются или словами равнодушия, или мотивами неудовлетворенности и печали.

Приведу еще несколько характерных цитат:

«Поскорее бы наступил порядок, очень надоел беспорядок, когда будет порядок, тогда и все будет хорошо, и свобода придет», — так предполагает один из маленьких граждан.

«Все везде стало плохо, и скоро мы все будем голодать. Никто не умеет устроить дела в России», — безнадежно заканчивает свое описание другой автор.

«Много, много бед принесла нам революция. Люди пошли друг на друга. Братья на братьев. Солдаты, верные защитники родины, сделались изменниками», — так подводит итоги тому, что видел, ученик первого класса.

[1] Духонин Николай Николаевич (1876–1917) — генерал-лейтенант (1917), участник Первой мировой войны. Исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего (3–20 ноября 1917). Арестован за отказ начать мирные переговоры с Германией и Австро-Венгрией. Убит на вокзале в Могилеве толпой солдат и матросов.

«Я не могу сочувствовать революции, так как с каждым днем жить всем становится хуже и хуже», — замечает второклассник.

«Я сначала любил нашу русскую революцию и думал, что все теперь будут жить хорошо, а теперь увидел, что это все неправда», — пишет гражданин третьего класса.

«И вышло из революции не братство, а большая вражда», — кончает свое описание один из обозревателей.

И, наконец, один из первоклассников заканчивает свои каракули таким потрясающим душу признанием: «Я стал очень бояться всех людей».

* * *

Таково понимание и такова детская оценка наших революционных дней.

Попробуем сделать некоторые выводы из обозрения этих «человеческих» документов маленьких русских граждан.

Все детские свидетельства о первых шагах русской революции согласно говорят нам о том, что школьная детвора и отрочество быстро и чутко восприняли все духовное обаяние народного освобождения и разделили общенародную радость в своих думах, настроениях и «поведении». Революционное единение всего населения вызвало в душах маленьких мальчуганов с сумками светлую ребяческую радость и восторженное сочувствие.

Свободно и горячо зазвучавшие повсюду слова о «свободе, равенстве и братстве» получили живой — хотя и смутный — отклик в настроениях школьной детворы, и так прекрасно и благодетельно было бы для школы в новой России, если бы дальнейшее ее устроение и преобразование протекало бы под обаянием этих возвышенных, торжественных и высокочеловеческих настроений. Идеи свободного демократического государства получили бы могучее духовное укрепление на первых ступенях сознательности младшего поколения, на заре своего отрочества завороженного пленительным чудом торжественного и уверенного народного освобождения от темного прошлого.

Но судьба порешила иначе и вдохновенно-революционное настроение школьничества было разрушено. Детям скоро и ярко довелось увидать и «обратную» сторону блистательной и торжественной медали революции. На их глазах — столь быстро, что многие из них не успели еще дочитать своего очередного учебника — революция перестала быть вдохновляющей поэзией и стала страшным и кровавым бредом. Дети, не успевшие вкусить ни одного плода с древа свободы, были испуганы и подавлены картинами братоубийственной внутренней войны и смущены постоянными наблюдениями над обнаружившейся рознью, гневом и враждой освобожденного народа.

Октябрьское восстание окончательно разрушило то исключительно ценное настроение в школьническом коллективе, которое обещало такую благодарную и прекрасную почву для русской педагогики в свободной России.

Цветы, неожиданно зацветшие в марте, были погублены и разметаны октябрьской бурей.

И теперь школа находится перед разочаровавшимися и неудовлетворенными юными гражданами.

Идеи свободы, общественного труда, народного блага всегда были теми внутренними живыми силами, которые одухотворяли подчас скучную и трудную, подчас неудачную и плохую учебу в русской школе. Но даже и неустроенная, бедная силами и творчеством эта школа все же всегда являлась источником света, очагом надежд на лучшие судьбы родной страны.

Идеи, провозглашенные русской революцией, всегда были заветными идеями внутренней — скрытой — жизни школы; все живое и творческое в ее недрах всегда устремлялось к насаждению и развитию в умах, характерах и душах своих питомцев этих великих начал. Русская революция, порывом единения и братства свергнувшая бремя насилия, произвола и тьмы, открыла дорогу для жизненного воплощения заветных начал человеческого общежития. Дети чутко откликнулись на светлые призывы революционных песен и речей. Многого они, конечно, не понимали и не уясняли во всей сложности происходящих событий, но они испытывали сильно и глубоко обаяние общего порыва, вдохновение революцией как новой благой силой.

Жизнь обманула многих российских граждан, развеяла много лучезарных надежд. Обманутыми оказались и дети.

Февральское чудо единения сменилось чудовищным разъединением «народов, партий, классов, групп, братьев». Внимательный и беспристрастный анализ всех событий в русской жизни за революционное время объяснит нам, почему наши надежды были слишком велики, почему наши достижения оказались слишком малыми. Разочарование взрослых граждан будет утишино житейской мудростью, размышлением и изучением. Разочарование же детей в светлых началах революции глубже и гораздо страшнее. Такое яркое и наглядное противоречие, какое они увидели, может оказать непоправимое влияние на впечатлительные отроческие годы; обман, почувствованный детьми, быть может, будет пережит ими не так болезненно и тревожно, как нами, но — несомненно — оставит след более неизгладимый, нежели у нас. Жизнь наших детей впереди, и им в большей доле, нежели нам, положено быть строителями новой России.

Основами всякой формы общежития в предстоящие годы устроения нашей страны должны быть самоорганизация и самодеятельность. Не смущаясь теми неудачами, многочисленными ошибками, промахами, которых так много в жизни современной России, нужно все же отстаивать и проводить в жизнь формы лучшей коллективной жизни, нежели те, что были в прошедших днях, когда жизнь всякой группы, общества, коллектива угнеталась всем строем государственной власти или насильственно направлялась путем бюрократических предписаний и мертвых циркуляров.

Активность, энергия, инициатива, творчество должны быть на первом плане в тяжелой и ответственной работе по устроению полуразрушенной нашей родины.

Принципы «свободы, равенства и братства» должны по-прежнему быть путеводными вехами в деяниях нашей жизни, и вера в них не может быть уничтожена той тяжелой, но — несомненно — временной разрухой и развалом, которыми так богата наша современность.

Русская школа должна взять под свою хранительную защиту обманутых и неудовлетворенных маленьких граждан. Неотложной задачей школы в настоящий момент следует признать всемерное внимание к разочаровавшимся школьникам в связи с их настоящими настроениями; нужно пытаться всячески ослабить в них эту духовную реакцию, не дать им более глубоко и безнадежно разувериться в тех святых надеждах, которые провозгласила и разрушила на их глазах русская революция.

Путем проведения в школьной жизни начал подлинной свободы, благородного товарищеского единения, развития творческой инициативы у самих учащихся, создания внутренних школьных организаций, закономерно обслуживающих интересы и запросы маленьких граждан, нужно доказать детям жизненность и великое — вечное — значение тех идей, крушение которых им довелось наблюдать в русском революционном обществе и государстве.

В. С. Воронов

Январь 1918 г.

В. С. Воронов

Русская революция в детских рисунках[1]

«На кануне революции все затихло, только были между публикой шопоты», — отмечает девятилетний мальчик в своих записках.

«В вечернем времени было объявлено, что распустили государственную думу. Дедушка сказал, что это ужасно, мы спросили, почему это ужасно? Дедушка нам сказал, что это может кончится революцией», — рассказывает другой автор.

Третий замечает: «За день до восстания нашему знакомому удалось достать революционную прокламацию, призывающую сбросить режим».

Так расставляют дети первичные вехи революции в своих описаниях.

В народных глубинах медленно созревал революционный гнев. Смутные отзвуки и отблески грозы чувствовались всеми.

«Была длинная война, — повествует маленький историк, — понемногу все разсердились и начали выносить надписи против царя и царицы главное. Все солдаты стали помогать народу и рабочим, потому что царь не любил России и не обращал внимание. Вдруг все взяли и свергнули Императора и Министров и сделали свободу. Было очень весело всем».

Жизнь изменила привычное русло. Скучная и тяжкая обыденщина, казалось, пришла в окончательную ветхость и быстро — на глазах у всех — разрушилась. Цвет, звук, слово, движение — все вдруг вышло из сонных берегов утомленной долгой войной и разрухой русской жизни и ожило яркой жизнью на просторе, на воле, в набегающих волнах революционной энергии, в активных деяниях пробудившегося народного коллектива.

«С первого марта на улицах все оживело», — пишет маленький обозреватель.

«Стали ходить с красными флагами и послали царю телеграмму, чтобы царь оставил свой престол», — добавляет другой.

«Я встал утром, попил чаю и вышел на улицу, там было очень много народу, и они говорили, что сегодня будет русская революция. Я пошел смотреть».

«Как только началась революция, я не мог сидеть дома. Меня тянуло на улицу. Весь народ шел на Красную площадь, где около думы говорили речи».

«Солдаты и рабочие ездили на автомобилях и раскидывали листочки, потом стали ходить с красными флагами, и на флагах было написано: “Да здравствует революция, долой имперализм!”».

«На улицах было видно неспокойствие. Из автомобилей кидали рекламы, в которых был напечатан приказ, чтобы народ не признавал царя».

«В городе было очень много народу с красными флагами. Когда я стал пробираться внутрь всего народу, то услышал марсельезу».

Все дети — на улице. Им не сидится дома. Там, за привычными и уютными стенами их жилищ, на улицах столичного города, рождается чудесное «неспокойствие», быстро наростают события, развертываются невиданные картины.

Для детей приход революции имел все черты сказочного происшествия, характер внезапного и радостного «приключения», занимательного повествования, начинающегося любимым словом «вдруг».

Дети с энтузиазмом стремятся принять деятельное участие в новом сказочном действии «всего народу». С вдохновенным вниманием всматриваются они в протекающие перед глазами события.

Изменился обычный — привычный и тусклый — вид городской улицы, нарушился строй будничных утомленно-равномерных движений, рождается новый темп жизни.

Зацветают шумные улицы красными знаменами; понеслись революционные песни из рабочих кварталов и солдатских казарм; многолюдные процессии заливают потоками улицы; проносятся с победным и призывным криком революционные автомобили; на каждом перекрестке улиц разгораются костры огненных речей; звучат, подобно трубному гласу, яркие лозунги дня; разрываются путы полицейского дозора; разрушаются в щепки золотые орлы и короны.

«Вскоре показалась манифестация. Это была очень большая и грандиозная. Несли красные знамена, обшитые золотым шнурком. У каждого мужчины или женщины был “красный бантик”. Меня в этот момент охватило радостное чувство любви ко всем», — пишет маленький свидетель.

«На улице народ улыбался, и один из народа плакал от радости. Никто не ругался. Все пришло в необыкновение, все хотели следить за порядком и помогать друг другу во всех делах, и все говорили товарищь! товарищъ!. Очень было радостно и хорошо всем людям».

«Наш дядя повел нас на улицу, где московские народы все ходили с флагами, с напечатанной материей и пели про свободу. Все хотели кричать “ура!” солдатам за то, что они заступились за русский народ и дали всем свододу. Я очень радовался со всеми».

«В дни риволюцыи было очень весело. И русскую риволюцыю никогда низабуду», — заканчивает один из авторов свои воспоминания.

Революционный порыв захватил всех граждан — и больших, и малых, богатых и бедных, храбрых и робких, избранных и незванных. Возвращаясь домой после долгих и интересных странствий по улицам революционного города, зардевшегося красными складками знамен, гудящего шумом новых речей с призывными всплесками ярких лозунгов, запечатлевающегося ритмом манифестаций и процессий, дети-художники передавали бумаге нахлынувшие свои впечатления, новые наблюдения и взволнованно-восторженное настроение. Вооружившись цветными карандашами и красками, они, первые художники революции, умостившись у окошка или на краю стола, усердно и вдохновенно изображали увиденное.

Свое непосредственное впечатление легко и ярко — не мудрствуя лукаво — передали они в этих рисунках, исполненных с горящими взорами, с потоком вопросов, обращенных к окружающим взрослым: как? что? почему? зачем? откуда?

Было чему удивиться детям.

Долго, долго, пока шла «длинная война», протекала у «московских народов» жизнь унылая и тяжкая, в утомлении от тяжелой бойни и разрастающейся общероссийской разрухи. Сложный и скрытый — таинственный процесс подготовления революции не был замечен детьми, и их глаза узрели события лишь тогда, когда протест нашел, наконец, действенные формы и революция заклокотала на улицах русских столичных городов.

«Локомотив истории» двинулся с места.

Совершилось редкое чудо в жизни народа: разрозненная толпа превратилась в дружный коллектив, осторожно-боязливый шепот осуждения перешел во властно-звучный крик всенародного негодования, вялая и бездейственная гражданская негать — в бодрую песнь революционного творчества.

[1] Архив ВМДПНИ. Ф. 4. Оп. 1. КП 23249/549. Л. 1–20. Благодарю зав. Отделом рукописей и научной документации Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства В. Э. Сотникову и научного сотрудника Н. Н. Тыщенко за предоставленную возможность опубликовать рукопись из архива В. С. Воронова.

Перелистайте коллективный альбом детского изобразительного творчества, запечатлевшего картины русской революции. Перед вами декоративная красочная лента, всесторонне и ярко изображающая волнующую перспективу недавних революционных дней. Дети-художники со взором, устремленным вперед, раньше, чем взрослые художники, изобразили нам первые шаги новой жизни.

Смотрите!

Вот стремительно мчатся автомобили с солдатами и рабочими — буревестники зачинающегося переворота; ружья, сабли, знамена, подъятые руки — все это в напряженном движении взметнулось над гудящей машиной. Криками восторга приветствует толпа передовых вестников.

Вот стройно и дружно, с увлекающим ритмом коллективного движения проходит многочисленная «большая и грандиозная» манифестация. «Что это ты нарисовал?» — спрашиваю одного из своих маленьких художников. Он оживленно рассказывает: «Это идет партия, вот тут у нее написано, и у другой тоже написано, это вот рабочий народ, а за ним — сестра милосердия — и тоже поет, конечно, а это сзади солдат в зимней шапке, а это солдат в летней, и все поют, и идут все они на революцию. Я тоже был!» — радостно добавляет рисовальщик.

Идут разрисованные граждане на революцию, красными искрами светятся революционные бантики и ярко горят киноварные знамена на сером фоне графического города. О чем безмолвно кричат над головами толпы новые огни? Дети с любопытством прочитывали эти надписи, не всегда понятные детскому уму, и целый строй новых вопросов порождали они в детской голове.

«А почему раньше не сделалось революции?» — спрашивает мальчуган, раскрашивая «красные бантики» у граждан в своей манифестации.

«А что такое демократия — это рабочие или солдаты?»

«А правду говорят, что больше не будет войны, никогда больше не будет?»

Вот изображения митингов и собраний. Тесно сомкнулись круглоголовые граждане. На стене стоит оратор. Над толпой несется бодрая речь протеста, яркий призыв к гражданскому и социальному пробуждению. Многоголовая толпа ярко запечатлелась в глазах маленького наблюдателя, прилепившегося где-нибудь у чугунной решетки и с затаенным дыханием наблюдавшего невиданное доселе зрелище.

«Я вчера был на митинге!» — заявляет на утро голос школьника.

«И я был! И я тоже! Я два раза был!» — раздаются дружные голоса.

«Я сейчас нарисую его!» — объявляет нетерпеливый и деятельный художник, тотчас же с завидной простотой и ясностью раскрывать на бумаге запечатлевшийся образ.

Почти все детские революционные рисунки рассматриваемой группы характерны главным образом передачею массовых сцен и коллективного движения. Отдельные персонажи, часто очерченные весьма выразительно, все же как бы исчезают, растворяются в толпе. Взор наблюдающего художника схватывает зрелище в его основных схематичных чертах и свободно передает на бумаге сложнейшую многофигурную сцену. В более редких случаях толпа передается условно — в виде вереницы или шеренги.

Движение передано в различных художественных стилях, свойственных детскому рисунку — то остро-натуралистически, то символически, то, наконец, монументально-декоративно.

Красные пятна революционных знамен и плакатов являются центром бодрой и яркой по тонам красочной гаммы. Последняя зачастую носит чисто-импрессионистический характер — то как сознательный художественный прием, то как случайное следствие детской художнической нетерпеливости.

Маленькие рисовальщики с зорким и неутомленным взором выразительно и декоративно передают в своих тетрадях сложные — впервые увиденные — сцены. Трепетной жизнью дышат эти рисунки — разрисованные листы, хранящие на себе след душевных движений маленьких авторов.

Полное внимание, глубокий интерес и обычная художническая добросовестность характеризуют исполнение этих рисунков.

Летопись русской революции была бы неполной без этих бесхитростных и живых детских свидетельств. Историк отдаст им немалую долю своего внимания: ведь это революция глаголит устами детей.

Перелистывая детский художественный альбом, мы встретим дальше ряд новых сцен гражданской жизни, привлекших внимание маленьких наблюдателей. Это сцены выборов, митингов и агитаций. В ярких и живых чертах переданы картины очередей у избирательных урн, шумные сцены предвыборной агитации.

Партийное разделение и углубляющийся процесс классовой группировки не могли, конечно, остаться без влияния на маленьких граждан; слишком глубоко проникло разделяющее начало в толщу и гущу городского населения, и течение событий выкристаллизовало ряд образов, определяющих классово-психологическое настроение различных групп населения.

«Но и после революции, — рассуждает мальчик в своих записках, — было много действий».

Каких действий?

«Все рабочие пошли в одну партию, крестьяне — в другую, и богатые — еще в другую, и солдаты еще — в солдатский совет, и все разместились», — дает историк устное пояснение.

«Как только свергли царя, народ весь разделился на двенадцать партиев», — пишет другой летописец.

«До революции я совершенно не интересовался политикой, не читал газет и даже не подозревал о существовании каких-то партий, а теперь читаю газеты», — делает характерное признание двенадцатилетний гражданин.

Естественно, что этот возникший интерес к политическим событиям побудил более внимательно вслушиваться в слова взрослых и присматриваться к новым людям, появившимся вокруг. «Меньшевик», «есер», «буржуй», «большевик», «кадет» и т. д. — ряд новых слов, звучавших повсюду с утра до вечера, заставил детей искать и отыскивать вокруг себя носителей этих новых наименований.

В детских рисунках этой поры мы имеем длинную галерею различных персонажей, столкнувшихся в процессе развивающейся революционной и классовой борьбы.

Если в рисунках предшествующей группы мы имели главной объединяющей чертой сложность условно-декоративных сцен и передачу движения масс, то в этой группе наиболее яркой чертой выступает способность детского изобразительного дара к графической характеристике.

Меткость, наблюдательность, острая обрисовка персонажей является основным художественным достижением этих разрисованных листов.

Перед нами проходит вереница портретов характерных участников революционной борьбы. Взглянув на эти фигуры, начерченные с детски-угловатой выразительностью, вы без всяких комментариев сможете определить, кто перед вами.

Это типы, метко зачерченные деятельной детской рукой.

Гражданин, бегающий с сумкой в школу, на ходу подмечает беглые штрихи внутренне перестраивающегося общества и обогащает свои жизненные наблюдения и опыт. Графически закрепленное наблюдение надолго останется в памяти наблюдателя.

Следующий этап русской революции, ярко отраженный в детских рисунках, — это Октябрьский переворот. В этой категории рисунков доминирующее место занимают разнообразные военно-революционные сцены, суровые картины гражданской войны на улицах города.

Если пламя красного знамени является главным символом Февральского переворота, то теперь, в дни октября, такое же первенствующее место занимает оружие.

Февральская революция подъяла знамя, Октябрьская обнажила меч.

Нет процессий, митингов, шествий; улицы сумрачно пустынны и тревожны; дома превращены в крепости; на улицах идет военная борьба.

Таинственная загадочность этой московской войны, по-видимому, привлекала детское внимание. Немногим детям пришлось воочию наблюдать эти сцены, и естественно, что многие картинки носят характер изображений со «слухов», сильно преувеличенных детским воображением, или исполнены в общем характере военных сцен. Большинство детей в эти дни пребывало в заточении своих квартир и домов и было лишено непосредственных впечатлений от Гражданской войны.

«Я сидел дома, потому что боялся выходить на улицу».

«Я сидел дома взаперти, и не пускали выходить на улицу».

«На улицу было страшно выйти, думаешь, что тут убьют», — так признаются мальчуганы в своих записках.

Но у многих острое любопытство, настоятельное стремление все увидать и узнать лично брали верх. Активные отроческие силы преодолевали первоначальное чувство испуга. Один из мальчуганов, признаваясь, что он сначала «совершенно испугался», потом говорит, что «я все-таки вышел на улицу и пошел за хлебом с комитетом и все видел у Сухаревских ворот; там были окопы и большевики».

«Я видел, как на улице обыскивали офицера; я испугался и убег, но потом опять пришел и все смотрел», — пишет другой.

«Я встретил своих товарищей, и вместе мы решили идти в центр города. До задержки мы все шли с радостью увидать бой, но когда солдат нам сказал, что туда идти нельзя, мы очень огорчились. Но вдруг мы слышим выстрелы так близко, что давай бежать обратно», — чистосердечно признается один из рассказчиков.

«Большевики стали стрелять в Александровское училище и во все те места, где были кадеты, — объясняет события его товарищ. — Меня папа не пускал на улицу, но я потихоньку убежал и видел, как несли пулемет и двух раненых юнкеров».

«Идя домой мимо саду, я услыхал, что сейчас будут стрелять из пушки. Придя домой, я полез на крышу смотреть».

Почти каждому мальчугану все же удалось и лично увидать какую-нибудь отдельную черточку восстания, яркую деталь революционных дней, это и служило отправной точкой графического творчества, а всю остальную картину маленькие художники революции восстанавливали и изображали по рассказам и слухам, творя интуитивным путем.

Рисунки мрачны по краскам. На улицах не видно прохожих, нет обычной жизни. В боевых движениях лишь активные борющиеся силы — большевики и юнкеры — или «кадеты», как их зачастую называют авторы. Снова мчатся автомобили с вооруженными революционерами, идет ружейная перестрелка, стреляют из окон, из засады, несут убитых, на площадях движутся тяжелые броневики, окна городского дома ощетинились ружьями, на тротуаре лежат убитые — все яркие черты картины восстания переданы в детских рисунках.

Эта графическая группа не отличается особенным разнообразием и по численности своей невелика сравнительно с другими.

Отсутствие живого непосредственного наблюдения делает эти рисунки менее характерным и надежным психологическим материалом. С точки зрения художественно-стилистической ценности, указанные рисунки значительно уступают рисункам на тему «война», в большом количестве исполненных детьми за последние годы.

«Бой в Москве продолжался 7 дней и 7 ночей, но большинство взяло вверх, т. е. большевики», «потом у нас было в субботу перемирие, и люди ходили везде», — отмечают маленькие летописцы.

Теперь мальчуганы вместе с городской любопытствующей толпой потекли к центрам недавних боев. Почти все, конечно, побывали в Кремле, возле гостиницы «Метрополь», у Никитских ворот, и все об этом рассказывали более или менее складно и подробно.

«В Москве многих людей ранили. Один большой дом из Москвы весь разбит».

«Я был на центральной площади, там застрелили “Метрополь” в пушку и отбили угол у Городской думы», — замечает наблюдатель.

«Пострадал только “Метрополь”. Дума поплатилась своим боком, — вторит ему сотоварищ, — а в башню попало ядро».

«Везде разбиты множество стекол, везде дырочки от пуль», — добавляет третий.

Ряд детских рисунков иллюстрирует эти впечатления от обозрений пострадавшего города.

Октябрьский цикл заканчивают несколько рисунков, изображающих могилы павших большевиков у кремлевских стен.

Наконец, последняя группа из рассматриваемых нами рисунков относится ко времени совсем недавнему — к празднованию первой годовщины Октябрьской революции.

Спешные и деятельные уличные хлопоты декораторов, обилие плакатов, щитов, гербов, эмблем, знамен и надписей — вся панорама необычайно украшенной Москвы породила в детских тетрадях целый ряд графических отражений. Еще слабое обаяние искусства, вынесенного на улицы и площади города, увлекало детей, и среди них шли оживленные толки, оценки, критика. Они не упустили случая «попутешествовать» по разряженной Москве, обегали ряд центральных мест украшений и в следующие послепраздничные дни взволнованно и с обычным возрасту азартом делились своими впечатлениями.

«А я был на Советской площади! Там сто гербов и обелиск облупили от дерева!» — заявляет один.

«Вот так удивил! И я там был. А ты был на Красной площади?»

«Конечно, был. Я еще и за рекой был и фейерверк смотрел».

«А я был у Александровского вокзала!»

«А я на Серпуховской площади, у нас там памятник открывали».

«И у нас тоже памятник стоит».

И долго еще длится диалог — типичный вариант на классическую тему о пришедшем солдате и солнышке.

В результате обмена мнениями оказывалось, что Москва обегана почти вся.

Своеобразные и сильные зрительные впечатления требовали себе графической и красочной конкретизации, и вскоре появилась вереница новых рисунков, живописующих московское празднество.

ДОЛОЙ ВОЙНУ
И БУРЖУЕВЪ
большевик.
Большевиком называется тот кто против войны.

←

Большевик со знаменем

Неизвестный автор. Москва. 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель. 34,5 × 26,5

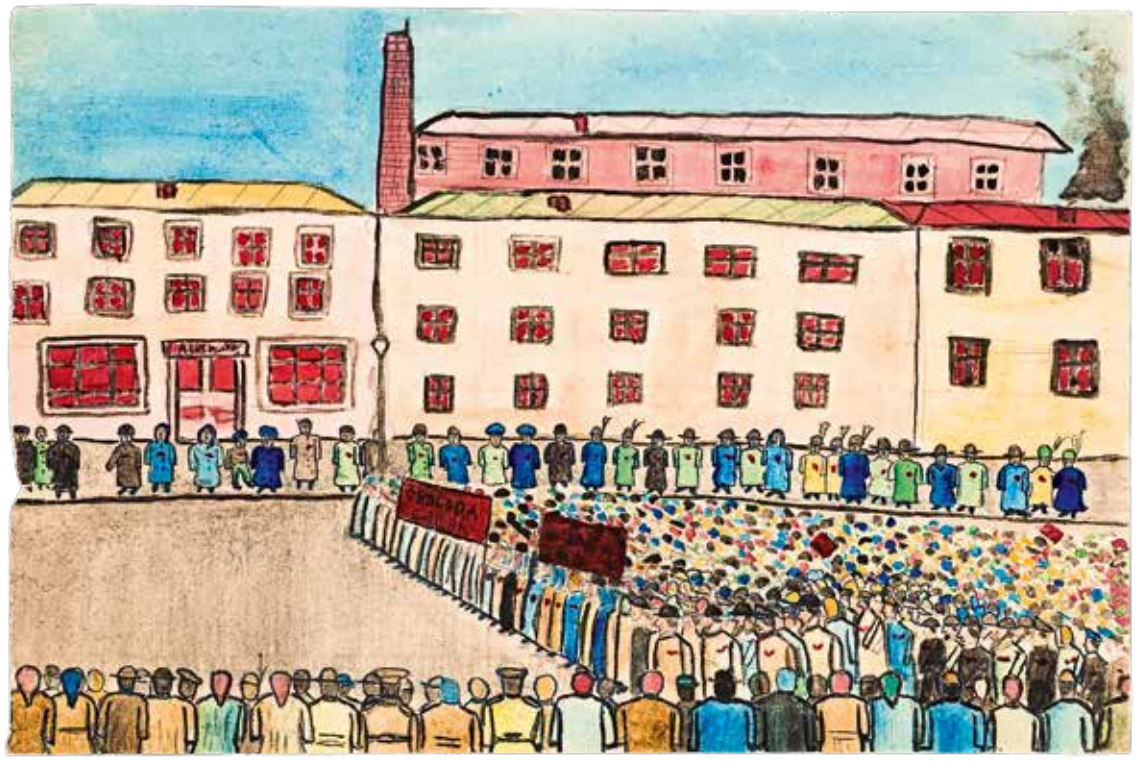
Государственный исторический музей

→

Демонстрация возле фабрики с лозунгом «Свобода слова!»

Неизвестный автор. Москва.
Февраль – март 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель. 24,3 × 36,8

Государственный исторический музей



→

Демонстрация Всероссийского земского союза с лозунгом «Да здравствует Учредительное собрание!»

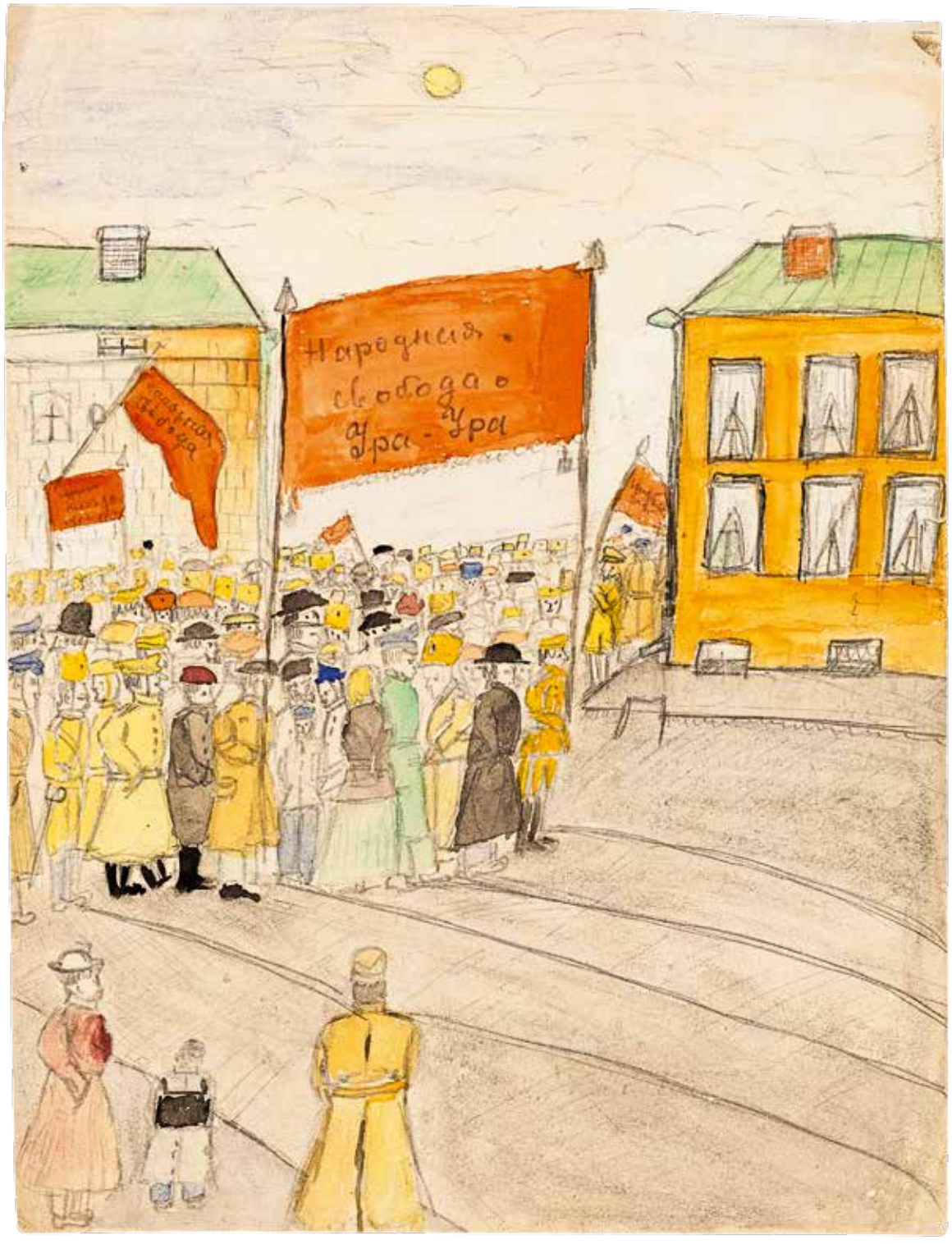
Неизвестный автор. Москва.
Февраль – март 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель. 26,3 × 34,5

Государственный исторический музей

Демонстрация с лозунгом «Да здравствует свободная Россия!»

Автор Яцкевич. Москва.
Февраль – март 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель, гуашь. 25,8 × 34,3

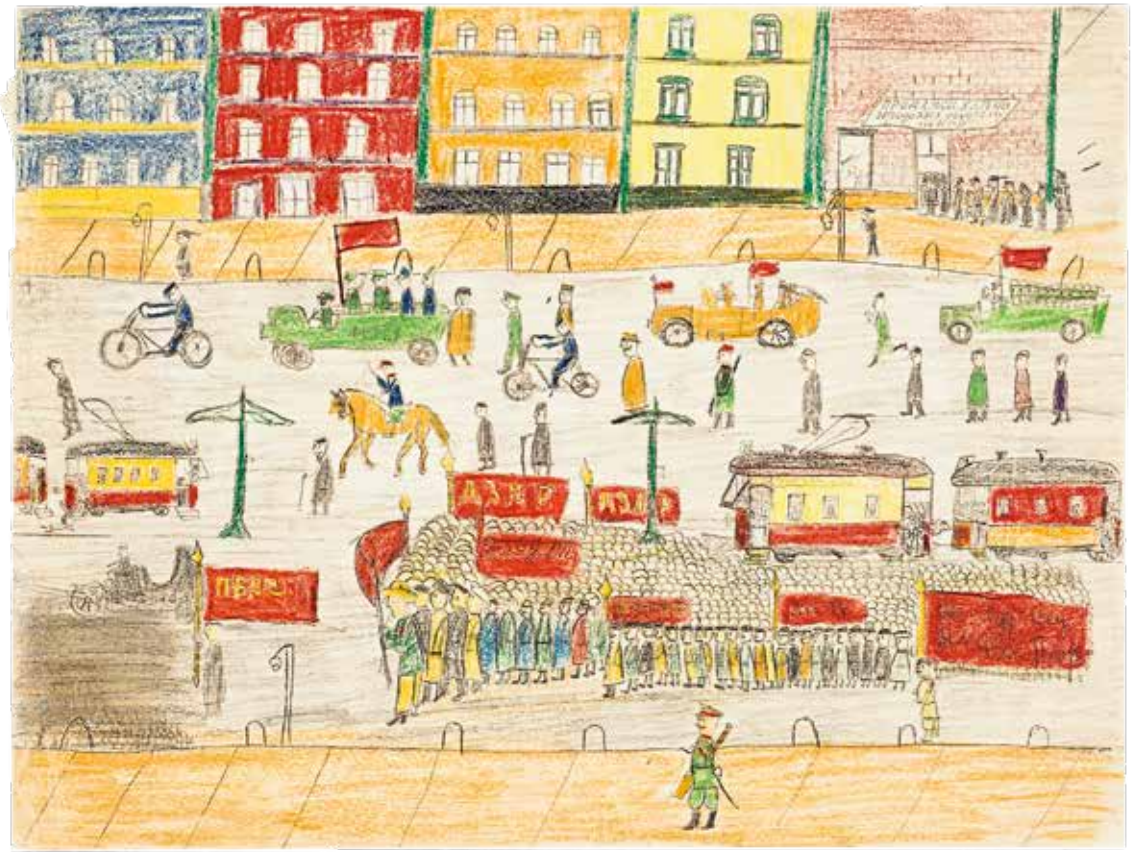
Государственный исторический музей



←

Демонстрация с лозунгом «Народная свобода!»
Неизвестный автор. Москва.
Февраль — март 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель. 34,5 × 26,5
Государственный исторический музей

Демонстрация на широкой улице
Неизвестный автор. Москва.
Февраль – март 1917
Бумага, графитный карандаш, цветные карандаши. 26,5 × 34,7
Государственный исторический музей



Демонстрация в центре города

Неизвестный автор. Москва. Февраль – март 1917

Бумага, графитный карандаш, акварель, гуашь. 24,5 × 34,0

Государственный исторический музей

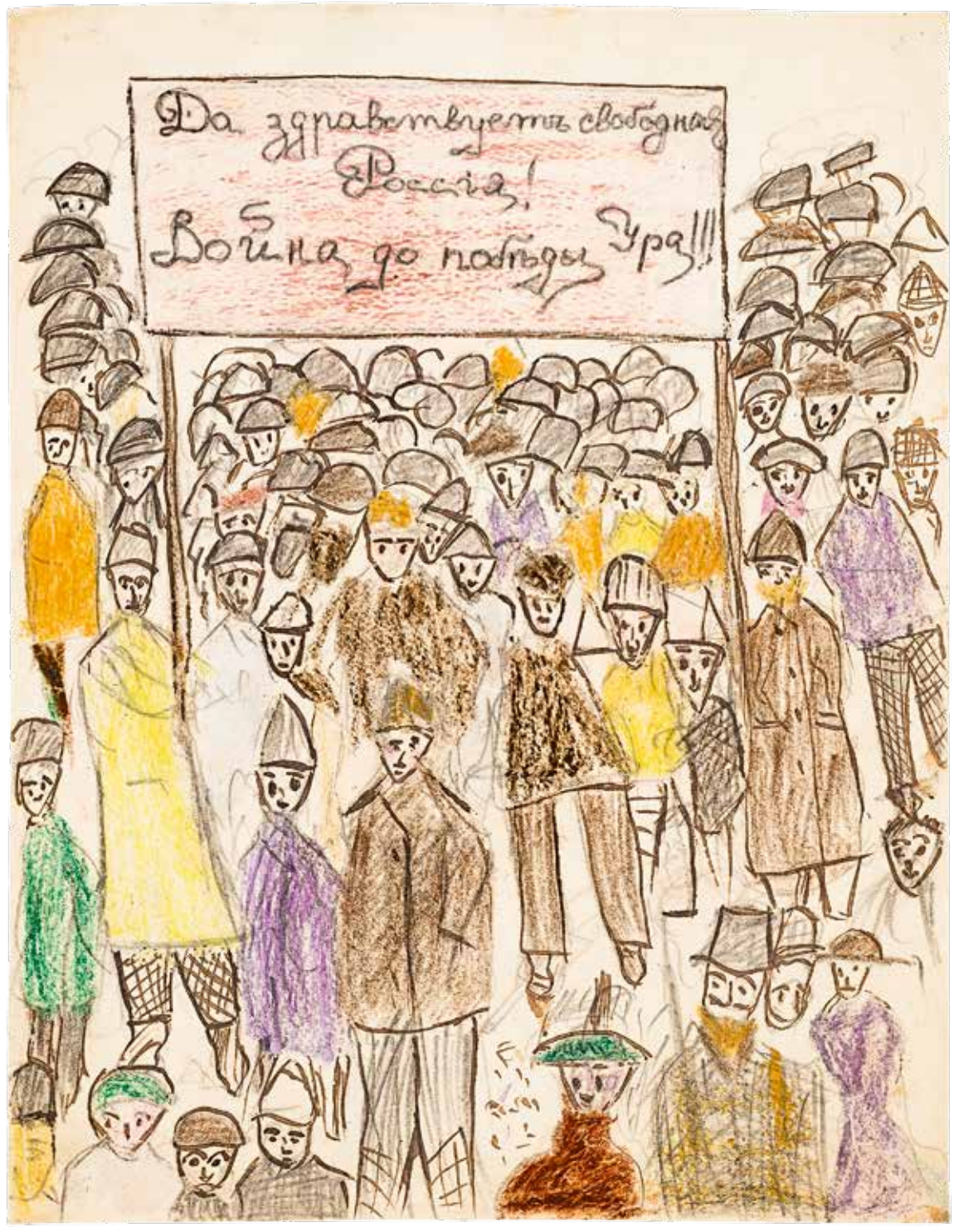
→

Демонстрация с лозунгом «Да здравствует свободная Россия! Война до победы!»

Автор Косарев. Москва. Февраль — март 1917

Бумага, графитный карандаш, цветные карандаши, тушь, перо. 34,5 × 26,5

Государственный исторический музей



←

Демонстрация возле Большого театра

Неизвестный автор. Москва. Август 1917

Бумага, графитный карандаш, акварель. 26,3 × 16,8

Государственный исторический музей

Митинг у Красных ворот

Неизвестный автор. Москва. 1917

Бумага, графитный карандаш, акварель, тушь, перо. 22,3 × 33,5

Государственный исторический музей

«Митинги»
Автор Косарев. Москва. 1917
Бумага, графитный карандаш, цветные карандаши, тушь, перо.
26,5 × 34,5
Государственный исторический музей

→

«Большевик идет на митинг»
Автор А. Константинов. Москва. 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель.
34,0 × 23,8
Государственный исторический музей

Очередь в булочную С. Титова
Неизвестный автор. Москва. 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель. 24,7 × 33,5
Государственный исторический музей

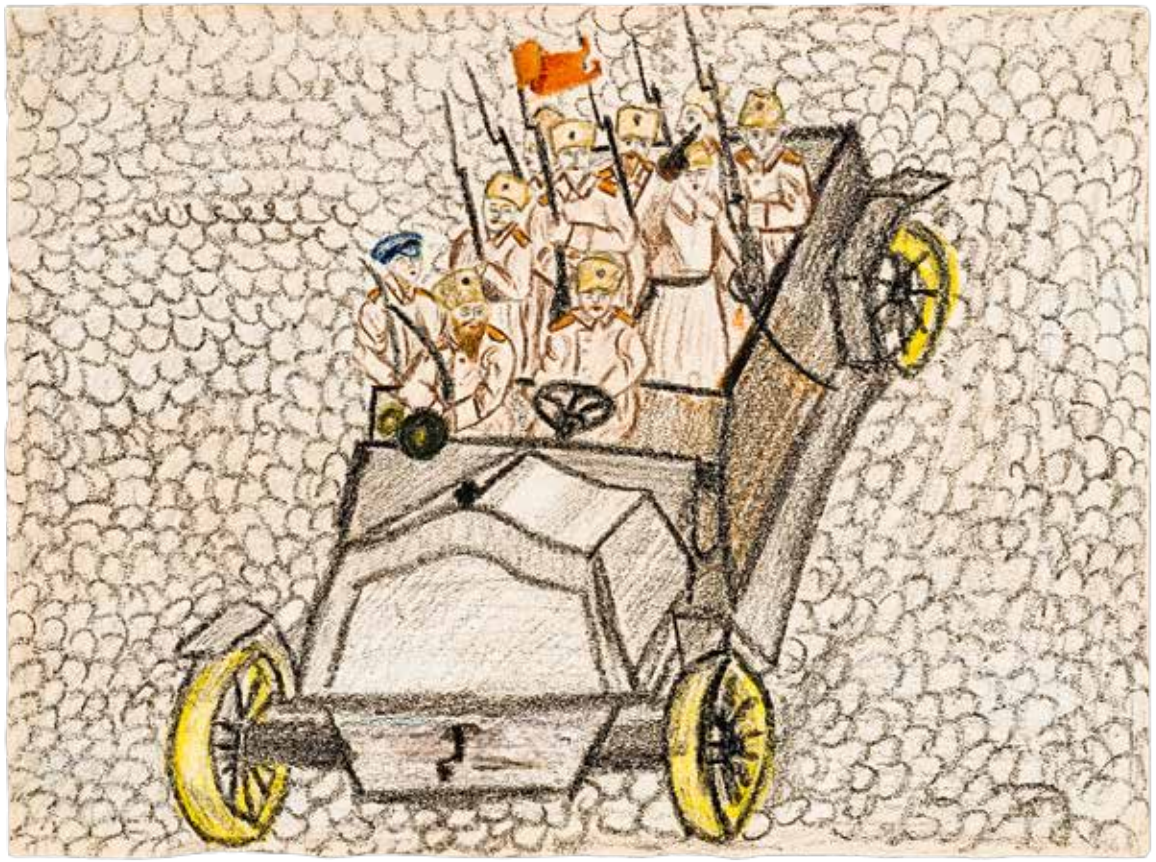
Очередь в булочную
Н.И. Богомолова
Неизвестный автор. Москва. 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель, тушь, перо, белила. 28,0 × 35,5
Государственный исторический музей

Очередь в булочную
И.А. Чуева на Солянке
Неизвестный автор. Москва. 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель, гуашь. 24,8 × 34,7
Государственный исторический музей

Автомобиль с революционными солдатами

Неизвестный автор. Москва. 1917
Бумага, графитный карандаш, цветные карандаши. 26,5 × 35,5

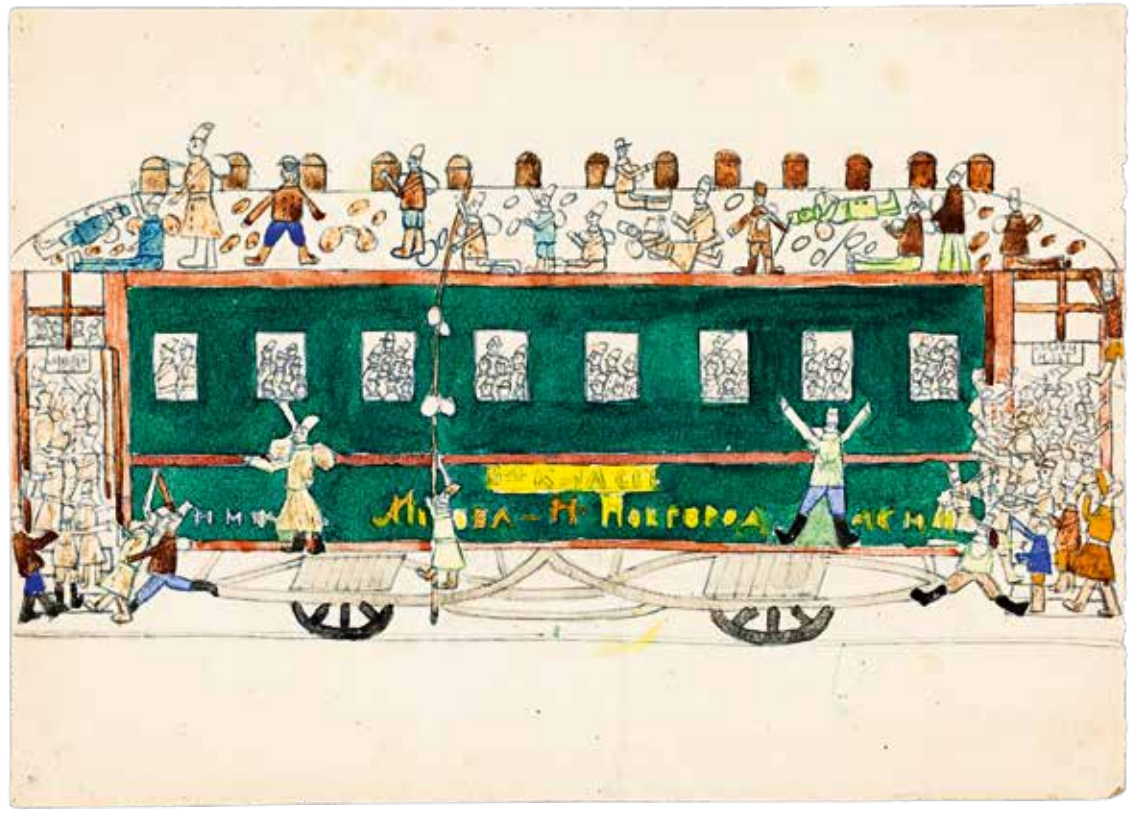
Государственный исторический музей



Вагон третьего класса пассажирского поезда «Москва — Нижний Новгород»

Неизвестный автор. Москва. 1917
Бумага, чернильный карандаш, акварель. 25,0 × 35,0

Государственный исторический музей



Автомобиль с революционными солдатами

Автор В. Чеховский. Москва. 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель. 24,3 × 34,5

Государственный исторический музей

←

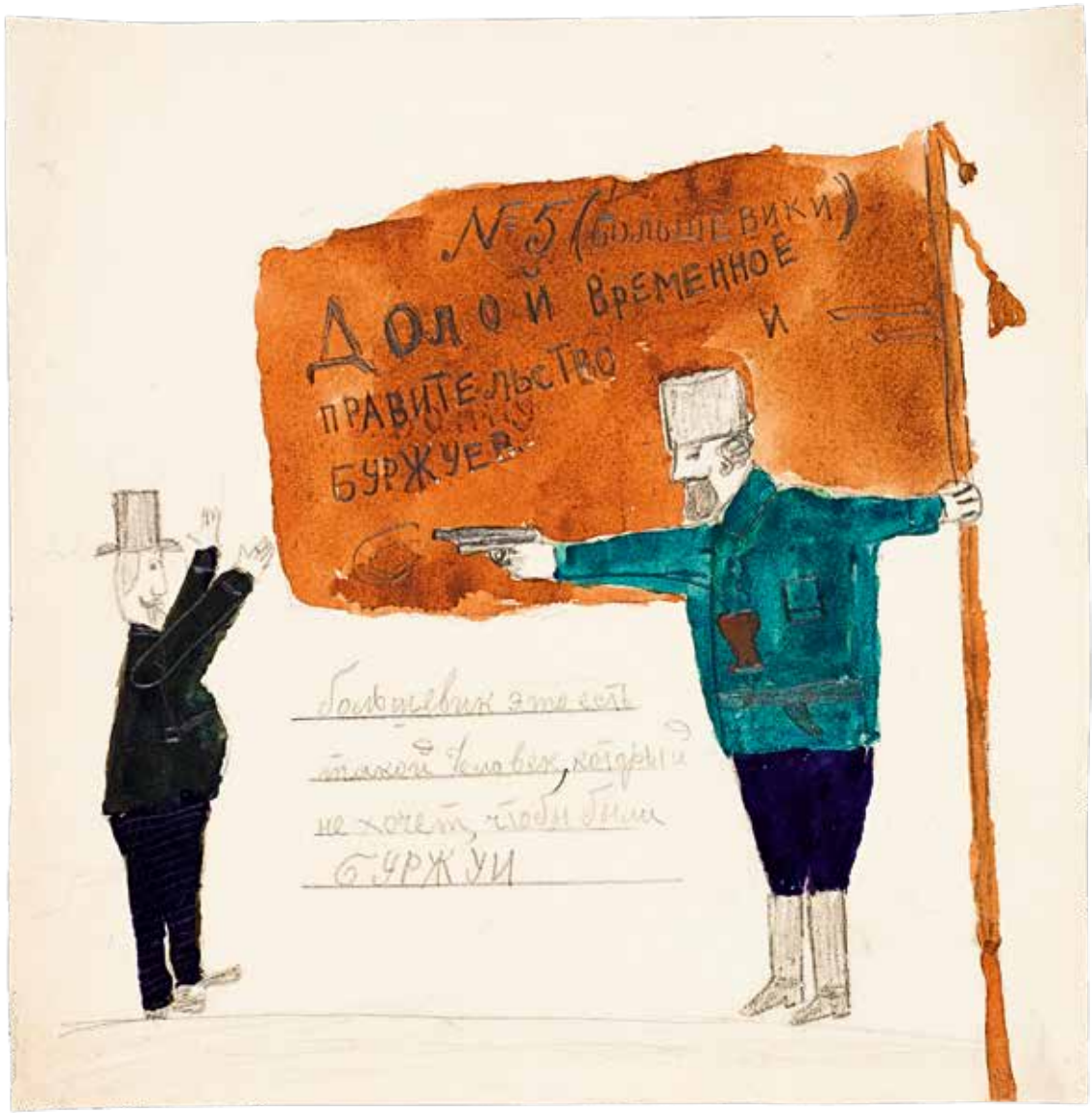
Большевики и свободная Россия
Автор А. Константинов. Москва. 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель. 34,0 × 24,0
Государственный исторический музей

«Обыск оружия большевиками»
Автор Косарев. Москва.
Ноябрь 1917
Бумага, графитный карандаш, цветные карандаши, тушь, перо.
26,5 × 33,5
Государственный исторический музей

Большевик со знаменем и буржуй

Неизвестный автор. Москва. 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель, гуашь. 26,5 × 26,3

Государственный исторический музей



«Большевик и меньшевик»

Неизвестный автор. Москва. 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель. 31,5 × 23,5

Государственный исторический музей

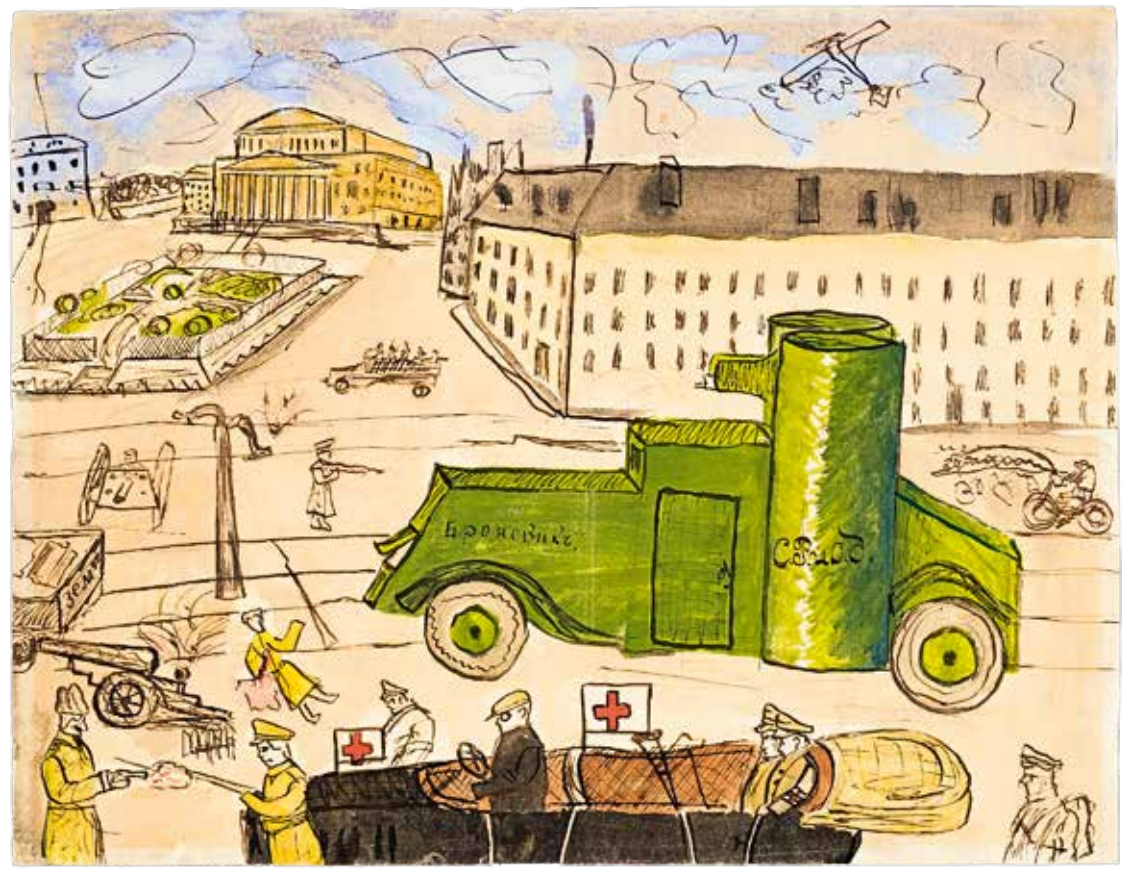
←

«Гражданская война в Москве»
Неизвестный автор. Москва.
Октябрь — ноябрь 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель. 26,5 × 34,3
Государственный исторический музей

←

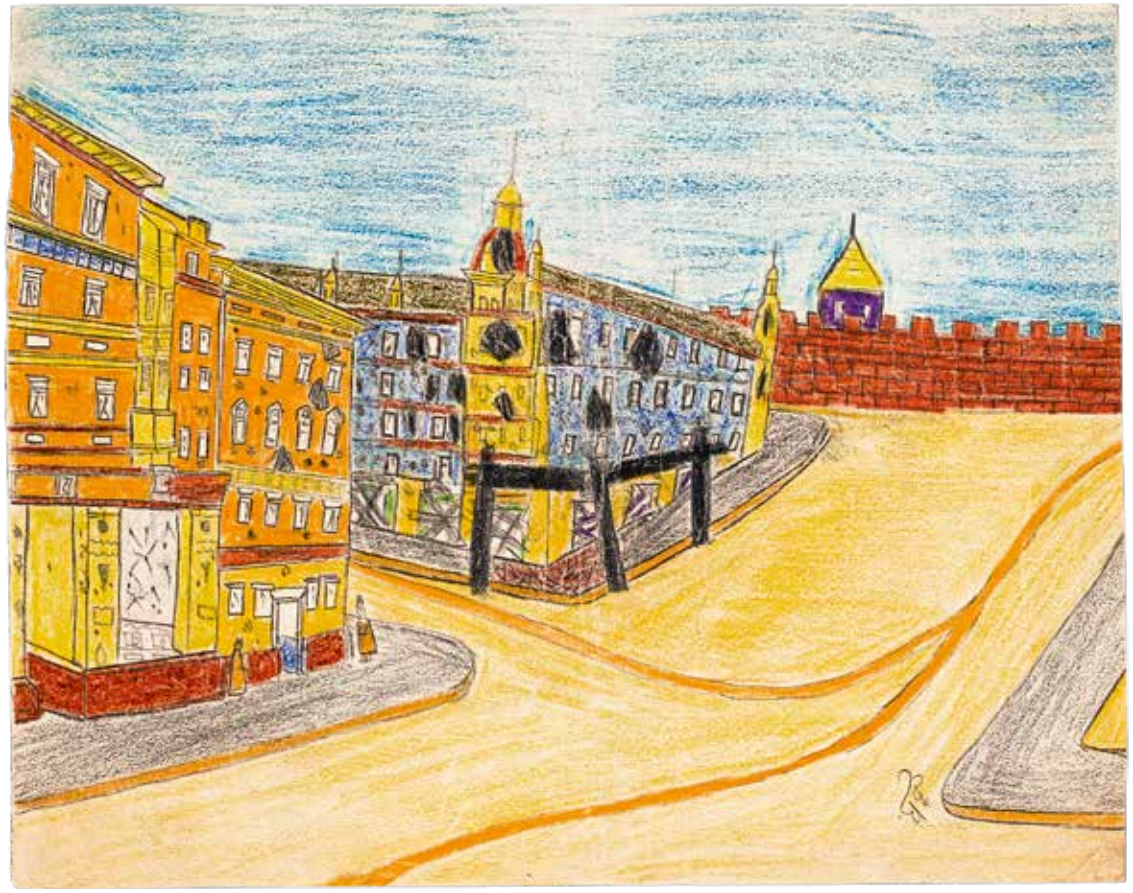
«Телефонная станция и убитые»
Автор П. Григорьев. Москва.
1 декабря 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель. 25,7 × 34,8
Государственный исторический музей

Бой на Театральной площади
Неизвестный автор. Москва.
Октябрь — ноябрь 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель, гуашь, тушь, перо.
26,5 × 34,0
Государственный исторический музей

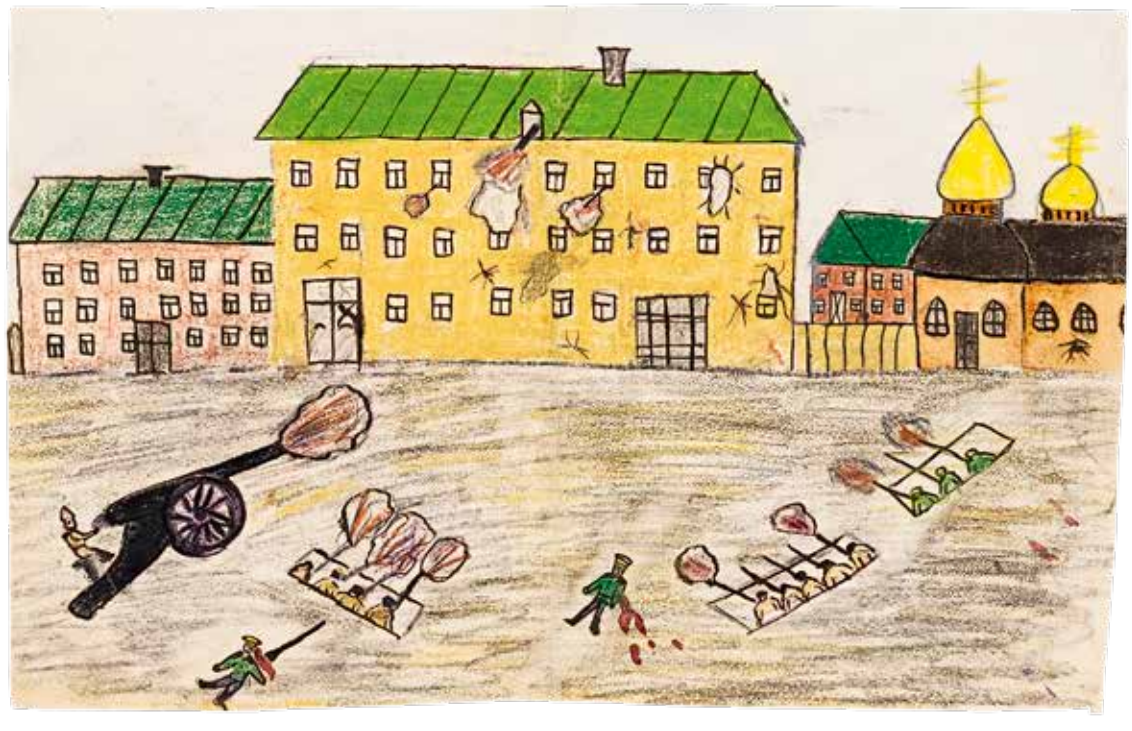


«Стрельба по Красной гвардии»
Автор Дусман. Москва.
Ноябрь 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель. 26,3 × 34,3
Государственный исторический музей

Обстрелянные дома возле Кремля
Неизвестный автор. Москва.
Октябрь — ноябрь 1917
Бумага, графитный карандаш, цветные карандаши. 26,5 × 33,5
Государственный исторический музей



Осада дома в центре города
Неизвестный автор. Москва.
Октябрь — ноябрь 1917
Бумага, графитный карандаш, цветные карандаши, акварель. 20,7 × 32,8
Государственный исторический музей



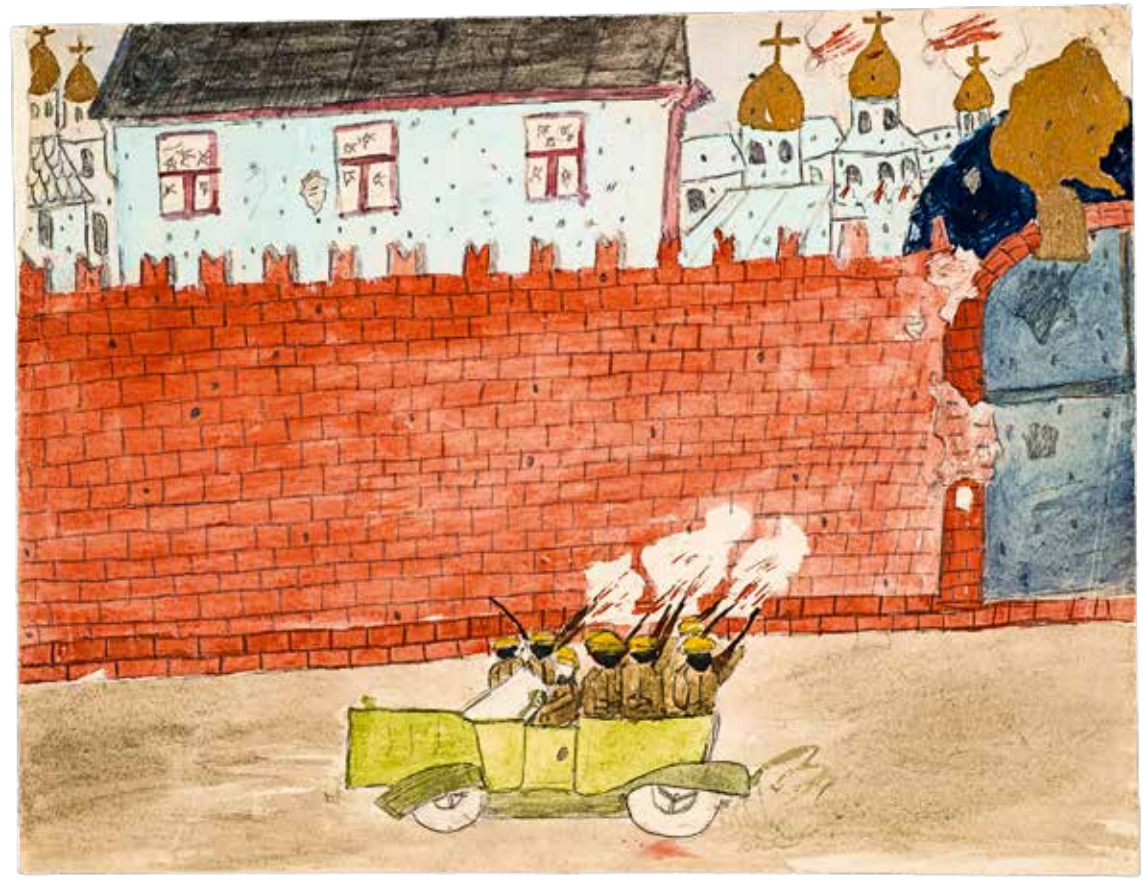
←

«Кадет»

Неизвестный автор. Москва.
1917
Бумага, графитный карандаш, акварель. 33,7 × 25,7
Государственный исторический музей

Обстрел Кремля

Неизвестный автор. Москва.
Октябрь — ноябрь 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель, бронзовая краска.
26,5 × 34,5
Государственный исторический музей



«Похороны студентов
и юнкеров»
Автор А. Малышков (?). Москва.
9 декабря 1917 г.
Бумага, акварель, гуашь.
30,0 × 36,5
Государственный исторический музей

→

«Вечная память борцам
за свободу»
Неизвестный автор. Москва.
Ноябрь 1917
Бумага, графитный карандаш,
акварель, гуашь, бронзовая
краска. 25,8 × 34,5
Государственный исторический музей

→

«Кладбище большевиков»
Автор Гончаров. Москва.
Ноябрь 1917
Бумага, графитный карандаш,
акварель. 25,8 × 34,5
Государственный исторический музей

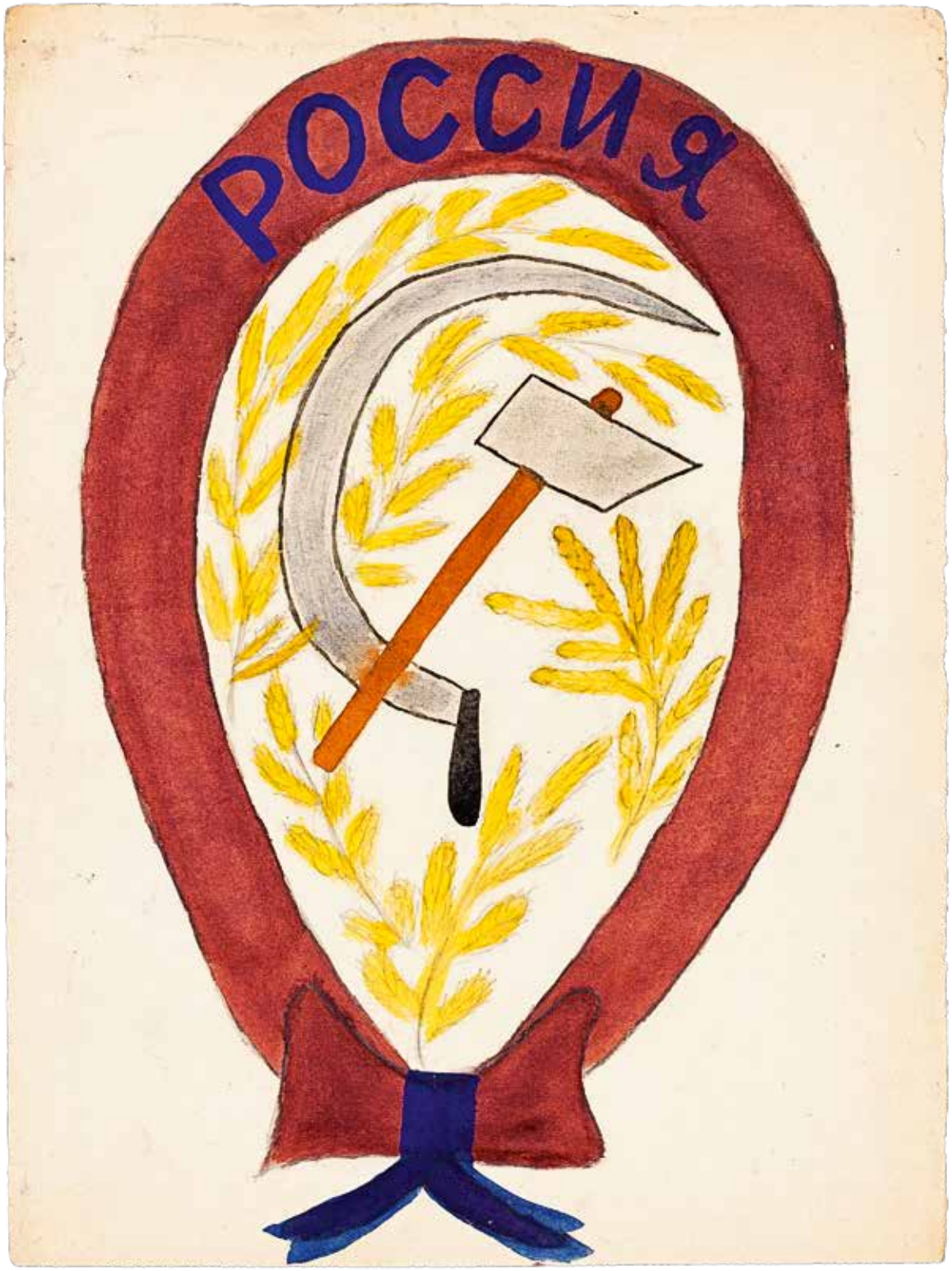
←

«Часть Александровского вокзала с обелиском»
Неизвестный автор. Москва. 1918
Бумага, графитный карандаш, акварель, белила. 25,0 × 35,8
Государственный исторический музей

←

«Памятник Ленину»
Неизвестный автор.
Москва. 1918
Бумага, графитный карандаш, акварель, гуашь. 25,8 × 33,5
Государственный исторический музей

«Открытие памятника Робеспьеру в Александровском саду»
Неизвестный автор. Москва.
Ноябрь 1918
Бумага, графитный карандаш, акварель. 26,0 × 26,3
Государственный исторический музей



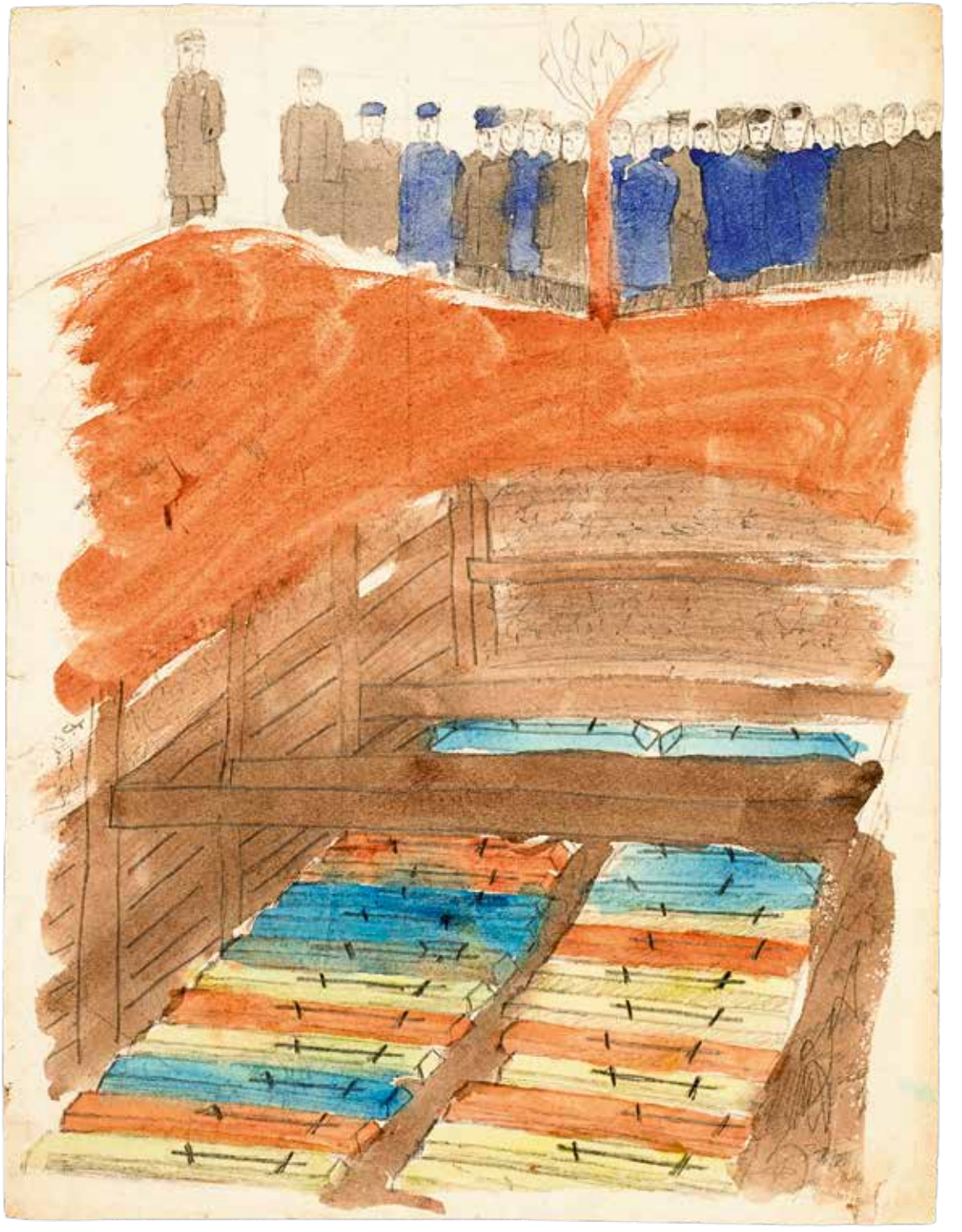
←

Проект герба РСФСР
Неизвестный автор. Москва. 1918
Бумага, графитный карандаш, акварель, гуашь. 35,8 × 26,8
Государственный исторический музей

Проект герба РСФСР
Автор Н. Фролов. Москва. 1918
Бумага, графитный карандаш, цветные карандаши, акварель, гуашь. 26,5 × 36,0
Государственный исторический музей

→

Раскрытая братская могила у Кремлевской стены
Неизвестный автор. Москва. Ноябрь 1917
Бумага, графитный карандаш, акварель. 34,7 × 26,5
Государственный исторический музей



Манифестаций на этот раз было изображено немного. Преобладали рисунки на тему украшения улиц и домов. Мотивы чистой декорации привлекали к себе большее внимание.

Новый герб России особенно сосредоточил на себе детское внимание. По-видимому, иначе стал звучать для них стук рабочего молота, и оценили они глубокое значение крестьянского серпа. Маленькие декораторы дали целый ряд собственных композиций трудового герба.

Следует пожалеть о том, что детский художественный труд почти не был использован для праздничной декорации трудовых школ. Произведения детского творчества с присущей маленьким художникам сильной декоративной складкой были бы наилучшим праздничным украшением школ-коммун.

Старая школа вообще не слишком баловала детей художественными праздниками внутри школы и очень малое внимание уделяла развитию художественных детских сил.

В скучных и унылых буднях утомительной учебы с трудом и крайне редко могли пробиваться художественные дарования детей. А между тем стремление к творческой деятельности в области искусства является присущим большинству детей, и лишь особо неблагоприятные условия заставляют чахнуть эту живую силу.

Художественное исследование природы детского рисования с полной и горячей убедительностью доказывает, что детский рисунок является художественным выражением творческих изобразительных способностей ребенка и в своей формальной стороне имеет положительные качества и ценности художественного достижения.

Детское искусство не есть лишь предверие настоящего искусства, но оно есть — в его постоянном текущем проявлении — подлинное, живое, бескорыстное и вдохновенное искусство, имеющее свои особенные и богатые эстетические черты.

Своеобразное, как все исходящее от детского вдохновения, нежное, как весенний цвет, непобедимо искреннее, ничем не отравленное, с многочисленными индивидуальными отклонениями и оттенками, странное и вдохновенное, то удивляющее глубиной проникновения, то умиляющее ясной простотой и мудростью, и постоянно радующее неизменной декоративной узорчатостью линий и красок, это искусство нуждается во всеобщей поддержке и внимании.

Если путь ему будет расчищен от стесняющих преград, нас ожидает яркое праздничное цветение глубоко интересного творчества маленьких художников. В их деятельном темпераменте и остро-декоративном художественном чутье заключено благодатное семя нового великого — всенародного — искусства.

Старый ветхий мир умирает. Из глубин будущего идет на смену новый мир, полный молодых расцветающих сил, еще не растраченной энергии и великого творчества.

Да здравствуют новые силы, и да лучезарен будет их жизненный путь!

В. Воронов
9 декабря 1918 г.

* * *

Таково понимание и такова оценка детьми наших революционных дней.

Внимательное ознакомление с этими «человеческими» документами, принадлежащими русским детям, заставляет тревожно задуматься о будущей судьбе родной страны.

Благие зерна, развеянные всенародной русской революцией в ее начальных движениях, упадали в восприимчивые и чуткие души детей. Таинственные взоры отроков пристально наблюдали «необыкновение» и «неспокойствие» происходящего вокруг. Если для взрослых проявление революционного состояния России не было нежданно-негаданно, то для детей революция имела почти все черты сказочного происшествия, характер внезапного и радостного «приключения». Кто знает, какую обильную жатву довелось бы собрать русскому народу и государству через несколько десятилетий от этого благодетельного посева?

Все детские свидетельства о первых шагах революции согласно говорят нам о том, что школьная детвора и отрочество быстро и чутко восприняли все духовное обаяние народного освобождения и разделили общенародную радость в своих думах, настроениях и поведении. Революционное единение всего населения вызвало в душах маленьких мальчуганов с сумками светлую ребяческую радость и полное сочувствие.

Горячо зазвучавшие повсюду слова о свободе, благе народа и единении получили живой — хотя и смутный — отклик в настроениях школьной детворы, и так прекрасно и благодетельно было бы для школы в новой России, если б дальнейшее ее устроение и преобразование протекало бы под обаянием этих возвышенных и высокочеловеческих настроений. Идеи свободного демократического государства получили бы могучее духовное укрепление на первых ступенях сознательности младшего поколения, на заре своего отрочества, завороженного пленительным чудом торжественного и уверенного народного освобождения от темного прошлого.

Февральско-мартовские дни, отмеченные необыкновенным душевным вдохновением всего народа, стали бы великой — хотя и краткодневной — лабораторией будущих мужественных гражданских сил России. Народное настроение этих дней должно было определить собой духовные и творческие пути тех мальчуганов, которые в это время десятками высыпали на улицы, где «все оживело» и где «все и везде говорили свободно, никто никого не боялся», смотреть как «сегодня будет русская революция», пробирались «внутрь всего народу», узнавали, что они «теперь все стали называться гражданами», видели, как «на улице народ улыбался, и один из народа плакал от радости», «торжественно» кричали «ура» проезжавшим автомобилям с красным флагом, радовались «вместе с другими» и потом долго еще думали «про революцию», когда она окончилась.

Впечатления отроческих лет — первой ступени, уводящей от безмятежного детства, — всегда необыкновенно глубоко влияют на образования характеров, и с этой стороны Россия имела все основания в будущем ждать от своих малых детей великих деяний.

Но судьба порешила иначе, и вдохновенно-революционное настроение школьничества было разрушено. Детям скоро и ярко довелось увидать и обратную сторону блистательной и торжественной медали революции. На их глазах — столь быстро, что многие из них не успели еще дочитать своего очередного учебника, — революция перестала быть вдохновляющей поэзией и стала страшным и кровавым бредом. Дети, не успевшие вкусить ни одного плода с древа свободы, были испуганы и нравственно подавлены картинами братоубийственной внутренней вой-

ны и смущены постоянными наблюдениями над обнаружившейся рознью, гневом и враждой освободившего себя народа.

«Внутри всего народу» оказался господствующим дух «несогласия народов», взаимного подозрения и ненависти.

Не нашли дети в русской революции и отдельных героев, как находили они их незадолго до того в войне, ведомой Россией, как умеют они их находить повсюду: в книгах о путешествиях, приключениях и экспедициях, в авиации, цирковой борьбе, на экране кинемотографа, в играх своих сверстников, в классных вождях и авторитетах. Действия без героизма почти не находят в детях сочувствия. Солдата русской армии они часто называли героем, но ни разу не дали этого эпитета русскому революционеру. Вся внутренняя энергия русской революции, устремленная на раздоры и вражду в стане революционеров, вызвала в детях несочувствие, осуждение. Некого было маленьким подражателям возводить на пьедестал, приветствовать, брать за идеал человека-гражданина, хотя мы и «стали называться гражданами».

Отсутствие индивидуального героизма в революции, корыстный и эгоистический уклон главных действующих масс не заставили детей покидать мирный — и часто скучный для них — уют семьи и «убегать» в стан революционеров, как бегали они в Америку, на войну, на Северный полюс. Детские характеристики вождей русской революции поражают своей трезвостью и прозаичностью, полным отсутствием идеалистического элемента, глубоким внутренним равнодушием.

Быстро померкли в детских глазах огонь и свет революции и, вот рука школьника бесхитростно и немногословно выводит «по двум линейкам» тяжкий приговор революционным дням: «Я сначала, любил нашу русскую революцию и думал, что все теперь будут жить хорошо, а теперь увидел, что это все неправда», — или: «Когда началась революция, никто никого не обманывал, а потом все стали обманывать, и стали говорить друг про друга разности», — или: «Я не могу сочувствовать революции, так как с каждым днем жить всем становится хуже и хуже».

Дети видят, что отцы и старшие братья сумели направить свои силы лишь на дело разрушения, на свержение «царей и гербов», чувствуют вокруг себя тревожное смущение старших, с кем вместе они ходили «с красным флагом», слышат, как они «все больше говорят об провизии», а в разговоре «о политике» ворчат, негодуют, раскаиваются, выражают недовольство, осуждают, критикуют. «Никто не умеет устроить дела в России», — угадывает мальчик, смутно чувствуя вокруг себя в наступившем хаосе полное безлюдие. Внимательный и вечно любопытствующий взор мальчугана, всегда пристально останавливающийся на том, кто выделяется своими духовными и физическими силами и... *[на этом статья обрывается].*

Р. Г. Гагкуев
А. И. Ушаков

«Я ВЕРЮ, ЧТО ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО, НО БОЮСЬ — КАКОЙ ЦЕНОЙ?»

Выдержки из дневника генерала С. Л. Маркова за 1917 год

Генерал-лейтенант С. Л. Марков (1878–1918) относится к числу наиболее известных русских офицеров периода Первой мировой и Гражданской войн. Сергей Леонидович Марков родился 7 (20) июля 1878 г. в семье офицера, потомственного дворянина Московской губернии. В 1904 г. он окончил Николаевскую военную академию Генерального штаба и в звании капитана добровольно отправился на фронт Русско-японской войны. Несколько лет спустя подполковник Марков стал штатным преподавателем в Академии Генерального штаба.

В годы Первой мировой войны Марков в разные периоды занимал почти все возможные для офицера Генерального штаба должности. С началом войны полковник Марков служит в штабе Юго-Западного фронта, затем — в штабе 19-й пехотной дивизии. В декабре 1914 г. он становится начальником штаба 4-й стрелковой «железной» бригады, которой командовал генерал-майор А. И. Деникин. «Мне редко приходилось встречать человека, с таким увлечением и любовью относившегося к военному делу, — писал позднее в своих «Очерках русской смуты» Деникин. — Молодой, увлекающийся, общительный, обладавший даром слова, он умел подойти близко ко всякой среде — офицерской, солдатской, к толпе — иногда далеко не расположенной...»[1] Совместная служба с Деникиным в 4-й стрелковой бригаде (развернутой вскоре в дивизию) сначала в должности начальника штаба, а затем командира 13-го стрелкового полка на протяжении почти полутора лет сблизила двух генералов. Марков стал для Деникина не только сослуживцем, но и близким другом.

В апреле 1916 г. Марков (произведенный в конце 1915 г. в генерал-майоры) получил назначение начальником штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии, пробыв на Кавказском фронте несколько месяцев. Осенью 1916 г. Сергей Леонидович был вызван в Петроград во вновь открытую Академию Генерального штаба. После непродолжительной преподавательской работы он отправился на фронт — 1 (14) января 1917 г. Марков был назначен на должность генерала для поручений при командующем 10-й армией Западного фронта. Встретив на этой должности Февральскую революцию, Сергей Леонидович с 15 (28) апреля 1917 г. получил в командование 10-ю пехотную дивизию, но уже 12 (25) мая 1917 г. был переведен в Ставку, где

получил должность второго генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем генерале от инфантерии М. В. Алексееве. Начальником штаба главковерха в это время был генерал-лейтенант Деникин, хорошо знавший цену Маркову и пригласивший его работать в Ставку. После отставки Алексеева с поста Верховного главнокомандующего в мае 1917 г. Деникин был назначен главкомом армий Западного фронта, а уже 10 (23) июня исполняющим обязанности начальника штаба армий Западного фронта стал его ближайший помощник — генерал Марков. После назначения Деникина главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта должность его начальника штаба с 4 (17) августа также занял Марков, произведенный 16 (29) августа в генерал-лейтенанты.

Во время Корниловского выступления главком армий Юго-Западного фронта Деникин и его начальник штаба Марков выступили на стороне генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова, направив свои телеграммы со словами поддержки Верховного главнокомандующего министру-председателю А. Ф. Керенскому. «Ежедневно, около 10 часов вечера, в оперативном отделении штаба, — показывал генерал Марков позже, — я собирал офицеров для доклада и текущих указаний. То же было и 27-го... Отдельных своих фраз не помню... говорил о наступившем, по-видимому, хаосе в Петрограде... в связи с ожидавшимися выступлениями большевиков, и указал на необходимость с нашей стороны предохранить войска фронта от развала, для чего надо принять меры и, пока не выяснится что-либо определенное, не питать войска разноречивыми слухами. Для этого устанавливается предварительная цензура издаваемых в Бердичеве газет, усиленный наряд на телефонных и телеграфных станциях, а также город окружался постами. Никаких дебатов при мне не было, и я скоро ушел в кабинет». Из показаний Маркова очевидно, что штаб Юго-Западного фронта поддерживал выступление Корнилова.

29 августа (11 сентября) 1917 г. Деникин, Марков и ряд других генералов и офицеров штаба Юго-Западного фронта за поддержку Корнилова были отстранены от должности и арестованы[2]. Заключенные были помещены в здании гауптвахты в Бердичеве. 26 сентября (9 октября) во время перевода в Быхов (в котором находились в заключении генералы и офицеры Ставки, участвовавшие в Корниловском выступлении) Марков вместе с другими арестованными едва не стал жертвой самосуда солдатской толпы.

В общей сложности Марков пробыл в заключении сначала в Бердичеве, а затем в Быхове больше двух с половиной месяцев. 19 ноября (2 декабря) 1917 г. оставшиеся на тот момент под арестом «быховские узники» во главе с Л. Г. Корниловым были освобождены распоряжением исполняющего обязанности Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина.

В ноябре 1917 г. вместе с другими генералами, поддержавшими в августе 1917 г. Корнилова, Марков отправился на Дон, где в это время начала свое формирование Алексеевская организация, развернутая вскоре в Добровольческую армию. С именем Маркова связан ставший легендарным для Белого движения Первый Кубанский «Ледяной» поход, во время которого он командовал Сводно-офицерским полком (полк впоследствии получил его именное шефство). 12 (25) июня 1918 г., в начале Второго

Кубанского похода Добровольческой армии, генерал Марков был смертельно ранен у станции Шаблиевка.

Предлагаемые вниманию читателей выдержки из дневника С. Л. Маркова никогда ранее не публиковались в полном объеме. Благодаря работе А. И. Деникина над «Очерками русской смуты», сохранились два обширных фрагмента дневника Сергея Леонидовича, рассказывающих о событиях марта — апреля (большая часть периода Февральской революции и начало «демократизации» действующей армии) и августа — ноября 1917 г. (события Корниловского выступления и Октябрьской революции). Как исторический документ, который на протяжении 1917 г. вел один из наиболее значимых военных деятелей для этого периода революции, дневник уникален. Он позволяет увидеть эволюцию взглядов русского офицерства на развитие ситуации в стране и на фронте и фиксирует детали многих событий революционного времени.

Первый из отрывков был опубликован Деникиным в 1921 г. в первом выпуске его «Очерков русской смуты», в главе «Генерал Марков»[3]. Для характеристики своего друга Деникин привел наиболее яркие эпизоды, характеризующие Маркова как незаурядного офицера, стремившегося не потеряться в наступившем революционном времени и сохранить порядок в армии, используя создаваемые в армии советы. Ряд сокращений как в опубликованном Деникиным тексте (как отдельные слова и предложения, так и записи за целые дни), к сожалению, не позволяют в полной мере выяснить отношение Маркова к падению монархии. Оригинал использованных Деникиным записей за март — апрель 1917 г. отсутствует в его фонде, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации.

Второй обширный отрывок, охватывающий период с конца августа по середину ноября 1917 г. практически не был использован Деникиным в работе над «Очерками русской смуты». Несмотря на ряд содержащихся в дневниковых записях Маркова подробностей и оценок происходивших в это время важных для армии и страны событий, Деникин процитировал лишь несколько кратких отрывков из него. Сохранилась рукописная копия с оригинала дневника Маркова, предположительно выполненная в 1918 (после смерти Маркова) — 1922 гг. во время сбора Деникиным материалов для «Очерков русской смуты» и хранящаяся ныне в Государственном архиве Российской Федерации[4]. Документ был переписан по просьбе Деникина сторонним переписчиком с максимальной точностью — в тексте сохранены многочисленные сокращения, отмечены отдельные слова, вычеркнутые в нем автором. Впервые этот документ был опубликован в 1990 г. в журнале «Родина»[5]. К сожалению, воспроизведение текста было произведено с рядом сокращений, а в некоторых случаях — искажений и без ссылки на место хранения в архивном собрании, что в существенной ценности снизило научную ценность публикации.

Судьба подлинного дневника Маркова к настоящему времени остается неизвестной. Наличие двух больших отрывков из него, а также ежедневные записи на протяжении длительных периодов, свидетельствуют о ведении Сергеем Леонидовичем такого дневника по крайней мере на протяжении 1917 г. Вполне вероятно, что оригинал дневника Маркова, из которого Деникин сделал обширные выписки, остался в распоряжении семьи Маркова[6]. Однако к настоящему времени обнаружить его следы не удалось. В пере-

данных в Россию в 2013 г. документах дочери генерала Марианны Сергеевны Чебыкиной (Марковой) его не оказалось. Судьба бумаг супруги Маркова Марианны Павловны (в девичестве — Путятиной) и сына Леонида Сергеевича Маркова к настоящему времени неизвестна.

Предлагаемая вниманию читателей публикация дневника С. Л. Маркова — первое полное воспроизведение сохранившихся из него отрывков, дополненное подробными комментариями и примечаниями. Текст дневника за март — апрель 1917 г. приводится по первой публикации «Очерков русской смуты», текст за август — ноябрь 1917 г. — по копии, снятой с дневника Маркова, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации. При публикации текста дневника исправлены явные ошибки и описки, раскрыты сокращения (в квадратных скобках). Даты в публикации приведены по двум стилям — старому, Юлианскому, и новому, Григорианскому (в скобках).

[1] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917) / науч. ред., предисл. А. С. Пученкова. М., 2017. С. 204–205.

[2] Протокол допроса С. Л. Маркова после ареста, а также другие документы, связанные с арестом чинов штаба армий Юго-Западного фронта см.: «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит…» Документы по делу об участниках выступления генерала Л. Г. Корнилова на Юго-Западном фронте в августе 1917 г. / публ. А. В. Ганина // Исторический архив. 2017. № 6. С. 3–34.

[3] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. Paris, 1921. С. 98–101.

[4] ГА РФ. Ф. 5827: Деникин Антон Иванович, генерал-лейтенант, главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России. Оп. 1. Д. 24. Л. 7–13 об.

[5] Рай за решеткой: Из тюремного дневника мятежного генерала Маркова (1917 г.) [Публ., коммент. А. И. Ушакова] // Родина. 1990. № 10. С. 36–38.

[6] Подробнее о семье Маркова см.: О семье генерала С. Л. Маркова / вступ. ст., публ. документов и фото Р. Гагкуева // История. 2014. № 1. С. 22–26.

Выдержки из дневника генерала С. Л. Маркова за 1917 год

1 (14) марта.

Был у [командующего 10-й армией В. Н.] Горбатовского[1]. Говорили о событиях в Питере. Дай Бог успеха тем, кто действительно любит Россию. Любопытна миссия[2] [Н. И.] Иванова[3]…

2, 3, 4 (15–17) марта.

Все отодвинулось на второй план, даже война замерла. Телеграмма за телеграммой рисуют ход событий. Сначала все передавалось под сурдинку, затем громче и громче. [А. Е.] Эверт[4] проявил свою обычную нерешительность, задержав ответ[5] [М. В.] Родзянко[6]. Мое настроение выжидательное; я боюсь за армию; меня злит заигрывание с солдатами, ведь это разврат и в этом поражение. Будущее трудно угадать; оно трезво может разрешиться, (если лишь) когда умолкнут страсти. Я счастлив буду, если Россия получит конституционно-демократический строй и пока не представляю себе Россию республикой.

[1] Горбатовский Владимир Николаевич (1851–1924), генерал от инфантерии (1914); с декабря 1916 — командующий 10-й армией Румынского фронта; в апреле 1917 снят с должности, переведен в резерв.

[2] Речь идет о назначении 27 февраля (12 марта) 1917 Николаем II главнокомандующим войсками Петроградского военного округа генерал-адъютанта Н. И. Иванова, наделенного чрезвычайными полномочиями. 28 февраля (13 марта) во главе отряда он выехал из Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве для подавления беспорядков в Петроград. Прибыв 1 (14) марта в Царское село, Иванов получил приказ Николая II не предпринимать никаких действий и вернуть обратно на фронт выделенные ему для похода части. 2 (15) марта Иванов был снят с должности главкома Петроградского военного округа и отозван в Могилев. 18 (31) марта, после отречения Николая II от престола, он был арестован и доставлен в Петроград, находился под следствием, но вскоре освобожден.

[3] Иванов Николай Иудович (1851–1919), военный деятель, генерал-адъютант (1907), генерал от артиллерии (1908).

[4] Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1918), генерал от инфантерии (1911), генерал-адъютант (1915); в августе 1915 — марте 1917 — главнокомандующий армиями Западного фронта; после февраля 1917 снят с должности, уволен от службы.

[5] Вероятно, Марков имеет ввиду отправку ответа главкомом армиями Западного фронта генералом от инфантерии А. Е. Эвертом в ответ на телеграмму начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М. В. Алексеева (в ней Алексеев просил высказать свое мнение по поводу отречения Николая II от престола в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича). 2 (15) марта Эверт ответил телеграммой, в которой сообщал о том, что «на армию в настоящем ее составе рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом родины при невозможности вести дальнейшую борьбу» и просил «не находя иного исхода… во имя спасения Родины и Династии, принять решение… как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии». Согласно воспоминаниям супруги генерала Н. И. Эверт, отрывки из воспоминаний которой были опубликованы А. В. Ганиным, генерал говорил в те дни: «Знаешь, что мне пришлось сделать, — нарушить присягу, обратиться к государю с просьбой отречься от престола, все главнокомандующие обратились с этой просьбой, считают, что это единственное, что может спасти Россию и сохранить фронт. Я плохо в это верю, но открыть фронт мы не имеем права перед Родиной». (Ганин А. В. Главком Западного фронта Алексей Эверт: Мы предатели своего государя! // Родина. 2017. № 2. С. 50).

[6] Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), политический деятель, лидер партии Союз 17 октября (партии октябристов); в феврале 1917 возглавил Временный комитет Государственной думы; вел переговоры комитета с лидерами исполкома Петроградского совета о составе Временного правительства.

5 (18) марта.

Написал статью для «Армейского вестника»[1], а ее приняли как приказ по армии. Все думы, разговоры и интересы свелись к современным событиям. Наша поездка на вокзал; говорил с толпой на дебаркадере[2]; все мирно, хорошо...

6 (19) марта.

Все ходят с одной лишь думой — что-то будет? Минувшее все порицали, а настоящего не ожидали. Россия лежит перед пропастью, и вопрос еще большой — хватит ли сил достичь противоположного берега?

7, 9 (20–22) марта.

Все то же. Руки опускаются работать. История идет логически последовательно. Многое подлое ушло, но всплыло много накипи. Уже в № 8 от 7 (20) марта «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» появились постановления за немедленное окончание войны[3]. Погубят армию эти депутаты и советы, а вместе с ней и Россию.

10 (23) марта...

Получено приказание выехать в Минск для поездки в Брянск. Мое первое выступление перед толпой.

11 (24) марта.

В Брянске волнуется гарнизон[4], требуют от меня привести его в порядок...

[1] Речь идет о газете «Армейский вестник, издаваемый при штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта», выпускавшейся в 1914–1917 (с июня 1917 — «Армейский вестник», с сентября — «Голос фронта», с ноября — «Известия Военно-революционного комитета Юго-Западного фронта»). Статья, о которой пишет Марков, вероятнее всего, не была опубликована в газете. В январе — апреле 1917 в «Армейском вестнике» не было опубликовано ни одной статьи за подписью Маркова. В то же время, в период, когда Марков занимал должность генерала для поручений при командующем 10-й армией (с 1 (14) января по 15 (28) апреля 1917), в газете вышел ряд статей, подписанных литерой «М» (например: М. Отступление или добровольный отход? // Армейский вестник, издаваемый при штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. № 472. 1 марта 1917. С. 3–4; М. Методизм действий как следствие новых форм войны // Армейский вестник… № 474. 3 марта 1917. С. 3–4; М. Наша присяга // Армейский вестник… № 482. 12 марта 1917. С. 2 и др.). Возможное авторство этих материалов за Марковым нуждается в дополнительном уточнении. Периодичность публикаций (1916–1917) говорит о постоянной работе обозревателя в газете, однако работа Маркова в таком качестве была бы крайне затруднена ввиду его службы на разных фронтах и преподавательской работе в Академии Генерального штаба. В то же время постоянный подробный анализ автором, скрывавшимся за подписью «М» ситуации на Русском и Западном фронтах Первой мировой войны, говорит об авторе как об офицере Генерального штаба, имевшем немалый багаж знаний по тактике и военной географии.

[2] В данном случае речь идет о части пассажирской платформы железнодорожного вокзала.

[3] Вероятно, Марков писал об обсуждении, состоявшемся на «Общем собрания пекарей города Петрограда», о котором сообщалось: «Ряд ораторов, характеризуя войну, указывали ее причины и цели и говорили о мире, которого ждет весь мир, но между ними не было полного согласия. Один говорил о мире во что бы то ни стало, а другие — о мире на условиях разоружения и устранения всякий компенсаций и контрибуций…» (Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. № 8. 7 марта 1917. С. 5).

[4] Поводом для отправки С.Л. Маркова в Брянск стали волнения в гарнизоне города, начавшиеся с началом Февральской революции. Уже 5 (18) марта 1917 в Брянске образовался Совет военных депутатов, представлявший 40-тысячный воинский гарнизон уезда. Утром 7 (20) марта солдаты Брянского гарнизона вышли на улицы города. Командный состав Брянского гарнизона, попытавшийся сохранить власть в своих руках был арестован. 9 (22) марта солдаты гарнизона узнали об освобождении из-под стражи начальника гарнизона и начальника 23-й запасной пехотной бригады генерал-майора П.Н. Сивицкого и арестованных накануне офицеров. Среди войск и рабочих Брянска начались волнения. В Совет военных депутатов прибыли представители Брянского совета рабочих депутатов и делегаты от войск гарнизона, потребовавшие ареста генерала Сивицкого и других освобожденных офицеров. Несмотря на распоряжение Совета военных депутатов о повторном аресте офицеров, волнения продолжались несколько дней. Выехавший 12 (25) марта из штаба 10-й армии генерал Марков, по всей видимости, уже на следующий день прибыл в Брянск, где принял участие в работе Брянского совета военных депутатов. Благодаря его усилиям, арестованные офицеры решением Совета были отправлены в Минск.

12 (25) марта.

Еду вместе с Большаковым[1], он член Петербургского[2] совета рабочих и солдатских депутатов. [...][3]

18 (31) марта...

Приняли все радушно [по возвращении в штаб 10-й армии], я, оказывается, уже выбран почти единогласно в наш офицерский комитет...

19 марта (1 апреля)...

Организуем офицерско-солдатский комитет штаба 10-й армии и местного гарнизона. После обеда первое собрание, в которое я попал в число шести единогласно[4]... [...][5]

24 марта (6 апреля)...

Приезд полковника [А. И.] Кабалова[6], которому вместе с князем [Д. А.] Крапоткиным[7] было выражено недоверие 133-й [пехотной] дивизией... Возвращение членов [Государственной] думы с позиций к нам[8]. Отказ двух эшелонов 445-го [пехотного Темниковского] полка ехать на позицию: «Воевать хотим, а на позицию не желаем, дайте отдых месяц-два». До двух часов ночи уговаривал и разговаривал...

26 марта (8 апреля).

События во 2-м Кавказском [армейском] корпусе, отказ 2-й Кавказской гренадерской дивизии стать на позицию, смещение [генерала от артиллерии С. Б.] Мех-

[1] Вероятно, речь идет о социалисте-революционере Михаиле Григорьевиче Большакове, или социал-демократе (меньшевике) Михаиле Александровиче Большакове — в 1917 членах Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

[2] Речь идет о Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов, в записи Марков производит его название от предыдущего названия столицы.

[3] В этом месте Деникин прерывает дневник Маркова и сам пересказывает поездку Маркова в Брянск: «В Брянске вспыхнул военный бунт среди многочисленного гарнизона, сопровождавшийся погромами и арестами офицеров. Настроение в городе было крайне возбужденное. Марков неоднократно выступал в многочисленном Совете военных депутатов, и после бурных, страстных и иногда крайне острых прений ему удалось достигнуть постановления о восстановлении дисциплины и освобождении 20 арестованных. Однако после полуночи несколько вооруженных рот двинулись на вокзал для расправы с Марковым, Большаковым и арестованными. Толпа бесновалась. Положение грозило гибелью. Но находчивость Маркова спасла всех. Он, стараясь перекричать гул толпы, обратился к ней с горячим словом. Сорвалась такая фраза:

— …Если тут был кто-нибудь из моих железных стрелков, он сказал бы вам, кто такой генерал Марков!

— Я служил в 13-м полку, — отозвался какой-то солдат из толпы.

— Ты?!

Марков с силой оттолкнул нескольких окружавших его людей, быстро подошел к солдату и схватил его за ворот шинели.

— Ты? Ну так коли! Неприятельская пуля пощадила в боях, так пусть покончит со мной рука моего стрелка…

Толпа заволновалась еще больше, но уже от восторга. И Марков с арестованными при бурных криках “ура” и аплодисментах толпы уехал в Минск» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917) / науч. ред., предисл. А. С. Пученкова. М., 2017. С. 210).

[4] Первое заседание Совета солдатско-офицерских депутатов штаба 10-й армии и местного гарнизона состоялось 19 марта (1 апреля). Вошедший в него Марков активно участвовал в его работе, внося в повестку обсуждения вопросов, направленных на укрепление дисциплины (см.: Вестник X армии. № 837. 3 апреля 1917. С. 1).

[5] Прерывая цитирование дневника Маркова Деникин указывает: «Далее говорится о непрестанной работе во всяких советах и комитетах» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 211).

[6] Кабалов Александр Иванович (1876—?), генерал-майор (1917); с ноября 1916 — начальник штаба 133-й пехотной дивизии; с сентября 1917 — начальник штаба 7-го Сибирского армейского корпуса.

[7] Крапоткин Дмитрий Алексеевич (1867—?), князь, генерал-майор (1913); с ноября 1916 — командующий 133-й пехотной дивизией; отстранен солдатами от командования дивизий; с апреля 1917 — в резерве чинов штаба Минского военного округа.

[8] Речь идет о посещении в марте 1917 позиций Западного фронта депутатами Государственной думы, членами Конституционно-демократической партии Н.Н. Щепкиным, Ф.Д. Филоненко и Н.О. Янушкевичем.

мандарова[1], начальника [2-й Кавказской гренадерской] дивизии [генерал-майора К. В. Никольского[2]], и его на[чальника] шта[ба] див[изии][3].

30 марта (12 апреля).

Спокойное плодотворное заседание армейского съезда[4] до глубокой ночи. В перерыве до обеда я собрал лишь председателей всех наших комитетов, и мы выслушали доклад офицеров, приехавших или бежавших из частей 2-й Кавказской гренадерской дивизии. Возмутительная история, вера колеблется, это начало разложения армии.

31 марта (13 апреля).

Вместо Минска, куда меня приглашали на митинг в качестве оратора, поехал по приказанию командарма во 2-й Кавказский корпус. Видел [В. О.] Бенескула[5], принявшего управление корпусом из рук прапорщика [А. И.] Ремнева[6]. Затем отправился в Залесье, где был собран корпусной комитет 2-го Кавказского корпуса... Получил от него полное осуждение роли Ремнева и 2-й Кавказской гренадерской дивизии... Ушел при криках овации по моему адресу...

2 (15) апреля.

Утром узнал о самоубийстве генерала Бенескула. Днем [подполковник] Головинский сказал мне, что офицеры штаба 2-го Кавказского корпуса обвиняют меня в этом и что они решили написать три письма одинакового содержания генералу Мехмандарову, мне и госпоже Бенескул, давая последней право напечатать письмо в газетах. Мне в первый раз в жизни сказали, что я убийца. Не выдержал, сделалось дурно, самосознание говорит, что я виновен. Не надо было говорить Бенескулу о некорректности его принятия корпуса из рук прапорщика Ремнева. Я должен был знать его слабость духа, воли, его мягкость. Вечером собрались все наши комитеты и многочисленная публика; я пришел, и, заявив, что я убийца, просил судить меня. Через несколько времени за мной прибежали офицеры и солдаты с просьбой выслушать их постановление. Мое появление, чтение постановления, в котором говорилось, что я поступил как честный солдат и генерал, и мой уход — сплошная овация всего собрания. И все же это великий урок на будущее.

3 (16) апреля.

Продолжаю чувствовать физическую слабость и моральную подавленность...

[1] Мехмандаров Самед Бек Садык Бек (1855–1931), генерал от артиллерии (1915); с декабря 1914 — командир 2-го Кавказского армейского корпуса; в марте 1917 отстранен солдатами от командования корпусом, затем отчислен в резерв чинов при штабе Минского военного округа.

[2] Никольский Константин Владимирович (1869—?), генерал-майор (1915); с февраля 1917 — командующий 176-й пехотной дивизией; с 12 (26 марта) 1917 — командующий 2-й Кавказской гренадерской дивизией; отрешен солдатами от командования; с апреля — в резерве чинов при штабе Киевского военного округа.

[3] Вероятно, речь идет о Сергее Николаевиче Войцеховском (1883–1951), генерал-майоре (1919); с января 1917 — начальнике штаба 176-й пехотной дивизии (переименована во 2-ю Кавказскую гренадерскую дивизию); с апреля — исполняющем должность начальника штаба 126-й пехотной дивизии.

[4] Результатом заседания армейского съезда стала публикация в «Вестнике X армии» воззвания «Офицеры и солдаты!», подписанного в числе прочих и Марковым (Офицеры и солдаты! // Вестник X армии. № 834. 31 марта 1917. С. 1).

[5] Речь идет о генерале-лейтенанте Владимире Онуфриевиче Бенескуле (1863–1917); с декабря 1914 — командующий (позднее утвержден в должности) 51-й пехотной дивизией; 28 марта (10 апреля) 1917 толпа революционных солдат во главе с прапорщиком А. И. Ремневым арестовала и сместила с должности командира 2-го Кавказского армейского корпуса генерала от артиллерии С. Б. Мехмандарова, выбрав на эту должность Бенескула. Марков выступил с резкой критикой действий Бенескула, принявшего новую должность из рук революционных солдат. Не выдержав критики Маркова, под давлением ситуации Бенескул 2 (15) апреля покончил с собой.

[6] Ремнев Афанасий Иосифович (1890–1919); к началу 1917 — прапорщик 25-го гренадерского Сурамского полка (до января 1917 — 703-й пехотный полк), активный участник революционных событий в армии.

10 (23) апреля.

Утром подал заявление в оба комитета о своем отказе. Устал я, да, вероятно, скоро, наконец, получу назначение[1].

13 (26) апреля.

Я верю, что все будет хорошо, но боюсь — какой ценой? Мало говорить — война до победного конца, но надо и хотеть этого...[2]

[...]

27 [августа (9 сентября)].

День спокойный, под вечер телеграмма[3] [генерала от инфантерии Л. Г.] Корнилова и бессонная ночь.

28 [августа (10 сентября)].

Тревожный день, стараемся избежать крови. Почетный арест[4], какие уж тут работы.

29 [августа (11 сентября)].

В 5½ (17½) ввергнуты в узилище; нас рассматривают как зверей. Иногда слышишь нелепую, глупую брань, иногда наблюдаешь смущение и даже услужливость. Был [В. А.] Костицын[5] и заявил, что комиссар[6] приказал не лишать нас физических

[1] 15 (28) апреля 1917 С. Л. Марков был назначен командующим 10-й пехотной дивизией 5-го армейского корпуса, воевавшего в составе армий Юго-Западного фронта.

[2] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 98–101.

[3] Утром 27 августа министр-председатель Временного правительства Керенский отправил в Ставку телеграмму, смещавшую Корнилова с должности Верховного главнокомандующего. В тот же день Керенский подписал ряд воззваний к народу, армии, железнодорожникам, советам и др., в которых назвал Корнилова «изменником Родины и революции» и «мятежником». Оскорбленный и ошеломленный действиями Керенского главковерх отказался подчиняться распоряжениям Керенского, назвав их «великой провокацией». Вероятно, Марков говорит о воззваниях Корнилова «Обращение к народу», «Воззвание к казакам» и другим документам, в которых 28 августа (10 сентября) он заявлял о своем неподчинении приказу Керенского об уходе с поста Верховного главнокомандующего. Корнилов заявил, что Временное правительство «под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба и, единовременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну изнутри» (Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 556).

[4] Согласно «Сообщению Исполнительного комитета Юго-Западного фронта о событиях дня» от 31 августа (13 сентября), «изменившие Временному правительству — главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал [А. И.] Деникин, его начальник штаба генерал [С. Л.] Марков, главный начальник снабжений генерал [Е. Ф.] Эльснер, командующие: 1-й армией генерал [Г. М.] Ванновский и Особой армией генерал [И. Г.] Эрдели арестованы, предаются суду и замещены начальниками, верными Временному правительству. Исполняющим обязанности главнокомандующего Юго-Западным фронтом назначен генерал-лейтенант [Ф. Е.] Огородников. В армиях Юго-Западного фронта полное спокойствие и порядок. Комиссары и комитеты работают в полном единении с командным составом». Дополнительно в сообщении «Ликвидация заговора в штабе Юго-Западного фронта» сообщалось о том, что «в связи с ликвидацией заговора… арестован ротмистр князь [С. А.] Кропоткин, непосредственно принимавший участие во всем затеянном генералом Деникиным. Из действующей армии доставлен сюда командующий 1-й армией генерал Ванновский, присоединившийся к Корнилову и арестованный комитетом» (Армейский вестник. Под редакцией Исполнительного комитета Юго-Западного фронта. № 615. 31 августа 1917. С. 2).

[5] Костицын Владимир Александрович (1883–1963), общественный и политический деятель, математик и астрофизик; член РСДРП (с 1904); с августа 1917 — заместитель комиссара Юго-Западного фронта Н. И. Иорданского; участник подавления Корниловского выступления на Юго-Западного фронте, аресте его участников и следствия; организовывал перевод арестованных генералов из Бердичева в Быхов. В автобиографии, предваряющей его воспоминания, В. А. Костицын оставил очень лаконичное описание своего участия в аресте чинов штаба Юго-Западного фронта: «В конце августа произошло выступление ген[ерала] Корнилова, к которому присоединился Деникин. Я арестовал ген[ералов] Деникина, Маркова и других; по армиям были арестованы все командующие и их начальники штабов; авторитет командования был совершенно разрушен, и, начиная с этого момента, фронт не существовал» (Костицын В. А. «Мое утраченное счастье…»: Воспоминания, дневники. Т. 1 / вступ. ст., подгот. текста, коммент. В. Л. Гениса. М., 2017. С. 64).

[6] Имеется в виду комиссар Юго-Западного фронта Николай Иванович Иорданский (1876–1928), общественный и политический деятель, журналист, дипломат; член РСДРП, меньшевик; в 1917 — комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте; отдал приказ об аресте Деникина, Маркова и других генералов и офицеров штаба Юго-Западного фронта.

удобств и велел сказать, что мы будем переданы суду, а пока должны быть спокойны, самоуправство с нами не будет допущено. Мне грустно за Мих[аила] Ив[ановича][1], ему тяжело с одной рукой, и в чем он виноват? Поздно вечером принесли кое-какие вещи и ужин. Перед этим эпизод с солдатами; шинель дали, а после стыдно стало хорошего порыва — отобрали. Милому Б. Г.[2] передал деньги для моей Мухи[3] и детей[4]. Чем они будут существовать? Но на все Божья воля. Я до конца понесу свой крест и пойду по своему пути.

30 авг[уста (12 сентября)].

Ночь прошла сносно. Вечером долго галдели наши тюремщики. В 10-м часу мне принесли благожелательно чай, сахар, хлеб. Затем думы, думы без конца. Разнообразны отрывочные фразы всех фланирующих в нашем коридоре. Утром слышали чтение вслух газеты, вероятно [«]Арм[ейского] вестн[ика»]. Мне показалось, что в нем перечислялись мои вины. Как просто сделаться преступником, для этого только надо любить Родину. Ну да Бог с ними. Временами к нам в отверстие заглядывают любопытные солдаты и пускают площадную ругань. Все это тупо, и жаль мне их. Должен сказать, что не все так поступают, есть и обратные, слышал и такую фразу: «Видать, что хороший человек». Обед принесли в 4½ дня, кипятку больше не добьюсь. Злая ирония, впервые в моей жизни, когда, наконец, Россия стала свободной, я лишился свободы. Думаю обо всем, не допускаю лишь мысли о моих близких, тяжело о них думать, на какие средства они будут жить, бедные дети, мама, моя Мира. Около 6-ти часов сменился караул. Заступили какие-то, по-видимому, юнкера. На юнкерских погонах буквы И Ш[5] и, по-видимому, собираются нести службу и хорошо, и прилично. До 11 караул юнкеров еще раз сменился. Мне вторично обещали чай и вторично ничего не дали, хотя, по-видимому, желание дать было.

31 авг[уста (13 сентября)].

Итак, наше питание. 29[-го] в двенадцатом часу ночи принесли судок, в [нем] цыпленков, блинчики, огурец; вилок, ножей не полагается. 30-го в 4½ обед приличный, тарелка и вилка, нож давать нам опасно. Чай — редкость, за эти 40 часов дали один раз, вчера (30-го) утром. Но все это пустяки в сравнении с неизвестностью, что делается кругом, вошло ли в норму все, кто же верховный[6], ведь так армия жить не может. Волнение на Лысой горе 28-го вызвано провокацией[7] — будто мы желаем восстановить Николая II. Нашли, кого в этом обвинять. Я совершенно не скрываю и никогда не скрывал своих взглядов и симпатий, их все знали и не только терпели, но повышали, и даже в 39 лет от роду дали генерал-лейтенанта чин. А теперь попали на положение политических преступников. Да, Родину надо любить по трафарету Совдепов. 3-го августа мы приехали в Бердичев и 26 дней у власти. Я писал Керенскому 15 (28) июля[1], перед совещанием в Ставке[2], что трудно теперь честному человеку служить в больной армии, и думал, что он меня удалит, а он поблагодарил и оставил. Зачем? Ведь он не мог не понять, что люди, подобные мне, не приложат своей руки к дальнейшему развалу армии, идущей по пути развития учреждений, явно чуждых военному укладу и сущности нашего дела. Я ведь пробовал работать и в этих организациях, и лично убедился в их нежизненности[3]. Раз допущенные, они не могли быть теперь совершенно уничтожены, но развитие их — наша гибель. Бедная Родина и армия, хотел бы я ошибаться, но думаю, что я прав. Сейчас в окно слышу крики «ура» и песни, это, вероятно, новый глав[но]ко[мандующий] Ю[го-]З[ападным фронтом Ф.Е. Огородников[4]] знакомится с частями. Да, в Бердичеве, вне сферы боевых действий, можно наладить внешним образом части, ну, а в бою?!. Сейчас около 10 час. 45 мин., у меня был генер[ал С. А.] Батог[5] и к[омиссар] Костицын. Ген[ерал] Батог объявил мне, что я обвиняюсь по делу участия в вооруженном мятеже и что буду предан военно-революционному суду. Итак, наступает конец, чего? На мой взгляд, лишь честного, прямого отношения к делу. Я ничего не подготовлял, я принимал лишь меры, чтобы войска фронта не открыли таковой под влиянием различных слухов, я считал возможным хаос в тылу и не мог допустить его на фронте.

[1] Речь идет о генерал-майоре (1916) Михаиле Ивановиче Орлове (1875 — ?); с июня 1917 — генерал-квартирмейстер штаба Западного, с июля — Юго-Западного фронтов. Во время Корниловского выступления отчислен от должности и арестован; освобожден в ноябре 1917.

[2] Имеется в виду Борис Григорьевич Шкиль (1892–1936), полковник (1920); в 1916 — в 13-м стрелковом полку (с января по апрель служил под командованием генерала Маркова); к августу 1917 — штабс-капитан, адъютант штаба Юго-Западного фронта; в конце войны — командир батальона 22-го стрелкового полка, позднее в штабе Западного фронта.

[3] Муха, Мушка, Мира — жена С.Л. Маркова, урожденная княжна Марианна Павловна Путятина (1884–1972).

[4] Леонид Сергеевич Марков (1907–1977) и Марианна Сергеевна Чебыкина (Маркова) (1909–1993).

[5] Вероятно, речь идет о погонах юнкеров 1-й или 2-й Житомирской школы прапорщиков, несших попеременно охрану арестованных.

[6] Для арестованных генералов одним из важнейших вопросов был вопрос преемника Корнилова на высшем посту в действующей армии. С 30 августа (12 сентября) по 9 (22) ноября Верховным главнокомандующим русской армии был министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский.

[7] Очевидно Марков пишет о давлении, оказываемом солдатами гарнизона Бердичева и чинами частей штаба Юго-Западного фронта на охрану заключенных. Вопрос о переводе Деникина и Маркова из Бердичева в Быхов был чрезвычайно острым для Юго-Западного фронта. Солдатские массы, подготовленные к скорому военно-революционному суду заявлениями комиссара и Исполнительного комитета Юго-Западного фронта, требовали суда и опасались того, что заключенные генералы окажутся без должного наказания.

[1] Речь идет о письме, которое Марков, находившийся в должности начальника штаба главкома армиями Западного фронта, отправил 15 (28) июля 1917 министру-председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому. В нем он призывал Керенского «спасать не революцию, а Россию» и указывал, что «революция сделана, старое свергнуто, Россия же гибнет». Документ, ранее известный лишь в небольших выдержках, приводимых Деникиным в «Очерках русской смуты» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 433, 485), впервые опубликован А.В. Ганиным (см.: Ганин А. «Всей душой не желаю моей Родине возвращения кошмарного старого»… // Родина. 2016. № 12. С. 107–109).

[2] 16 (29) июля 1917 в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве состоялось совещание высшего военного руководства с членами Временного правительства. В его работе приняли участие министр-председатель, военный и морской министр А.Ф. Керенский, министр иностранных дел М.И. Терещенко, Верховный главнокомандующий генерал от кавалерии А.А. Брусилов, начальник штаба главковерха генерал-лейтенант А.С. Лукомский, находившийся в распоряжении Временного правительства генерал от инфантерии М.В. Алексеев, главнокомандующие армиями Северного фронта генерал от инфантерии В.Н. Клембовский, Западного — генерал-лейтенант А.И. Деникин, его начальник штаба генерал-майор С.Л. Марков, начальник Генерального штаба генерал-майор Г.Д. Романовский и др. Главными задачами совещания было выяснение действительного состояния действующей армии, последствий неудачного июльского наступления и выработка военной политики на перспективу. Участвовавший в совещании генералитет выступил за укрепление дисциплины и власти в армии, а также сохранение роли офицерского корпуса, призвав к ликвидации солдатских организаций. Предложения не вызвали возражения у принявших в работе совещания членов Временного правительства. 19 июля (1 августа) 1917 постановлением Временного правительства на пост главковерха был назначен генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов.

[3] Имеются в виду войсковые комитеты. Здесь следует отметить, что Маркова и др. арестовал Военно-революционный комитет Исполнительного комитета Юго-Западного фронта.

[4] Огородников Федор Евлампиевич (1867–1939), генерал-лейтенант (1916); с апреля 1917 — командир 17-го армейского корпуса; в июле 1917 отчислен от должности, зачислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа; после Корниловского выступления и ареста высшего командования армий Юго-Западного фронта 29 августа (11 сентября) назначен главкомом фронта; под его руководством происходило очищении армий фронта от сторонников генерала Корнилова. Снят с должности 9 (22) сентября (за время его командования контроль над войсками был почти утрачен).

[5] Батог Сергей Александрович (1863—?), генерал-лейтенант (1916); с июля 1916 — заведующий военно-судной частью Юго-Западного фронта; полевой прокурор; после Корниловского выступления вошел в состав следственной комиссии Юго-Западного фронта, назначенную по делу соучастников Корнилова. Деникин писал о Батоге: «Прокурор Батог — друг революционной демократии. Как странно, реакционер и крепостник. Славившийся жестокостью своих приговоров» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 568).

23 сент[ября (6 октября)].

Я давно не писал, а вот уже 25-й день сижу за решеткой на Лысой горе Бердичева[1]. Вчера, 22-го, нам наконец разрешили и дали газеты. До сих пор читал их тайно, урывками, теперь делаю это явно. «Киевская мысль» полна «демок[ратического] совещ[ания]»[2], и телегр[амм] об анархии по всей России. Конечно, всякая прочная коалиция провалилась, и несчастная Россия, переживя еще 2–3 месяца полной анархии, вернется к разбитому корыту. Власти нет, даже мираж ее испарился — голод, холод, дороговизна, обесценивание денег — вот к[онтр]р[еволюция]. Революционная демократия показала полную свою несостоятельность. Я не знаю, но мне кажется, что судьба еще милостива ко мне, засадив меня за решетку, иначе на свободе я бы извелся, наблюдая развал кругом, теперь хоть вынужденная пассивность и бездействие. 22-го же милый и грустный эпизод с П-г — это слезы мальчика и его желание хоть чем-нибудь выразить нам свое сочувствие. Был Р., он идет в батарею через Киев и Одессу, не торопясь, они вообще решили выждать лучших дней и твердо убеждены, что таковые придут. Да ведь это лишь нам и остается, нельзя же думать, что Россия погибнет и, оставшись, она силой неизбежности должна встать на иной путь.

Сегодня, 23-го [сентября], выпустили наконец кн[язя] С. Ал. Кропоткина[3], держали бедного старика 24 дня, еще 6-го [сентября ему] объявили, что он свободен и лишь теперь увезли при помощи Костицына. Только что дали [«]Гол[ос] фронта[»], ничего интересного, все уже читал в [«]Киевск[ой] мысл[и»] вчера. В 9-м часу вечера принесли [«]Р[усское] слово[»], [«]Речь[»], [«]Нов[ое] время[»] — ну и хаос же повсюду, анархия полная, жел[езно]дор[ожные] забастовки, центрофлот[4] и т. д. — разве это не мятеж, хуже — это измена, но их не засадят, ибо это свой брат.

24 [сентября (7 октября)].

Дождь. Разговаривать нельзя по уставу. Хоть бы не упоминали об уставе — выходит и жалко, и глупо. Шкиль приехал из Киева еще вчера, авось сегодня зайдет. Фу как все надоело. Сделали из нас преступников и судить никак не раскачаются. Конечно, в Бердичеве лучше, чем в Свеаборге, но это еще не утешение. 26 дней за решеткой не так просто, особенно, если учесть, что это первое в жизни лишение свободы физической, теперь я буду знать, что такое Свобода в свободной России.

25 [сентября (8 октября)].

Первый раз встречаю день своего ангела[5] за решеткой. Был Костицын, как всегда в эти дни, очень любезный, поговорил с ним на разные темы, политические и о нас. Право, я начинаю думать, что все это окончится призывом врагов к власти, то есть нас. Дело будут оттягивать с судом, ибо, по-видимому, разглашать многое не пожелают и, в конце концов, убедятся, что дай Бог побольше России таких к[онтр]-р[еволюционеров], как мы. Был Малинин[1], милые мальчики трогательно заботятся о нас. Шкиля вызвали в Житомир, он поэтому не был у меня, но все же прислал с Григорием прекрасный яблочный пирог. Не каждому арестованному в день ангела присылают сладкие пироги. По словам Малинина, нас везут завтра в Быхов. О режиме там разные слухи по газетам, но суд будет, конечно, более неприятный. Забавно читать много газет, особенно мила крокодильская «Нов[ая] жизнь»[2]. Костицын тоже объявил, что 26-го или 27-го нас увезут. Шкиль в Киеве видел наших дам и говорит, что они сравнительно спокойны, но зато не дают дышать нашим будущим защитникам, в частности Лещу. Решили начать изучать языки, вышлют за границу[3] — пригодится. Сегодня у нас милый режим, а вчера юнкера все стремились жить по уставу, но, думаю, что последние надолго не будут иметь права гражданства[4]. В отдел с командармами сел, по-видимому, провокатор, сообщающий разные новости[5]. От жены последнего [числа] я получил банку земляничного варенья. Вечером доклад [И. В.] Никанорова[6] о Соборе[7] и духовенстве.

26 [сентября (9 октября)].

Встал, как всегда, в 8¾. Утро у нас относительно свободное, если не очень рьяный караул, т. е. дверь открывают на все время уборки и умывания и даже чаепития. Часов от 10½ до 11½ мы гуляем, иногда и больше. Сегодня впервые за 28 дней мне почистил сапоги один из австрийцев. Нас обслуживают два постоянных австрийца, убирают камеру и помогают мыться. Кроме австрийцев нашим метрдотелем служит солдат, бывший финляндский стр[елок][8], — очень добрый и заботливый человек. В первые дни и ему туго приходилось, товарищи не давали проходу, теперь ничего, поуспокоились. Заботы его о нашем питании прямо трогательны, а новости умилительны по наивности. Вчера он заявил мне, что будет скучать, когда нас увезут в Быхов. Я его успокоил тем, что скоро на наше место посадят новых генералов, ведь еще не всех извели[9]. Заходил Шкиль, дал ему рекомендательное письмо

[1] Ныне микрорайон Красная гора в Бердичеве.

[2] Всероссийское демократическое совещание проходило в Петрограде 14–22 сентября (27 сентября — 5 октября) 1917. В совещании приняли участие представители политических партий и общественных организаций; итогом его работы было создание Предпарламента.

[3] Речь идет о князе, штабс-ротмистре Сергее Алексеевиче Кропоткине (1853–1931), на момент Корниловского выступления — коменданте поезда главкома Юго-Западного фронта; находился под арестом в Бердичеве за причастность к выступлению с 31 августа (13 сентября) по 23 октября (5 ноября) 1917. По признанию Деникина, Кропоткин «совершенно не был посвящен в события»; ко времени ареста ему было 64 года.

[4] Центрофлот (Центральный исполнительный комитет военного флота) — созданный в июне 1917 в ходе «демократизации» армии и флота коллегиальный орган управления военным флотом.

[5] 25 сентября (8 октября) — день преставления преподобного Сергия Радонежского, небесного покровителя С.Л. Маркова.

[1] Вероятно, речь идет о штабс-капитане Григории Афанасьевиче Малинине (1892—?), однополчанине Б.Г. Шкиля по 12-му гренадерскому Астраханскому полку; в 1917 — летчик-наблюдатель 4-го армейского воздухоплавательного отряда.

[2] «Новая жизнь» — ежедневная общественно-литературная газета, выходившая в Петрограде с 18 апреля (1 мая) 1917 по 3 (16) июля 1918; авторами и сотрудниками газеты были преимущественное социал-демократы (меньшевики).

[3] По всей видимости, Марков считал вероятной свою высылку за границу. К этому времени уже был прецедент выдворения за границу одного из наиболее известных военачальников русской армии Первой мировой войны. После двух арестов Временное правительство выслало за рубеж генерала от кавалерии В.И. Гурко, в сентябре покинувшего Россию через Архангельск.

[4] Марков подразумевает ту непопулярную роль по охране арестованных, которую несли юнкера и отношение к ним со стороны солдатских масс и органов революционной демократии.

[5] По всей видимости, речь идет о подселении провокатора в камеру, в которой находились отстраненные от командования армиями генералы Г.М. Ванновский и И.Г. Эрдели.

[6] Никаноров Иоасаф (Иосиф) Всеволодович (1873–1939), гласный Петербургской городской думы, член Петербургской городской управы; в 1917 — заведующий отделом печати Георгиевского комитета.

[7] Речь идет о Поместном соборе (Всероссийском поместном соборе) Русской православной церкви, первая сессия которого открылась 15 (28) августа и закончила свою работу в декабре 1917.

[8] Чин 14-го стрелкового Финляндского полка.

[9] Деникин использовал лишь часть дневниковых записей Маркова за лето — осень 1917. Отрывок был опубликован им в следующем виде: «В случайных заметках Маркова есть такие строки: "Нас обслуживают два пленных австрийца… Кроме них нашим метрдотелем служит солдат, бывший финляндский стрелок (русский) — очень добрый и заботливый человек. В первые дни и ему туго приходилось — товарищи не давали прохода; теперь ничего, поуспокоились. Заботы его о нашем питании прямо трогательны, а новости умилительны по наивности. Вчера он заявил мне, что будет скучать, когда нас увезут… Я его успокоил тем, что скоро на наше место посадят новых генералов, ведь еще не всех извели…"» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 562).

к [В. Н.] Минуту[1], авось он его пристроит у себя. Снабюзом[2], кажется, назначается [М. Ф.] Квецинский[3]. Был опять Костицын, говорит, что нас везут завтра, 27-го, в 5 часов дня. [«]Нов[ая] жизнь[»] обмолвилась тем, что, возможно, суда не будет — похоже, что так или, во всяком случае, нескоро. Я не хочу знать, что будет со мною лично; но как бы мне хотелось знать, что станется с Россией. [Г. М.] Ванн[овский][4] смотрит на дело мрачно — Росс[ия] погибла.

27 [сентября (10 сентября)].

Ночью 1[-я Житомирская] школа [прапорщиков] сменилась 2-й. Утром нас водили в баню. Повезут ли нас сегодня, как обещали, и что из этого выйдет?!! Вряд ли товарищи удержатся от диких выпадов, да и далеко не всем приятен наш суд не в Бердичеве. В 7 час. 30 мин. вечера нас повели на вокзал — пять верст пути на Голгофу. Мытарства на станции, пересадка из вагона в вагон. Уехали в товарном вагоне[5].

[1] Минут Виктор Николаевич (1868–1934), генерал-лейтенант (1915); после февраля 1917 — начальник Главного штаба; в мае оставил пост, зачислен в распоряжение военного министра; в том же месяце назначен дежурным генералом при Верховном главнокомандующем; с июня — главный начальник Минского военного округа; с июля — главный начальник военных снабжений армий Западного фронта.

[2] Начальником снабжений армий Юго-Западного фронта.

[3] Указанное Марковым назначение не состоялось. Генерал-лейтенант Михаил Федорович Квецинский (1866–1923), будучи командующим 3-й армией, после неудачного июньского наступления предпринял ряд мер по пресечению революционной пропаганды в армии. По его приказу был расформирован 693-й пехотный Слуцкий полк, отказавшийся выдать агитаторов-большевиков. К описываемым событиям, с 11 (24) августа 1917, по представлению главкома Юго-Западного фронта генерала Деникина он находился в резерве чинов при штабе Киевского военного округа.

[4] Ванновский Глеб Михайлович (1862–1943), генерал-лейтенант (1915); с 31 июля (13 августа) 1917 — командующий 1-й армией; арестован за поддержку выступления генерала Корнилова.

[5] Генерал Деникин оставил подробное расписание пути от гауптвахты до вокзала Бердичева: «С утра комиссариат устроил объезд всех частей гарнизона, чтобы получить согласие на наш перевод. Распоряжением комитета был назначен митинг всего гарнизона на 2 часа дня, т. е. за три часа до нашего отправления и притом на поляне, непосредственно возле нашей тюрьмы. Грандиозный митинг действительно состоялся; на нем представители комиссариата и фронтового комитета объявили распоряжение о нашем переводе в Быхов, предусмотрительно сообщили о часе отъезда и призывали гарнизон… к благоразумию; митинг затянулся надолго и, конечно, не расходился. К пяти часам тысячная возбужденная толпа окружила гауптвахту, и глухой ропот ее врывался внутрь здания. Среди офицеров юнкерского батальона 2-й Житомирской школы прапорщиков, несших в этот день караульную службу, был израненный в боях штабс-капитан [В. Э.] Бетлинг, служивший до войны в 17-м пехотном Архангелогородском полку, которым я командовал. Бетлинг попросил начальство школы заменить своей полуротой команду, назначенную для сопровождения арестованных на вокзал. Мы все оделись и вышли в коридор. Ждали. Час, два… Митинг продолжался. Многочисленные ораторы призывали к немедленному самосуду… Истерически кричал солдат, раненный поручиком [В. В.] Клецандо, и требовал его головы… С крыльца гауптвахты уговаривали толпу помощники комиссара [В. А.] Костицын и [Н. С.] Григорьев. Говорил и милый Бетлинг — несколько раз, горячо и страстно. О чем он говорил, нам не было слышно. Наконец, бледные взволнованные — Бетлинг и Костицын — пришли ко мне. “Как прикажете? Толпа дала слово не трогать никого; только потребовала, чтобы до вокзала вас вели пешком. Но ручаться ни за что нельзя”. Я ответил: “Пойдем”. Снял шапку, перекрестился: Господи благослови! Толпа неистовствовала. Мы — семь человек, окруженные кучкой юнкеров, во главе с Бетлингом, шедшим рядом со мной с обнаженной шашкой в руке, — вошли в тесный коридор среди живого человеческого моря, сдавившего нас со всех сторон. Впереди — Костицын и делегаты (12–15), выбранные от гарнизона для конвоирования нас. Надвигалась ночь. И в ее жуткой тьме, прорезываемой иногда лучами прожектора с броневика, двигалась обезумевшая толпа; она росла и катилась, как горящая лавина. Воздух наполняли оглушительный рев, истерические крики и смрадные ругательства. Временами их покрывал громкий тревожный голос Бетлинга: “Товарищи, слово дали!.. Товарищи, слово дали!..” Юнкера, славные юноши, сдавленные со всех сторон, своею грудью отстраняют напирающую толпу, сбивающую их жидкую цепь. Проходя по лужам, оставшимся от вчерашнего дождя, солдаты набирали полные горсти грязи и ею забрасывали нас. Лицо, глаза, уши заволокло зловонной липкой жижицей. Посыпались булыжники. Бедному калеке генералу Орлову разбили сильно лицо; получил удар Эрдели, и я — в спину и голову. По пути обмениваемся односложными замечаниями. Обращаюсь к Маркову: “Что, милый профессор, конец?!” — “По-видимому…” Пройти прямым путем к вокзалу толпа не позволила. Повели кружным путем, в общем верст пять, по главным улицам города. Толпа растет. Балконы бердичевских домов полны любопытными; женщины машут платками. Слышатся сверху веселые гортанные голоса: “Да здравствует свобода!” Вокзал залит светом. Там новая громадная толпа в несколько тысяч человек. И все слилось в общем море — бушующем, ревущем. С огромным трудом нас провели сквозь него под градом ненавистных взглядов и ругательств. Вагон. Рыдающий в истерике и посылающий толпе бессильные угрозы офицер — сын Эльснера — и любовно успокаивающий его солдат-денщик, отнимающий револьвер; онемевшие от ужаса две женщины — сестра и жена Клецандо, вздумавшие проводить его… Ждем час, другой. Поезд не пускают — потребовали арестантский вагон. Его на станции не оказалось. Угрожают расправиться с комиссарами. Костицына слегка помяли. Подали товарный вагон, весь загаженный конским пометом — какие пустяки! Переходим в него без помоста; несчастного Орлова с трудом подсаживают в вагон; сотни рук сквозь плотную и стойкую юнкерскую цепь тянутся к нам… Уже десять часов вечера… Паровоз рванул. Толпа загудела еще громче. Два выстрела. Поезд двинулся. Шум все глуше, тусклее огни. Прощай, Бердичев!» (Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 572–573).

28 [сентября (11 сентября)].

Еще ночью в Житомире нас пересадили в теплушку. С нами, кроме юнкеров, едут пом[ощник] комиссара [Юго-Западного фронта Н. С.] Григорьев и человек 12 делегатов от бердичевской сволочи[1]. Юнкера держат себя очень хорошо. Мальчики понимают, что ждет их, и видят, что мы представляем собою. Около 6–7 часов мы, наконец, в Быхове. Встреча родных и близких людей, нас ждали, о нас думали, заботились, любили заранее, многие — авансом. Режим Быхова и Бердичева. Корнилов и другие узники. Дамы. Кисляк[2]. Устроились [А. И.] Д[еникин], [И. П.] Р[омановский][3] и я в одной комнате. Телеграмма С. М. Луком[ского] в Киев, к нашим дамам[4]. [А. П.] Брагин[5], его стихи. Палата № 6[6]. [А. Ф.] Аладьин[7], [И. А.] Родионов[8], [С. Н.] Самарин[9].

29 [сентября (12 сентября)].

Наш переезд — сказка Шехерезады. Мы в раю. Встаем около 9 часов. В 10 часов — чай, прогулка у костела. Закуска перед обедом, в 4 часа — урок английского языка. Вечер, полный интереса, в палате № 6. Рассказы Родионова о [Г. Е.] Рас-

[1] Марков имеет ввиду делегатов от гарнизона города Бердичева и частей штаба Юго-Западного фронта, сопровождавших переезд арестованных в Быхов.

[2] Речь идет о Владимире Николаевиче Кислякове (1875–1919), генерал-майоре (1915), с начала 1917 — товарище министра путей сообщения на театре военных действий; арестован в связи с Корниловским выступлением, содержался в заключении в Быхове.

[3] Романовский Иван Павлович (1877–1920), генерал-майор (1916); с 10 (23) июня 1917 — первый генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем; арестован в связи с Корниловским выступлением, содержался в заключении в Быхове.

[4] Вероятно, речь о жене Маркова Марианне Павловне Марковой и невесте Деникина Ксении Васильевне Чиж.

[5] Брагин Александр Павлович, капитан, заведующий типографией Штаба главковерха; участник Корниловского выступления, содержался в заключении в Быхове.

[6] Марков был помещен в камеру, имевшую порядковый № 6.

[7] Аладьин Алексей Федорович (1873–1927), общественный и политический деятель, журналист; член Первой Государственной думы; поддержал Корниловское выступление, арестован и заключен в Быховскую тюрьму.

[8] Родионов Иван Александрович (1866–1940), общественный и политический деятель, писатель и журналист; есаул, член Главного комитета Союза офицеров армии и флота; участник Корниловского выступления, содержался в заключении в Быхове.

[9] Речь идет о Сергее Николаевиче Самарине-Квашнине (1880–1937), летом — осенью 1917 — коменданте Ставки Верховного главнокомандующего. По воспоминаниям Деникина, к заключенным в Быховской тюрьме «…чаще других приезжали “по должности” комендант Ставки, полковник [С. Н.] Квашнин-Самарин… и командир Георгиевского батальона, полковник Тимановский… Оба они были глубоко преданы и корниловскому делу, и лично нам и выдерживали яростный напор со стороны могилевских советов, которым не давала покою Быховская тюрьма. Квашнин-Самарин парировал нападки советов необыкновенным хладнокровием и тонкой иронией; Тимановский терпел, мучился и ждал только дня нашего освобождения, чтобы освободиться самому от нестерпимой жизни в развращенной среде георгиевских солдат» (Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова (август 1917 г. — апрель 1918 г.) / науч. ред. А. С. Пученков. М., 2017. С. 88).

путине[1], Иллиодоре[2] и Гермогене[3]. Добавление Никанорова. Немного мистики Аладьина. О, мечты о нашем будущем, Брагин — хиромант. Не успеваю читать газеты. Нет, жизнь хороша, и хороша во всех ее проявлениях[4].

30 [сентября (13 октября)].

На прогулку пришли дамы. 2-й урок английского языка — дьявольски трудно. Вечером опять в нашем клубе. Послушаю еще немного — стану умным; говорим о партиях вообще и партии центра в частности. Очень содержателен Никаноров.

1 [(14) октября].

Утро проходит на воздухе. Приехали из Ставки и передавали о выступлении [М. Д.] Бонча[–Бруевича][5] в Могилевском совете против нас. Торжество поляков в связи с памятью Костюшко[6], больно видеть созидание на нашем развале. Слухи о переводе в тюрьму. В 4 часа 3-й урок английского языка. После урока — чай с дамами. Вечером приехал полков[ник] Сергиевский[7] и заявил, что привез Миру, она будет завтра у меня. Вечером в № 6 Аладьин, Новосильцев и Никаноров о создании партии[8]; был и Корнилов.

2 (15) октября.

Приехали Муха с невестой А[нтона] И[вановича][9]. Вечером собрались вместе с Корниловым подумать о будущем. Нас усиленно посещают. Приехал Малинин, привез вещи. Можно ли нам поставить «точку»[?] Мне кажется, нет, иначе все движение приобретает характер авантюры. Помощь материальная тоже должна быть организована.

3 (16) октября.

Утро нормально. Мушка была до обеда и затем пришла к 3 часам. Наши заседают. Урока английского языка сегодня не было. Приезжали Самарин и Малинин, утром был пр[апорщик] Кузьминский (георг[иевский] кав[алер]). Плохие слухи о Тимановском[10]. Вечером говорили о взаимопомощи, и Брагин фантазировал о прошлом и будущем замка Сапеги[11] — наша тюрьма в Быхове[12]. По-видимому, в Могилев нас

[1] Распутин Григорий Ефимович (1869–1916), крестьянин села Покровское Тобольской губернии; широко известен как друг семьи последнего российского императора Николая II и его жены Александры Федоровны.
[2] Очевидно, речь идет о иеромонахе-расстриге Илиодоре (в миру — Сергее Михайловиче Труфанове (1880–1952).
[3] Вероятнее всего, речь идет о патриархе Московском и Всея Руси Гермогене (ок. 1530–1612), церковном общественном деятеле эпохи Смутного времени, нередко вспоминаемом в годы революции и Гражданской войны.
[4] Деникин привел в «Очерках русской смуты» лишь небольшую цитату из его дневника относящегося к этому времени: «Генерал Марков писал 29-го в своих летучих заметках: "…Нет, жизнь хороша. И хороша — во всех своих проявлениях!.."» (Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 87).
[5] Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956), генерал-майор (1914); во время Корниловского выступления — временно исполняющий обязанности главкома армиями Северного фронта; с 9 (22) сентября 1917 — в Ставке, в распоряжении начальника штаба главковерха; в октябре 1917 — начальник гарнизона Могилева.
[6] Вероятно, Марков пишет о праздновании очередной годовщины со дня смерти национального героя поляков Тадеуша Костюшко (1746–1817).
[7] По всей видимости, речь идет о генерал-майоре (1913) Дмитрии Дмитриевиче Сергиевском (1867–1920), ординарном профессоре геодезии Академии Генерального штаба, в 1917 — начальнике канцелярии главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта, позднее вновь профессоре академии.
[8] По инициативе А. Ф. Аладьина среди заключенных в Быховской тюрьме активно обсуждался вопрос создания «корниловской политической партии», не приведший к конкретным результатам.
[9] Речь идет о невесте А. И. Деникина К. В. Чиж.
[10] Марков пишет о своем сослуживце и друге полковнике Николае Степановиче Тимановском (1889–1919), в 1917 — командире Георгиевского батальона приданного Ставке главковерха; вероятно, в данном случае он имеет ввиду некие слухи, согласно которым Тимановский попал под влияние революционной демократии в армии.
[11] Быховский замок — дворцово-замковый ансамбль начала XVII в. на берегу Днепра в городе Быхов (построен в 1610–1619); в 1628 реконструирован литовским магнатом Львом Сапегой.
[12] Быховская тюрьма, в которой были заключены участники Корниловского выступления, представляла собой здание бывшей женской гимназии.

не повезут. Вопросы о самоограничении. Обидно, что вечером без чая. Денежный вопрос осложняется, нам пока ничего не дают.

4 [(17) октября].

[А. Ф.] Керенский[1] заявил [М. С.] Аджемову[2] и [В. Д.] Набокову[3], что суда не будет, мне это не улыбается, трудно будет существовать в России. Вчера вечером Кисляков и Жан[4] развивали свои взгляды на наше движение в прошлом и взгляды на будущее России. Газеты полны выдержками из показаний Корнилова. Вечером разговоры о газетной статье. Программа широкая и единственная. Перед сном — кутеж за счет Кисл[якова] и воспоминания минувших дней. А. Ф. Аладьин развивал за обедом свои взгляды на финансы в России.

5 (18) октября.

Мира сердится и осложняет отношения с Е. М. Мне это крайне неприятно. Вечером разговоры на общеполитические темы и под конец о масонах. Алад[ьин] увлекается, очень интересен Никаноров.

6 [(19) октября].

День прошел нормально. Дамы помирились. Вечером Кор[нилов] рассказывает о мартовских днях в Царском [Селе] и Петрограде[5].

7 [(20) октября].

Мира отложила свой отъезд. Получили письмо, что детей перевезли в Питер, ничего хуже не могли придумать. Приезжал Самарин и привез документ, лишающий нас содержания. Вечером разговоры об источниках средств. Меня выбрали в редакционную комиссию по составлению альманаха[6].

8 [(21) октября].

Газеты переполнены нашим делом. Шум поднялся невероятный. Кер[енского] ругают все. До нас доходят тысячи слухов. Рекомендуют опасаться ближайших 10–12 дней[7]. В какой еще водоворот попадешь?! Вечером разговоры об альманахе, очень интересный доклад Никанорова о торговых договорах и, наконец, чтение «Коня бледного»[8].

9 [(22) октября].

Вчера в газетах все заполнено предпарламентом[9]. До завтрака была панихида по [А. М.] Крымову[10] и убитым офицерам. Приезжали Степаныч[11] и Малинин.

[1] Керенский Александр Федорович (1881–1970), политический и государственный деятель; с 7 (20) июля по 26 октября (8 ноября) 1917 — министр-председатель Временного правительства.
[2] Аджемов Моисей Сергеевич (1878–1953), политический деятель, член Конституционно-демократической партии.
[3] Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922), политический деятель, публицист; один из создателей и лидеров Конституционно-демократической партии.
[4] По-видимому, речь идет о генерале И. П. Романовском.
[5] По всей видимости, генерал Корнилов вспоминал о своей роли в аресте царской семьи в марте 1917 и вступлении в должность командующего войсками Петроградского военного округа.
[6] Вероятно, Марков пишет о «Быховском альбоме», созданном по инициативе капитана С. Н. Ряснянского, попросившего всех заключенных написать в отдельной тетради несколько строк на память; получившийся альбом автографов в 1927 был опубликован в одном из сборников «Белое дело».
[7] Деникин привел только небольшой отрывок из дневника Маркова, характеризующий настроения «быховских узников»: «У Маркова под этой датой записано: "До нас доходят тысячи слухов. Рекомендуют опасаться ближайших 10–12 дней. В какой еще водоворот попадешь"» (Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 89).
[8] «Конь бледный» — повесть, написанная революционером и террористом Борисом Викторовичем Савинковым (1879–1925) под псевдонимом В. Ропшин; впервые опубликована в 1909.
[9] Временный совет Российской республики (Предпарламент) — совещательный орган при Временном правительстве; создан 20 сентября (3 октября) 1917, на заседании президиума Демократического совещания.
[10] Крымов Александр Михайлович (1871–1917), генерал-лейтенант (1917); 24 августа (6 сентября) 1917 был назначен генералом Корниловым главкомом отдельной Петроградской армией; после поражения Корниловского выступления прибыл в Петроград; после разговора с А. Ф. Керенским о произошедших событий покончил собой 31 августа (13 сентября).
[11] Н. С. Тимановский.

Я рад, что разговоры о Тимановском были лишь сплетней. Я никогда бы не мог и подумать, что он не наш. Вечер прошел в рассказах из мира таинственного. Особенно интересен рассказ Иосифа Всеволодовича Никанорова. Прочел «Коня бледного» Ропшина.

10 [(23) октября].

На урок английск[ого] языка не хотел. К нам стекаются все слухи — утром большинство бодро, под вечер «углубленное». Говорят о возможности ликвидации — считаю, что будет, кроме гадости, и большой ошибкой. Вечером затронули вопросы о старине и отношении к ней. Любопытен рассказ Л. Н. Новос[ильцева][1] о роде Гончаровых. День закончили у нас с Кисляк в халате.

11 [(24) октября].

Газеты полны «разъяснениями» Кер[енского][2]. В любой стране при этих условиях Кер[енский] принужден был бы уйти. День нового режима вышел не совсем удачным, трудно стать на путь самоограничения. Вечером разговор о тревожных ближайших днях. Все передано в «малую Раду»[3]. У нас пирог в честь именинниц и ликвидация (зачеркнуто)[4].

12 [(25) октября].

Вечером не собирались поболтать вместе, сидим за чаем у нас. (Д[еникин,] Л[укомский] и Р[омановский] и я). Разговор о всяких возможностях. Ночь спал плохо — тошнило.

13 [(26) октября].

Ал.[5] понемногу определяется, у него много «плюсов», но есть и «минусы», во всяком случае это очень милый и обязательный человек. Вмешательство Анг[лии] и разговоры на эту тему. После обеда ½ часа у верх[овного][6]. Вечером в № 6 за разговорами о масонстве. Чай у нас.

14–15 [(27–28) октября].

Наш день определился вполне. Совместная жизнь делает то, что при полном отсутствии дела нет времени заняться работой. 15-го вечером говорили о славянстве, читали [«]Бич[»] и [«]Общее дело[»] и кончили этот день чествованием Ив. Г. Э[рдели] с днем рождения[7].

16–17 [(29–30) октября].

Вечером 16-го Новосельцев говорил о Кадетской партии[8], затем выступали Аладьин и Никаноров с возражениями, кончилось общей критикой 1[–й] Гос[ударственной] думы. 17-го утром баня и, надо сознаться, скверная. Днем были Т. С. и Панов, от жены последнего я получил банку земляничного варенья. Вечером доклад Никанорова о Соборе и духовенстве.

[1] Новосильцев Леонид Николаевич (1872–1934), капитан; политический деятель, член Государственной думы первого и четвертого созывов.

[2] По всей видимости, речь идет о многочисленных публикациях, в которых А. Ф. Керенский объяснял свою позицию и правоту в дни Корниловского выступления.

[3] Вероятно, речь идет о некоем «совете» среди заключенных Быховской тюрьмы.

[4] Примечание лица переписывавшего записи с оригинала дневника.

[5] Вероятнее всего, А. Ф. Аладьин.

[6] Л. Г. Корнилова.

[7] И. Г. Эрдели родился 15 (28) октября 1867.

[8] Конституционно-демократическая партия («Партия Народной Свободы»), или Кадетская партия, — центристская политическая партия, сыгравшая большую роль в революционных событиях 1917 года.

18 [(31) октября].

День прошел обычно. Приезжал [Г. Н.] Кутепов[1] и рассказывал о делах внешних. Он с Трубец[ким][2] назначается в Рим. Вечером В. Н. Кисл[яков] делал доклад схемы управления армиями и связь с тылом.

19 [октября (1 ноября)].

Приезжал Л. М. М. привез известие об освобождении Родионова и Никанорова. Вечером читали наши литературные произведения[3] и доклад Никанорова. Родионова похищает его жена.

20–21 [октября (2–3 ноября)].

20-го вечером интересный доклад Никанорова о делах Бейлиса[4]. Приезжал и не был принят верховным[5] комисс[ар] [В. Б.] Станкевич[6]. Были Самарин и (зачеркнуто)[7], рассказывали о настроениях в Питере. Доклад Брагина по экономическим вопросам. Самарина [Н. Н.] Духонин вышибает из Ставки. Бонч-Бруевич — начальник гарнизона в Ставке.

22, 23, 24, 25 [октября (4–7 ноября)].

За эти дни выпустили еще Новосильцева. 24-го у нас опять были Т. С. и М. 25-го выпустили [Г. Л.] Чунихина[8], [С. Ф.] Никитина[9], [И. Г.] Соотса[10] и [А. В.] Иванова[11]. Получили сведения о выступлении большевиков, начавших еще вчера, 24-го.

26–27 [октября (8–9 ноября)].

К нам постоянно поступают все новые и новые сведения. Ставка потеряла голову. [В. А.] Черемисов[12] ведет крупную игру[13]. Керен[ский] бежал в Псков и оттуда с 3-м конн[ым] корп[усом] повел наступление на Питер[14]. Какая злая ирония, даже

[1] Г. Н. Кутепов в 1917 — вице-директор дипломатического департамента при Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве.

[2] По всей видимости, речь идет о князе Григории Николаевиче Трубецком (1873–1930), дипломате, общественном и политическом деятеле.

[3] Вероятно, записи, вошедшие позднее в «Быховский альбом».

[4] Дело Бейлиса — знаменитый судебный процесс по обвинению еврея Менахема Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего Андрея Ющинского 12 марта 1911.

[5] Генералом Л. Г. Корниловым.

[6] Станкевич Владимир Бенедиктович (1884–1968), общественный и политический деятель, адвокат; с июня 1917 — комиссар Временного правительства на Северном фронте; с конца сентября — комиссар Временного правительства в Ставке Верховного главнокомандующего.

[7] Примечания лица переписывавшего записи с оригинала дневника.

[8] Чунихин Георгий Львович (1893–1918), штабс-капитан; в 1917 служил в Ставке главнокомандующего; член главного комитета Союза офицеров армии и флота; участник Корниловского выступления, арестован, заключен в тюрьме в Быхове.

[9] Никитин Сергей Федорович, прапорщик; в 1917 — член Главного комитета Союза офицеров армии и флота; участник Корниловского выступления, арестован, в заключении в тюрьме в Быхове.

[10] Соотс Иван Генрихович (1880–1942), подполковник (1916), член Главного комитета Союза офицеров; поддержал Корниловское выступление, был арестован и заключен в тюрьме в Быхове.

[11] Иванов Александр Владимирович, прапорщик; в 1917 — секретарь Главного комитета Союза офицеров армии и флота.

[12] Черемисов Владимир Андреевич (1871 — после 1937), генерал от инфантерии (1917); с 9 (22) сентября 1917 — главнокомандующий армиями Северного фронта.

[13] Речь идет об отказе главкома армиями Северного фронта В. А. Черемисова в поддержке Временному правительству в борьбе с большевиками.

[14] Расположенный в окрестностях Петрограда 3-й кавалерийский корпус по приказу А. Ф. Керенского в сентябре 1917 был переброшен в район Острова и поступил в распоряжение штаба Северного фронта. 25 октября (7 ноября) генерал-майор П. Н. Краснов получил телеграмму от Керенского с приказом спешно перебросить 3-й кавалерийский корпус под Петроград ввиду захвата власти большевиками. На следующий день в Псков прибыл сам бежавший из Петрограда Керенский. По его приказанию Краснов двинул на столицу весь наличный состав корпуса (шесть сотен 9-го и четыре сотни 10-го Донских казачьих полков — всего 700 казаков). Сильно поредевший «корпус» взял Гатчину и Царское Село. Однако корпус Краснова был слишком малочислен для восстановления власти Временного правительства и потерпел поражение под Пулковым.

корпус тот же[1]. Говорят, Зимний дворец горит, мне делается омерзительной вся эта выплывшая на поверхность сволочь. 27-го [октября] получено сведение о новом составе министерства с [В. И.] Лениным[2] во главе и [Ю. М.] Нахамкисом[3] в качестве воен[ного] министра[4]. Как пала Россия — шпион стал во главе ее[5], а жид — во главе армий. Ант[он] Ив[анович][6] получил отдельную комнату.

28 [октября (10 ноября)].

Появление нового коменданта Ставки [полковника В.Н. Инскервелли], назначенного вместо Самарина. Холодная встреча, его переговоры с Jis–ом. Были Самарин, Мал[инин] и появился Шк[иль]. Его доклад, он ночует.

29 [октября (11 ноября)].

Тревожное утро в связи с уходом поляков[7]. Нас толкают на шаг неосторожный, но это не пройдет[8]. Вечером читали единственную газету от 28-го, из которой видно, что не Кер[енский] разбил большевиков, а они это сами самостоятельно проделали.

30 [октября (12 ноября)].

Тревожный день, все слухи и слухи. Публика начинает нервничать. По-видимому, Кер[енский] еще не занял Питер, говорят о его переговорах с большевиками, отказаться от разговоров он и теперь не может. Вечером сидели в нашем Совдепе, а затем вечерний чай у Деник[ина]. Лек[9] тоже в приподнятом настроении. Днем был встревоженный Л.Н. Новосильцев, какой-то казак-комиссар[10], Степаныч[11] и другие лица.

31 [октября (13 ноября)].

Приезжал Ш[киль], он был у Сопки[12] и передал его взгляд на наше положение и что мы можем от него ожидать. Настроение после этого у всех улучшилось. Вечером читали газеты. Узнали о прорыве у Барановичей[13]. Любопытна роль

[1] Марков подразумевает использование 3-го кавалерийского корпуса во главе с генерал-лейтенантом А.М. Крымовым во время Корниловского выступления в августе 1917.

[2] Речь идет о создании Совета народных комиссаров (СНК) во главе с В.И. Лениным. СНК был сформирован в соответствии с «Декретом об учреждении Совета народных комиссаров», принятым 2-м Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 27 октября (9 ноября) 1917.

[3] Нахамкис (Стеклов) Юрий Михайлович (1873–1941), общественный и политический деятель; в 1917 — член исполкома Петросовета; на 2-м Всероссийском съезде Советов был избран членом ВЦИК.

[4] Марков не располагал достоверной информацией. По декрету 2-го Всероссийского съезда Советов, 26 октября (8 ноября) был создан Комитет по делам военным и морским в составе трех народных комиссаров: В.А. Антонов-Овсеенко (Военное министерство и внутренний фронт), П.Е. Дыбенко (Морское министерство) и Н.В. Крыленко (внешний фронт).

[5] В оценке событий Марков исходил из широко разошедшейся летом — осенью 1917 в печати информации о сотрудничестве В.И. Ленина и других большевиков (вернувшихся в апреле 1917 в Россию через Германию) с германским командованием.

[6] А.И. Деникин.

[7] Речь идет о чинах 1-го Польского корпуса, который осенью 1917 был сосредоточен в районе Бобруйск — Могилев (в составе трех стрелковых и одной кавалерийской дивизий).

[8] По всей видимости, речь идет о возможном побеге из Быхова.

[9] Вероятно, так Марков называет одного из заключенных в Быхове.

[10] Скорее всего, речь идет о В.В. Шапкине, комиссаре казачьих войск при Ставке.

[11] Н.С. Тимановский.

[12] Вероятно, так назван один из чинов Ставки Верховного главнокомандующего.

[13] В конце октября 1917 по Барановичами перешли в наступление части 9-й германской армии. Противостоявший им Гренадерский корпус вскоре после начала боев, руководствуясь Декретом о мире (принятом 26 октября (8 ноября) 1917 на 2-м Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов), вступил в переговоры. Уже 14 (27) ноября военно-революционный комитет Гренадерского корпуса подписал перемирие с противостоявшей ему немецкой армией.

[П. С.] Балуева[1] и заседание Комитета спасения в Минске[2]. Ш[киль] отправился в Смоленск.

1 [(14) ноября].

Продолжают поступать тревожные вести. Кер[енский], по-видимому, терпит неудачу. Орша уже во власти большевиков, скоро очередь дойдет и до Могилева. Настроение у нас подавленное.

2–3 [(15–16) ноября].

Хмара[3]. Новости как из рога изобилия. Керенский бежал. [П. Н.] Краснов юлит[4]. В городах бойня продолжается. Чернь вышла на улицу и все рушит. Ставка ожидает своего часа.

4 [(17) ноября].

Настроение бурное. Много посетителей. Вести с Дона[5]. На фронте все хуже и хуже. Разгром святынь в Москве[6], даже [А. В.] Луначарский[7] не вытерпел и ушел[8]. Мы сидим и должны сидеть до крайнего предела

5 [(18) ноября].

Хаос продолжается. Сегодня 11 лет со дня нашей свадьбы, как время бежит[9]. Днем были посетители, среди них А.А. Колчинский[10]. Вечером пели, у нас в столовой пианино, чтение газет и разговоры.

[1] Балуев Петр Семенович (1857–1923), генерал от инфантерии (1916); с 2 (15) августа 1917 — главнокомандующий армиями Западного фронта. Вероятно, Марков имеет в виду конфликт Балуева с военно-революционным комитетом фронта и последующее отстранение его от должности 12 (25) ноября 1917.

[2] Речь идет о созданном в Минске 27 октября (9 ноября) 1917 Комитете спасения революции, поддержавшем Временное правительство. Уже 2 (15) ноября он был ликвидирован революционными солдатами, поддержавшими Минский совет.

[3] Хмара — облако, туча; в данном случае, вероятно, общая характеристика ситуации, в которой находились все «быховцы».

[4] По всей видимости, Марков имеет в виду перемирие с большевиками, заключенное во время движения на Петроград командиром 3-го кавалерийского корпуса генерал-майором Петром Николаевичем Красновым (1869–1947).

[5] Вероятно, Марков имеет в виду позицию по отношению к советской власти донского атамана генерала от кавалерии А.М. Каледина и начало сбора на Дону членов Алексеевской организации (будущей Добровольческой армии). Уже 25 октября (7 ноября) 1917 Каледин объявил захват власти большевиками незаконным и заявил, что до восстановления законной власти в России Войсковое правительство берет на себя всю полноту власти в Донской области. 26 октября (8 ноября) после попытки Совета в Ростове-на-Дону захватить власть Каледин ввел военное положение в углепромышленном районе области и начал разгром советов, введя войска в ряд населенных пунктов. 27 октября (9 ноября) донской атаман ввел военное положение на всей территории Донской области. 31 октября (13 ноября) были арестованы донские делегаты, возвращавшиеся со 2-го Всероссийского съезда советов. 2 (15) ноября в Новочеркасск из Петрограда прибыл генерал от инфантерии М.В. Алексеев, обратившийся за помощью в формировании добровольческих частей для предстоящей борьбы с большевиками.

[6] Речь идет о событиях «кровавой недели» в Москве в октябре — ноябре 1917. В ходе боев между сторонниками Временного правительства и советской власти серьезно пострадал Московский кремль, на территории которого находились отряды юнкеров. Во время артиллерийского обстрела Кремля революционными войсками были сильно повреждены стены, Спасская, Никольская и Беклемишевская башни, Малый Николаевский дворец, а также почти все храмы на территории Кремля.

[7] Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), участник революционного движения, советский государственный деятель; народный комиссар просвещения с 26 октября (8 ноября) 1917 по сентябрь 1929.

[8] 2 (15) ноября 1917 Луначарский подал в СНК заявление о выходе из правительства, о чем сообщила меньшевистская газета «Новая жизнь»; свое решение о выходе из правительства он объяснял невозможностью работы при разрушении Московского кремля и уничтожении исторических памятников. Однако выход Луначарского из СНК не произошел; уже 3 (16) ноября он опубликовал обращение «Ко всем гражданам России!», в котором призывал граждан Советской России беречь народное достояние.

[9] Брак Сергея Леонидовича Маркова и Марианны Павловны Путятиной был зарегистрирован 5 (18) ноября 1906.

[10] Колчинский Александр Александрович (1881–1965), подполковник (1917); к концу 1917. состоял в оперативном отделе Ставки Верховного главнокомандующего.

6 [(19) ноября].
Гусарский праздник[1]. Приезд Чу и свидания с Ш. У.Р. Освобождение И.Г. Эр[дели].
7 [(20) ноября].
Уехали освобожденные Клец[анда] и Ванновский. Никто не приезжал, и Мира принуждена остаться еще на один день в Б[ыхове]. Вечер в палате № 6, у нас в гостях прапоры, Брагин читал стихи, богатая у него память. Рад за отъезжающих, но и скучно на душе.
8 [(21) ноября].
Мушка уехала, до Могилева ее провожал Гриш[2]. Приехал [Н. П.] Украинцев[3][,] чл[ен] след[ственной] комис[сии]. Духонину предъявлено требование заключить мир[4].
9 [(22) ноября].
Волнения нарастают. [Н. В.] Крыленко[5] объявил себя Верх[овным] глав[нокомандующим]. Все гибнет. Слухи, что всех, кроме 4-х, отпускают на волю. Был Субботин[6]. Мушка уехала из Могилева.

[1] 6 (19) ноября — полковой праздник лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка (день святого Павла Исповедника).
[2] Вероятно, речь идет о штабс-капитане Григории Малинине.
[3] Украинцев Николай Петрович (1886 — после 1936), военный юрист, полковник; помощник военного прокурора Петербургского (затем Петроградского) военно-окружного суда; член Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове.
[4] Утром 8 (21) ноября 1917 Н.Н. Духонин получил предписание СНК, подписанное В.И. Лениным, о немедленном вступлении в предварительные переговоры с противником о заключении перемирия. Духонин отказался вступить в сепаратные переговоры с противником. 9 (22) ноября решением СНК он был отстранен от должности с предписанием исполнять обязанности вплоть до прибытия нового Верховного главнокомандующего — назначенного на эту должность прапорщика большевика Н.В. Крыленко; тогда же Духонин направил всем главкомам армиями фронтов телеграмму, в которой объяснял свой отказ выполнить указания советского правительства о немедленном вступлении в мирные переговоры с противником и объявлял решение не оставлять свой пост.
[5] Крыленко Николай Васильевич (1885–1938), прапорщик; советский партийный и государственный деятель; 9 (22) ноября 1917 назначен СНК Верховным главнокомандующим (в марте 1918 освобожден от должности по собственной просьбе).
[6] Возможно, речь идет о генерал-майоре (1915) Владимире Федоровиче Субботине (1874–1937), с сентября 1917 находившемся в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа.

А. В. Ганин

«АКТОМ ОТРЕШЕНИЯ МЕНЯ ОТ ДОЛЖНОСТИ И ПРЕДАНИЕМ СУДУ... НАНЕСЕНО ВСЕМУ ДОНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ БЕЗУСЛОВНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ»

Показания донского атамана А.М. Каледина по делу генерала Л.Г. Корнилова

В 2003 г. в Москве был издан фундаментальный двухтомный сборник документов «Дело генерала Л.Г. Корнилова»[1], содержавший публикацию 222 различных документов по этой теме. Первый том составили материалы Чрезвычайной следственной комиссии по делу генерала Л.Г. Корнилова. Во второй том вошли показания и протоколы допросов. Это издание стало основополагающим для дальнейшего изучения истории Корниловского выступления.

В сборнике были опубликованы свыше ста показаний различных лиц, причастных к этому выступлению и к его подавлению, от генералов до прапорщиков включительно. Эти документы хранятся в фонде 1780 Государственного архива Российской Федерации («Чрезвычайная комиссия для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках»), включающем 108 единиц хранения. Однако среди документов отсутствовали показания одного из значимых игроков политической авансцены России того времени — донского атамана генерала от кавалерии Алексея Максимовича Каледина (1861–1918). Был опубликован лишь их пересказ сотрудниками следственной комиссии, скомпилированный с показаниями других лиц[2]. Составители сборника отметили, что протокол допроса Каледина в архиве обнаружить не удалось[3].

Показания А.М. Каледина в виде машинописной копии были выявлены нами в ходе работы в Бахметевском архиве Колумбийского университета (далее — BAR). Они отложились в коллекции прокурора Р.Р. фон Раупаха среди прочих документов по делу сторонников Корнилова. Эти материалы были вывезены фон Раупахом из России в конце 1917 г. в Финляндию и впоследствии оказались в США[4].

Политическая позиция А.М. Каледина и других казачьих представителей в канун корниловских событий нашла свое отражение в речи атамана на Московском государственном совещании 14 августа 1917 г. В своем выступлении атаман отметил, что казачество выступает за доведение войны до победного конца, чему следует подчинить жизнь страны. Были выдвинуты требования неучастия армии в политической деятельности;

упразднения всех советов и комитетов в армии и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных; ограничения их компетенции хозяйственными вопросами; пересмотра Декларации прав солдата и дополнение ее декларацией его обязанностей; решительных мер по укреплению дисциплины в армии; единства фронта и тыла; восстановления дисциплинарных прав начальствующих лиц; установления твердой внепартийной власти; жесткого подавление сепаратизма; введения трудовой повинности; обеспечения законности на выборах в Учредительное собрание. Эта программа была близка взглядам Корнилова. По свидетельству очевидцев, речь Каледина была одним из наиболее ярких моментов совещания[5]. Именно Калединым, по оценке такого его искушенного политического противника, как В.И. Ленин, на Московском совещании было сделано «самое существенное политическое заявление»[6].

Во время корниловских событий Каледин совершил поездку по северным округам Донской области для ознакомления с хозяйственным положением и обсуждения с казаками предстоявших выборов в Учредительное собрание[7]. Однако власти и в целом представители левых сил заподозрили в этой поездке попытку выяснения настроений казачьих масс для борьбы с революцией и даже похода на Москву. Лидер большевиков В.И. Ленин прямо писал, что Каледин «ездил поднимать Дон»[8]. Едва ли обвинения атамана в подготовке Гражданской войны имели под собой почву, тем более что отъезд из войсковой столицы при тогдашних средствах связи, по сути, лишал атамана возможности контролировать ситуацию и руководить войском. Однако речи Каледина воспринимались его оппонентами как контрреволюционные не без оснований. Так, например, 30 августа 1917 г. на станичном сборе в Усть-Медведицкой Каледин заявил, что Войсковое правительство поддерживает партию народной свободы, а с социалистами казакам не по пути[9]. Тогда же против атамана резко выступил будущий лидер красного казачества войсковой старшина Ф.К. Миронов.

Сложность событий тех дней усугублялась личными амбициями участников. Так, командующий войсками Московского военного округа полковник А.И. Верховский, возможно, из карьерных соображений раздувал сведения о Корниловском мятеже. 30 августа он телеграфировал Каледину о переброске казачьих частей с фронта на Дон через Московский военный округ и о занятии казаками станции Поворино. Верховский отметил, что будет расценивать появление казачьих частей в пределах вверенного ему округа как объявление казачеством войны России и восстание против Временного правительства. Из бюро печати Временного правительства в прессу было вброшено ложное сообщение о присоединении Каледина к требованиям Корнилова в адрес правительства, в противном случае Каледин угрожал прервать сообщение Москвы с югом страны[10].

31 августа министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский объявил Каледина мятежником и отрешил его от должности. Атаман подлежал преданию суду и отправке в Могилев, в Чрезвычайную следственную комиссию. Тогда же на Дону были получены телеграммы А.И. Верховского, ставшего уже генерал-майором и военным министром, об аресте Каледина. Однако донские власти атамана не выдали. Сам Каледин по возвращении из поездки опроверг выдвинутые против него обвинения, не стал принимать атаманские полномочия (чтобы созываемый войсковой круг был свободен в своих решениях) и 10 сентября 1917 г. был оправдан 2-м Большим войсковым кругом Войска Донского, после чего вернулся к исполнению обязанностей атамана.

Показания Чрезвычайной следственной комиссии Каледин давал непосредственно в войсковой столице Новочеркасске, для чего на Дон 12 октября 1917 г. выехали члены комиссии Р.Р. фон Раупах, Н.П. Украинцев и И.Г. Харламов как представители казачества[11]. Впрочем, тогда атамана занимали уже другие вопросы. Н.П. Украинцев вспоминал, что Каледин принял членов комиссии лишь на следующий день, но «держался так естественно и просто, что приписать ему какую бы то ни было игру было бы большой несправедливостью в отношении его.

От приема у генерала Каледина у меня осталось чрезвычайно тяжелое, грустное воспоминание. Атаманский дворец мне показался пустым и мертвым, и в нем ходил из угла в угол почти в пустой комнате большой сутулый человек с какими-то безнадежными мыслями в голове, мешавшими ему сосредоточиться на окружающей его обстановке. Так, принял он нас без всяких церемоний, отвечал на вопросы, давал объяснения, но мне все казалось, что он на три четверти отсутствовал, вряд ли запомнил лица или фамилии хоть кого-нибудь из нас и то, как мы относимся к его показанию, для чего оно нам нужно. Было видно, что ему не напоказ, а по-настоящему было абсолютно безразлично. И еще одно впечатление я вынес от этой встречи. Хотя генерал Каледин и имел форму русского генерала и хоть и говорил о борьбе высшего командного состава за оздоровление армии как о деле ему таком же близком, как и генералу Корнилову и другим, во всех его словах мелкими штрихами, но вполне ясно, само собой, а не искусственно вырисовывалась позиция человека, идущего с генералом Корниловым и другими одной дорогой, к одной цели, но сам по себе. Сепаратизм — нет, но самостоятельность в непривычной степени, а потому резавшая внутреннее чутье... Вернулись мы в Петроград... не сделав и шагу вперед по пути выяснения поставленной нам задачи — мятежа генерала Корнилова»[12].

В своих показаниях Каледин отметил, что познакомился с генералом Л.Г. Корниловым в 1914 г., однако вплоть до Государственного совещания в Москве в августе 1917 г. с ним не встречался. На Московском совещании генералы сошлись в понимании задач, стоявших перед страной и, как показал Каледин, на неприемлемости восстановления монархии.

Каледин подробно обрисовал свои действия в августе — сентябре 1917 г., подчеркнул свою безусловную лояльность Временному правительству и подробно проанализировал выдвинутые в его адрес обвинения в подготовке мятежа. Атаман отметил, что посещал станицы, а не воинские части. Передвижение казачьих частей производилось исключительно внутри войсковой территории. Протокол свидетельствует, что обвинения в отношении Каледина, выдвинутые правительством, по сути, вели к эскалации Гражданской войны, поскольку под влиянием пропаганды неказачьи части нередко открывали огонь по казакам, считая тех контрреволюционерами. Документ является не только протоколом, но и своеобразным политическим заявлением Каледина, протестовавшего против несправедливых упреков в адрес донского казачества со стороны правительства.

В разгар событий Корнилов дважды пытался переговорить с Калединым по прямому проводу, но оба раза, по словам Корнилова, связь прерывалась. Кроме того, атаману было отправлено два письма[13]. Следует отметить, что Каледин вел интенсивную переписку с Корниловым в период ареста последнего в Быхове. Очевидно, их идейная связь в результате августовских событий существенно укрепилась. Осенью 1917 г. это, наряду с контактами Каледина и генерала М.В. Алексеева, сыграло свою роль в возникновении именно на Дону базы Белого движения.

Документ публикуется по машинописной копии с карандашной правкой (BAR. R.R. Raupakh collection. Box 2) в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок. В публикуемый текст внесены сделанные на документе карандашные исправления стилистического характера.

[1] Дело генерала Л.Г. Корнилова. М., 2003. Т. 1–2.
[2] Там же. Т. 1. С. 137–144.
[3] Там же. С. 469.
[4] См. наши публикации документов из этой коллекции: Ганин А.В. «Всей душой не желаю моей Родине возвращения кошмарного старого…» Неизвестное письмо генерала С.Л. Маркова министру-председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому // Родина. 2016. № 12. С. 107–109; Он же. Допрос генерал-лейтенанта Деникина // Родина. 2017. № 8. С. 14–18; «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит…» Документы по делу об участниках выступления генерала Л.Г. Корнилова на Юго-Западном фронте в августе 1917 г. / публ. А.В. Ганина // Исторический архив. 2017. № 6. С. 3–34.
[5] См., напр.: Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 311.
[6] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1969. Т. 34. С. 127.
[7] Мельников Н.М. А.М. Каледин — герой Луцкого прорыва и донской атаман. М., 2013. С. 119; Кручинин А.С. Генерал от кавалерии А.М. Каледин // Белое движение: исторические портреты. М., 2011. С. 112.
[8] Ленин В.И. Указ. соч. С. 220.
[9] Медведев Р.А., Стариков С.П. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М., 1989. С. 46
[10] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 399.
[11] Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 1. С. 468.
[12] Там же. С. 381–382.
[13] Там же. С. 316–317; Т. 2. С. 206.

Показания донского атамана А.М. Каледина по делу генерала Л.Г. Корнилова

Я, войсковой атаман Войска Донского, генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин, 56 лет, православный, не судился, по делу показываю:

С генералом Корниловым я познакомился на театре военных действий в 1914 году. Было это 31 августа, и тогда я виделся и говорил с генералом Корниловым в течение нескольких минут. Такая же кратковременная была и вторая встреча с ним в октябре того же года. Затем до 13 августа 1917 года я генерала Корнилова не видел и встретился с ним только на Московском совещании. За этот промежуток времени мы обменивались только приветствиями после успеха 8-й армии, принятой Корниловым от меня[1], и до того по поводу выбора меня войсковым атаманом. Интересуясь армией, прежде мною командуемой, я внимательно следил за управлением ею генералом Корниловым и должен сказать, что в этом отношении я всю деятельность генерала Корнилова вполне одобрял, так как последняя целиком была направлена к поддержанию боеспособности войск. Должен сказать, что именно из-за борьбы на почве восстановления и поднятия дисциплины я и вынужден был оставить командование армией, так как генерал Брусилов[2] считал необходимым идти по течению, я же был уверен в том, что этот путь приведет к окончательному разложению армии. Генерал Корнилов, вступив в командование, пошел одной со мной дорогой, и потому, несмотря на малое личное знакомство, мы стремились с ним на Московском совещании как люди близкие, жившие одними и теми же идеями. В Москве я был в составе депутации от казаков, встречавшей его 13 августа утром на вокзале и в тот же день вечером беседовал с ним. Разговор этот продолжался с полчаса и касался вопросов об оставлении некоторых из частей Донского войска в области для нужд ее, снабжения запасных частей винтовками, т. е. вопросов чисто местных, и, кроме того, мы обменялись мнениями об общем политическом состоянии России, состоянии армии и содержании наших речей в предстоящих выступлениях на совещании. Инициатива этой вечерней встречи исходила от меня. Разговора о диктатуре и намерении генерала Корнилова объявить ее тогда не было; помню, что оба мы сходились на взгляде о недопустимости и невозможности возвращения старого порядка и, в частности, восстановления династии. Оба мы сходились на том, что наилучшей формой правления в России была бы республика. Еще до приезда генерала Корнилова в Москву там ходили упорные слухи о диктатуре, причем с ней связывали скорее мое имя, а не имя генерала Корнилова. Уже находясь в Москве, я получил извещение Малого круга о намерении правительства меня в Москве арестовать. Круг получил эти сведения от председателя Совета Союза казачьих войск Дутова[3] и, будучи ими очень встревожен, просил меня вернуться в область. Слухи о посягательстве с моей стороны на диктатуру были для меня большим сюрпризом, так как смешно посягать на диктатуру из провинциального

[1] А.М. Каледин командовал 8-й армией с 20 марта 1916, Л.Г. Корнилов был назначен командующим этой армией 29 апреля 1917 г.
[2] Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта.
[3] Дутов Александр Ильич (1879–1921) — войсковой старшина; председатель Совета Союза казачьих войск.

городка человеку, стоящему вне центра государственного правления и не имевшему никаких связей с политическим миром. Таким образом, тревога Временного правительства по поводу возможности моей диктатуры являлась совершенно необоснованной. На Московском совещании были депутаты всех других казачьих войск, причем всеми нами сообща была выработана одна общая программа, или декларация, которую поручено было прочитать мне. Декларация эта вполне выражала как мое мнение, так и действительные желания всего казачества. Суть ее общеизвестна, и наделала она на совещании много шума. Кроме указанной встречи, мне с генералом Корниловым на Московском совещании беседовать не пришлось, и по окончании совещания, 17 августа, я уехал в область. В начале 20[-х] чисел августа я получил от генерала Корнилова ответ на поставленный ему еще на Московском совещании вопрос по поводу состоявшегося тогда блока казаков Донской области с кадетами. На это письмо я тогда же ответил и, между прочим, просил о выводе 1-го и 4-го Донских полков из Петрограда ввиду разрушения их большевистской пропагандой. Со времени получения этого письма и до ликвидации так называемого Корниловского мятежа я от генерала Корнилова никаких сведений не получал.

24 августа я выехал в область. Поездка эта назревала уже давно, но будучи связан изучением дел управления области и не желая отрывать население от полевых работ, я откладывал эту поездку до окончания их. В конце июля в Новочеркасске состоялась конференция с представителями Совета Союза казачьих войск; затем собрался Малый круг, и 6 августа я выехал в Москву на совещание. Вернулся я оттуда 17 или 18 августа и должен был принять участие в конференции в г. Екатеринодаре, намечавшейся в ближайшем будущем. Таким образом, у меня оставался очень небольшой промежуток времени, который нужно было использовать для поездки по области. В первую очередь я считал необходимым посетить Хоперский и Усть-Медведицкий округа, пострадавшие от неурожая. Перед выездом я прочитал в газетах известие, что против генерала Корнилова ведется Советом солдатских и рабочих депутатов кампания, что меня очень тревожило, но уже по пути 24 августа я из газет узнал заявление остававшегося в то время за министра-председателя Некрасова[1], что все слухи о будто бы подготавливавшемся увольнении генерала Корнилова лишены всякого основания и что правительство вполне разделяет все основные требования генерала Корнилова и главнейшие из них имеет в виду осуществить. Интересовался я положением генерала Корнилова потому, что с именем его связывал возможность возрождения армии, поднятие ее боеспособности, а, следовательно, и спасение нашей Родины. 25 августа утром через станицу Михайловскую я выехал в станицу Урюпинскую, 26 утром из Урюпинской я отправился по станицам Хоперского округа в направлении станицы Усть-Медведицкой. Ехал я по глухим станицам, не имея никакой корреспонденции и решительно никаких политических известий, и за время с 25 до 29 августа объехал по заранее выработанному маршруту целый ряд станиц. 29 августа днем я приехал в станицу Усть-Хоперскую, не доезжая которой получил телеграмму товарища войскового атамана Богаевского[2], извещавшую меня о смещении правительством генерала Корнилова с должности и о желательности ввиду этого моего возвращения в Новочеркасск. Телеграмма эта побудила меня сократить предполагавшуюся поездку, и я решил из Усть-Медведицкой станицы ехать не по маршруту, а отправиться на станцию Обливскую, куда и просил телеграммой передать со станции Арчеда мой вагон. Таким образом, я выгадывал целые сутки, так как в направлении от Арчеды на Царицын ходит только один поезд, на который я опаздывал. 29 августа около 12 часов ночи я прибыл в станицу Усть-Медведицкую и получил там первую телеграмму Керенского, извещавшую об ультиматуме Корнилова и его смещении. 30 августа утром, после разговора с казаками на станичном сборе в Усть-Медведицкой, я около 11 часов утра выехал на Обливскую. Прибыл я туда около 11–12 часов ночи 30 августа и, справившись относительно моего вагона, узнал, что он еще не передан. Ввиду этого моим адъютантом была отправлена телеграмма в Царицын с просьбой оставить мне купе в царицынском поезде. Поезд этот должен был проходить через Обливскую около 5 часов утра. Утром я получил сведения, что поезд опаздывает на час, тут же мне передали окружной атаман Жданов[1] и командир запасного полка Араканцев, две сотни которого стояли в Обливской[2], что циркулируют какие-то неясные слухи, что меня разыскивают по всей линии и, по-видимому, собираются арестовать. Я приказал одну сотню подготовить в районе станции, а один взвод выслать на станцию. Около 6 часов я приехал на станцию и намеревался, дождавшись поезда, ехать в Новочеркасск. Нужно сказать, что взвод состоял из молодых, только что призванных казаков, ни одного боевого патрона у них не было. На станции, в ожидании поезда, я пробыл часа 1½, поезд не прибывал, и на мои по этому поводу вопросы начальник станции объяснил, что поезд задержан на станции, не доезжая Обливской, где отведенное мне купе очищают от занявшей его публики. На мой вопрос — когда же прибудет поезд и прибудет ли он, начальник станции ответил, что ничего определенного он по этому поводу сказать не может. Допуская со стороны железнодорожной администрации возможность отказа меня везти, я решил ехать через станицу Константиновскую, куда потребовал высылки за мною из Новочеркасска автомобиля. 31 августа утром я таким образом выехал на лошадях из Обливской на Константиновскую, не имея при себе никакого конвоя, т. е. тем порядком, каким я объезжал станицы и до того. Ехал я вдвоем с адъютантом моим. В Константиновскую я приехал около 11 часов утра 1 сентября. Автомобиля из Новочеркасска еще не было, и чтобы использовать время, я приказал собрать местную команду и части запасного полка, расположенные в Константиновской. На смотру этих частей окружной атаман 1-го Донского округа передал мне телеграмму военного министра генерала Верховского[3] о моем аресте. Телеграмма эта была адресована «всем», и атаману 1-го Донского округа была передана атаманом 2-го округа. Редакцию этой телеграммы я не помню. По окончании мною смотра подъехал автомобиль, на котором я и выехал в Новочеркасск. И на этот раз никакой конвой меня не сопровождал. По пути, проехав станицу Богаевскую, в 20 верстах от Новочеркасска, я встретил высланные мне навстречу конные части[4] и около пяти — шести часов дня прибыл в город. Только здесь я был ознакомлен со всеми событиями, происшедшими за мою поездку. Того же 1 сентября вечером у меня собрались все члены Войскового правительства, от которых я, с одной стороны, узнал

[1] Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) — министр путей сообщения и министр финансов Временного правительства, заместитель министра-председателя.

[2] Богаевский Митрофан Петрович (1881–1918) — товарищ войскового атамана Донского казачьего войска.

[1] Жданов Александр Иванович (1876–1929) — войсковой старшина, атаман 2-го Донского округа.

[2] Речь идет о 4-м Донском казачьем запасном полке.

[3] Верховский Александр Иванович (1886–1938) — полковник, генерал-майор. Командующий войсками Московского военного округа (с 31 мая 1917). Военный министр (30 августа – 22 октября 1917) с производством в генерал-майоры.

[4] По всей видимости, речь идет о юнкерах, высланных М.П. Богаевским навстречу Каледину (Мельников Н. Алексей Максимович Каледин. Личность и деятельность (воспоминания) // Донская летопись: сборник материалов по новейшей истории донского казачества со времен русской революции 1917 года (Белград). 1923. № 1. С. 32).

все, что происходило в правительстве за мое отсутствие, а с другой — я передал им историю моей поездки по области и мои отношения к Корнилову, а также объяснения по поводу взведенного на меня обвинения — поднятия на Дону мятежа. После этих объяснений, дабы развязать руки Войсковому правительству в создавшемся конфликте казачества с Временным правительством, я не нашел возможным вступать в должность, которую перед выездом сдал моему товарищу и начальнику штаба по принадлежности. Такое же устранение себя я считал необходимым с целью устранить всякое подозрение в возможности моего влияния на то или иное разрешение создавшегося конфликта. Решение этого вопроса, по моему мнению, должно было исходить от Круга. В дальнейшие дни выяснилась мобилизация и сосредоточение к пределам области войск Казанского и Московского округов, несмотря на посланные начальником штаба командующему Московским округом полковнику Верховскому телеграммы, что в области никаких передвижений казачьих войск с целью мятежа не происходит, что станция Поворино казачьими частями не занималась и что штабу совершенно неизвестно о тех передвижениях казачьих войск по Московскому округу, на которые указывал полковник Верховский. Опасаясь возможности столкновения правительственных и казачьих войск, так как разъезды частей Московского округа уже появились в районе Поворино, я передал Войсковому правительству для передачи Временному правительству телеграмму, имеющуюся на страницах 72 и 73 предъявленного мне Вами тома (предъявлен том приложений к сношению начальника кабинета военного министра от 7 сентября 1917 года № 563).

3 сентября[1] был открыт Большой войсковой круг, на который я до вызова меня для дачи объяснений, т. е. до 5 сентября, не являлся, желая устранить подозрение в каком-либо на него влиянии. 5 сентября я дал Кругу объяснения, которые вместе с добытыми им ранее сведениями послужили для Круга полным основанием для установления факта отсутствия каких бы то ни было приготовлений к мятежу на Дону и к оправданию моей деятельности как войскового атамана. После моих объяснений до 8 сентября продолжалось расследование Кругом обстановки обвинения казачества в мятеже, приведшее окончательно Круг к приказу его мне вступить в должность и продолжать несение моих обязанностей[2]. На Круге присутствовали с правом голоса делегаты Кубанского, Терского, Оренбургского, Уральского и Астраханского войск. В силу указанного постановления Войскового круга я вступил в исполнение обязанностей войскового атамана, и, так как неказачьи войска оставались бы фактически без всякого управления, то я в необходимых случаях, не считая возможным оставлять их без всякого управления, давал им указания. Актом отрешения меня от должности и преданием суду за мятеж по совершенно не проверенным донесениям частных безответственных организаций и на основании даже просто слухов и вопреки официальному донесению представителя Временного правительства в Донской области областного комиссара Воронкова было нанесено всему донскому казачеству безусловное оскорбление, воспринятое всем казачьим населением области чрезвычайно живо и глубоко. Донское казачество как в станицах, так и в строевых частях считало себя оскорбленным обвинением в мятеже в то время, когда казачество клало все силы на защиту и Родины, и правительства. Оскорбление это имело не только моральное значение, но и реальное, так как наши строевые казачьи части до сих пор встречают от других неказачьих воинских частей обвинение в мятеже, и именем изменника клеймится тот казак, который в настоящее время является одной из главных опор нашей разваливающейся армии. Ряд делегаций, прибывающих из наших частей с фронта, свидетельствует об этом, а также о том невыносимом положении, которое они испытывают при службе с другими неказачьими частями, особенно с пехотой. Казаки жалуются, что им показываться в одиночку и небольшими партиями среди других неказачьих войск небезопасно, так как, помимо оскорбления на словах, им часто посылают и пулю. По отношению к населению станиц акт правительства, о котором идет речь, является покушением на основные права, провозглашенные донским казачеством и вполне согласованные с общими свободами, в силу которых арест и удаление выборных людей не может делаться без предварительного следствия или получения безусловных фактов виновности. По отношению к управлению краем оставление до настоящего времени в силе отрешения меня от должности вызывает крайне нежелательные трения, так как в области как по отношению к управлению войсками, так и в отношении дел гражданских, особенно же поддержания порядка в углепромышленном районе, необходимо совершенно твердое и определенное проявление правительственной власти. Не могу не указать и на оригинальное положение, при котором правительство со мной, им же отрешенным от должности, сносится официально, как бы игнорируя это отрешение. Ко мне приезжают представители правительства по делам, касающимся всей области, т. е. как к наказному атаману, вплоть до прибытия и обращения ко мне одного из министров — Прокоповича[1], а из Ставки я получаю запросы не только как войсковой атаман, но как генерал Каледин — по вопросам большого военного значения.

Непродуманные и даже легкомысленные действия правительства по отношению к целому краю оказали большое влияние на позицию Донского войска и вообще казачества по отношению к центральной власти. Казачество не может уже с полным доверием относиться к актам правительства, считая, что по отношению к нему правительство не искренно и ведет двойную политику, извлекая, с одной стороны, из казаков все, что можно для государственных целей в смысле и войск, и продовольственных средств, а с другой — оказывая недоверие целому краю и обвиняя казачество в контрреволюционности. Эти мотивы послужили толчком к стремлению казачества выработать себе самостоятельное управление в гораздо более широком масштабе, чем это предполагалось раньше.

На Ваши вопросы отвечаю:

Кроме упомянутой выше телеграммы, Вами мне предъявлявшейся, я к Временному правительству ни письменно, ни по телеграфу по вопросам, имеющим касательство к делу генерала Корнилова или находящимся в связи с ним, не обращался. Следовательно, все слухи, в том числе и помещенные в некоторых газетах о каком-то ультиматуме, предъявленном мной Временному правительству, лишены всякого основания. Главной целью моего объезда, предпринятого 24 августа, было посещение населения двух округов, а не войск, что видно из моего маршрута: из 16 станиц, в которых я был, войска расположены только около станицы Урюпинской. В станицах же Константиновской и Обливской расположены лишь

[1] А.М. Каледин неточен, Круг открылся 5 сентября 1917, Каледин выступил на заседании 7 сентября.

[2] Доверие А.М. Каледину было выражено 2-м Большим войсковым кругом Войска Донского 10 сентября 1917. Круг отверг требование военного министра А.И. Верховского, приказавшего Каледину безотлагательно явиться в Могилев для дачи показаний Чрезвычайной следственной комиссии (Кириенко Ю.К. Крах калединщины. М., 1976. С. 16). 11 сентября А.Ф. Керенский дал указание признать объяснение Каледина удовлетворительным и выразить доверие казачеству.

[1] Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) — политический деятель. Министр торговли и промышленности (24 июля – 1 сентября 1917), министр продовольствия (с 25 сентября 1917) Временного правительства.

запасные части, а в станице Усть-Медведицкой — местная команда. Из строевых казачьих частей я посетил только один полк 7-й дивизии, расположенный в районе станицы Урюпинской. Эта дивизия в ту пору предназначалась к отправлению на Кавказский фронт.

Никаких сведений о движении казачьих войск вне области Войска Донского у меня не имелось. Такого рода войска мне не подчиняются.

Командующему Московским военным округом я не подчинялся и не подчиняюсь, так как пользуюсь с ним совершенно одинаковыми правами.

Во время моего отсутствия из Новочеркасска было приступлено к осуществлению давно разработанной мною нормальной дислокации. Дислокация эта имела целью поддержание порядка в области. Должны были быть передвинуты один из полков 8-й дивизии в район хутора Калача и два полка 9-й дивизии в район Таганрогского и Черкасского округов для поддержания порядка в углепромышленном районе. Передвижений войск к северным границам области не намечалось и в действительности не производилось. Намеченная дислокация приводится в исполнение и по настоящее время, и необходимость ее оправдывается всеми последовавшими событиями и распоряжениями самого Временного правительства.

Никаких прокламаций и воззваний при поездке в период [с] 24 августа по 1 сентября при себе я не имел и потому распространять таковые не мог.

Содержание речей, сказанных мной на станичных сборах, мною было сообщено Войсковому кругу, и правильность их была подтверждена присутствовавшими на Круге делегатами, эти речи слышавшими в станицах. Содержание моих речей изложено в печатном отчете 2-го Большого донского круга[1], который Вам передаю. Отчет этот мною не корректирован, и поэтому может заключать в себе некоторые неточности в числах и опечатки. Больше ничего к делу я показать не могу.

[1] 2-й Большой войсковой круг Войска Донского проходил 5–14 сентября 1917.

А. А. Чемакин

ОДЕССА ВСТРЕТИЛА МЕНЯ УНЫЛЫМ ОСЕННИМ ДОЖДЕМ... ВОСПОМИНАНИЯ НАДЕЖДЫ СЕРГЕЕВНЫ ФОН РААБЕН

Н. С. фон Раабен. 1919 год.
(Совершенно личные впечатления)
Одесса. (В период оккупации французами)

Предлагаемые читателю мемуары Надежды Сергеевны фон Раабен, секретарши и любовницы известного политического деятеля, лидера русских националистов и одного из идейных вождей Белого движения Василия Витальевича Шульгина (1878–1976) посвящены жизни в Одессе во время французской интервенции на рубеже 1918–1919 гг. В них описывается не только политическая обстановка в Одессе тех дней, но и личная жизнь Шульгина (хотя сама Надежда Сергеевна прямо не говорит, что была его любовницей, понять это нетрудно).

К сожалению, пока что не удалось установить девичью фамилию Надежды Сергеевны. Известно лишь, что она была киевлянка, училась в Петербурге в Смольном институте благородных девиц, в годы Гражданской войны были близка к группе В. В. Шульгина, секретаршей и любовницей которого стала в начале 1919 г. К тому времени она уже была замужем за полковником лейб-гвардии Измайловского полка Владимиром Валентиновичем фон Раабеном (1891–1924). Израненный в годы Первой мировой войны, ее муж служил в 1919 г. инспектором литературной части в одесском отделении Отдела пропаганды[1]. С Шульгиным Надежду Сергеевну связывали не только личные, но и рабочие отношения. Так, например, будучи его машинисткой, именно она записывала текст обращения к населению Малороссии, позднее утвержденный главнокомандующим Вооруженных сил Юга России А. И. Деникиным[2].

В записной книжке Шульгина сохранилось достаточно курьезное свидетельство — список всех его любовниц, распределенных по годам, начиная с 1891 г. и заканчивая 1922 г. Иногда их количество доходило до 11 за год, но под записью «1919» значится только одно имя — Надежда[3]. Некоторые пикантные подробности об их взаимоотношениях можно прочитать в книге воспоминаний Шульгина «Тени, которые проходят», в том числе о планах совместно покончить жизнь самоубийством и выдуманной беременности Надежды Сергеевны, чтобы этого самоубийства не допустить[4].

В конце 1919 г. Надежда Сергеевна вернулась к мужу, вместе с ним была эвакуирована из Одессы в Константинополь, а осенью того же года — в Белград (к тому времени у нее уже родилась дочь)[5]. До смерти мужа в 1924 г. она жила вместе с ним в Загребе, позже переехала в Белград. С Шульгиным она сохранила дружеские отношения и даже виделась в ним летом 1921 г.[6] Жизнь Н.С. фон Раабен окончилась трагически. По словам Шульгина, Надежда, «не дожив до сорока лет, спилась и умерла под забором»[7]. Это произошло 17 декабря 1939 г. Похоронили ее на Новом кладбище Белграда[8].

Приводимый ниже текст был написан, по всей видимости, в конце 1922 или начале 1923 г. Тогда Шульгин работал над новой книгой — «1919 год» — и в связи с этим попросил своих друзей и знакомых записать воспоминания о совместно пережитых событиях и прислать ему. Надежда Сергеевна выполнила эту просьбу. В итоге Шульгин действительно использовал небольшой сюжет из этой ее работы (диалог с «Котей», адъютантом Гришина-Алмазова) в рукописи «1919 года»[9]. Вместе с другими документами рукопись Надежды Сергеевны была передана Шульгиным в Русский заграничный исторический архив (РЗИА) в Праге. Ныне она хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде В.В. и Е.Г. Шульгиных (Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–18).

Текст машинописный с рукописными правками. Публикуется без сокращений и в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

Публикатор выражает искреннюю благодарность сотрудникам ГА РФ.

[1] ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 3. Д. 1600. Л. 1.
[2] Шульгин В. В отпуску (1919 г.) // Новое время. 1924. 5 августа. № 981. С. 2.
[3] ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 62. Л. 17 об.
[4] Шульгин В. В. Тени, которые проходят / сост. Р. Г. Красюков. СПб., 2012. С. 242—245, 248, 250, 251, 256—257, 261, 266.
[5] ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 3. Д. 1600. Л. 1 об.
[6] ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 3. Д. 45. Л. 12.
[7] Там же. Оп. 1. Д. 475. Л. 6 об.
[8] Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—2001 в 6 томах / сост. В. Н. Чуваков. Том 6. Кн. 1. М., 2005. С. 109.
[9] ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 17. Л. 109—110.

Н.С. фон Раабен. 1919 год. (Совершенно личные впечатления) Одесса. (В период оккупации французами)

Для того чтобы рассказывать одесский период, я хочу сперва вспомнить Киев, из которого я и бежала в Одессу.

В Киеве нетерпеливо и упорно ждали французов. Это было в период, когда пал «двуликий» гетман Скоропадский[1] и жовто-блакитные флаги запестрели по городу: начало декабря месяца 1918 года.

Французов ждали. Еще за несколько дней до падения гетманской власти все газеты, выходившие в Киеве, кричали о том, что «вот-вот, они уже близко... В Фастове... завтра будут...» «Голос Киева»[2] поместил восторженную статью какого-то А.К.Д., в которой воспевались «наши друзья — благородные французы» и говорилось о том, что должны пережить русские сердца при их встрече, при первых звуках победной песни Руже де Лиля[3].

Их ждали все... на них возлагали какие-то великие надежды, в них верили. «Они придут — и все будет кончено. Ведь пришли же они в Одессу?..»

Но в Киев они не пришли.

Пришел пан Петлюра[4], и начался украинский террор под предводительством атамана Коновальца[5].

Без разбора арестовывали и вели. Офицеров копили в «Музее»[6], частных лиц тащили в тюрьму. Иногда расстреливали прямо на улице. Помню, по Владимирской улице, мимо Софийского собора, вели какую-то «серую шинель». Вдруг приказали остановиться и тут же посреди улицы, на глазах у публики, уложили на месте выстрелом из винтовки.

Таких сцен было много. Затем срывали вывески, врывались с обысками в квартиры, грабили[7] жителей. И все это второпях, боясь потерять драгоценное время, словно чувствуя свою недолговечность.

На Софийской площади, словно в насмешку над памятником Богдану Хмельницкому, был устроен парад «украинским войскам». Живописные наряды, прекрасные лошади.

После наших сборных и часто убогих одежд серых оттенков они мне казались театральными статистами, и так и представлялось, что вот все те же самые, как в театре, в двадцатый раз проезжают и проходят мимо. Но их было порядочно для «петлюровской банды», так тысячи три, на мой неверный глаз.

[1] Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — русский и украинский военный и политический деятель; генерал-лейтенант; в апреле — декабре 1918 — гетман Украинской державы. С конца 1918 — в эмиграции.
[2] «Голос Киева» — газета, издававшаяся в апреле — декабре 1918 вместо «Киевлянина», закрытого В.В. Шульгиным после прихода в Киев немецких войск.
[3] Руже де Лиль Клод Жозеф (1760–1836) — французский поэт и композитор, автор «Марсельезы».
[4] Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) — украинский общественно-политический и военный деятель. В 1917–1918 — генеральный секретарь УНР по военным делам. В феврале 1919 — ноябре 1920 — председатель Директории УНР. С 1921 — в эмиграции.
[5] Коновалец Евгений Михайлович (1891–1938) — украинский военный и общественно-политический деятель. В 1918–1919 — полковник УНР, командир сечевых стрельцов. С 1919 — в эмиграции.
[6] Имеется в виду Педагогический музей в Киеве.
[7] Далее зачеркнуто «мирных».

В душе было какое-то недоумение. Откуда они? И кто их одел, и чего ради они пошли за Петлюрой?

Я принуждена была скрываться. И спрятали меня владельцы молочной на углу Б[ольшой] Владимирской и Житомирской, против часовни Божией Матери «Утоли моя печали». Мои хозяева были вековечные жители Киева, называли себя «хохлами» и никак не хотели понять «мову» и «самостийную Украину» со всем прилежащим.

7 декабря, когда в церквах Киева зазвонили колокола, и преосвященный Агапит[1] бормотал на украинской мове приветствие въезжавшей Директории[2], я села в поезд и поехала в Одессу.

Одесса встретила меня унылым осенним дождем. Она мне не понравилась: на улицах грязно, а магазины, кафе, рестораны, театры — все это блистало, поражали пышностью туалеты на Дерибасовской улице и толпы полупьяных... французов, наших «благородных союзников». Что-то чудилось убогое, маскарадное. Точно пир во время чумы.

Власти, казалось, не было. Ее как-то не чувствовалось. Были французы, был русский военный губернатор Гришин-Алмазов[3], ставший во главе Одесского округа.

Я шла по улицам, не зная, куда преклонить голову. Вдруг меня окликнул мой собственный муж. Он уехал из Киева раньше и искал меня.

— ...Ну вот мы и в Одессе... Куда не занесет судьба... Но, знаешь... здесь что-то странное... Не пришлось бы двигаться дальше. Военным губернатором Гришин-Алмазов, кто такой — неизвестно, и кто его назначил — неизвестно тоже. Говорят, мальчишка и самозванец и произведен в генералы какой-то татарской бандой, но слухи о нем самые разноречивые, может быть, и порядочный человек. И главное, у него в Совете Вас[илий] Вит[альевич] — это уже много и утешительно...

— Как, В. В. здесь?! — чуть не подпрыгнула я на аршин от земли. — Здесь, и ты мне сразу этого не сказал! Где он? Я пойду к нему...

Зачем я пойду — я сама не знала.

Разумеется, меня остановили, прочли скучную лекцию о выдержке, воспитании и приличиях вообще.

«Как полагается замужней даме...»

Вот к этому я никак и никогда не могла привыкнуть. И, по-моему, это очень относительное понятие, что кому полагается и подходит. Особенно в женщинах... Один и тот же поступок может коробить в одной и быть в другой женщине совершенно очаровательным.

Тут тысяча неуловимостей...

И вот без всяких тогда рассуждений я все-таки «побежала», но повидать В. В. мне в тот раз не удалось.

[1] Агапит (Вишневский Антоний Иосифович) (1867–1924) — епископ (с 1918 — архиепископ) Екатеринославский и Мариупольский в 1911–1919. С января 1919 в расколе, глава Синода Украинской Православной Автокефальной Церкви. Отстранен от службы после прихода Добровольческой армии. Позднее принес покаяние и вернулся в лоно Русской Церкви.

[2] Директория Украинской Народной Республики — высший орган власти УНР в ноябре 1918 — ноябре 1920. Председателями Директории были В. К. Винниченко (ноябрь 1918 — февраль 1919) и С. В. Петлюра (февраль 1919 — ноябрь 1920).

[3] Гришин (Гришин-Алмазов) Алексей Николаевич (1880–1919) — русский военачальник. В 1918 — генерал-майор, один из лидеров Белого движения в Сибири, управляющий Военным министерством Временного Сибирского правительства, организатор и командир Сибирской армии. В декабре 1918 — марте 1919 — военный губернатор Одессы, в декабре 1918 — январе 1919 — командующий войсками Добровольческой армии Одесского района, в феврале — марте 1919 — временно исполняющий должность командующего войсками Юго-Западного края.

Он жил в Лондонской гостинице в двух номерах. В первой комнате суетились, напустив на себя таинственную важность, секретарь и еще какие-то люди, «конспиранты», как я их немедленно окрестила. И тут же сидели «чающие движения воды», т. е. жаждущие проникнуть во вторую комнату, на прием к В. В.

Его же прятали в этой второй комнате, и я видела, что легче верблюду... и т. д.

— Вам по какому делу! Вы родственница? Нет? Службы ищете?

Глаза людей-конспирантов так и впились в меня.

— Я по личному делу...

— В. В. не может принять, он занят. Скажите секретарю, что вам нужно.

Господи! Сказать, что мне нужно!

Они бы ведь никогда не поняли, что мне просто хотелось повидать его на одно только мгновение, без всяких «дел и просьб» повидать, как раньше, о чем речь будет когда-нибудь потом.

Они бы ничего не поняли, если б я даже и пыталась объяснить им. По роду занятий эти люди обязаны были подозревать всех в чем угодно, только не в невинных намерениях, особенно незнакомую молоденькую женщину «по личному делу».

Ушла и пошла бродить по городу. Одесса мне решительно не нравилась. Что-то в ней было мучительно нездоровое... И эти толпы распущенных французов... Как мы могли их ждать. И чего мы от них ждали, развязных, наглых...

Около Фанкони и Робина[1] шла оживленная торговля. Биржевые маклера, мелкие, юркие жидочки, солидные купцы, серые шинели, женщины и голубые куцые фигуры французов — все это скопилось тут в тесном единении интересов.

«Какая смесь племен, наречий, состояний!..»[2]

Кто «интересовался с бриллиантами», кто, держась за пуговицу собеседника, говорил «за керосин», какой-то француз отсчитывал на ладони золотые монеты, подбрасывал их на ладони, подносил к самому носу какого-то неподвижного господина и доказывал что-то горячо и убедительно.

Словом, торговали все и всем — такое было впечатление — и казалось, что это и был главный импульс одесской жизни, интересов, стремлений.

В тот же вечер ко мне пришел В. Г. Иозефи[3] и просил взять на себя устройство общежития для приезжающих «киевлянинских» и «Голоса Киева». Я согласилась и со следующего же дня принялась за дело. Была найдена квартира в Малом переулке. В одной половине этой квартиры жил граф Владимир Бобринский[4] с семьей, в другой мною были размещены кровати для «беглецов», с матрацами, набитыми соломой, куплен уголь, самовар и др[угие] вещи. Устраивать все это было очень трудно, ибо В. Г. по крайней своей бережливости больших сумм на общежитие не отпускал. Для всех закупок я целые дни носилась по городу и, чтоб купить дешевле, толклась на Привозе[5]. Здесь можно было купить все, что угодно, а главное, что меня больше всего поражало, — это целые залежи военного обмундирования, сапог и револьверов, даже австрийские винтовки, и по очень дешевой цене.

[1] Имеются в виду популярные одесские кафе.

[2] Неточное цитирование строк из поэмы А. С. Пушкина «Братья-разбойники» (1822): «Не стая воронов слеталась / На груды тлеющих костей, / За Волгой, ночью, вкруг огней, / Удалых шайка собиралась. / Какая смесь одежд и лиц, / Племен, наречий, состояний! / Из хат, из келий, из темниц / Они стеклися для стяжаний!»

[3] Иозефи Владимир Германович (1873–1920) — гласный Киевской городской думы в 1905–1918, член Киевской городской управы. В 1919–1920 — один из ближайших соратников В. В. Шульгина, фактический издатель всех его печатных органов в годы Гражданской войны, сотрудник «Азбуки».

[4] Бобринский Владимир Алексеевич, граф (1867–1927) — депутат Государственной думы II, III и IV созывов. В 1918 — один из лидеров монархического союза «Наша Родина» в Киеве. С 1919 — в эмиграции.

[5] Привоз — крупный рынок в историческом центре Одессы, одна из городских достопримечательностей.

К этим вещам приценивались[1] какие-то люди в штатской или полуштатской одежде, люди весьма подозрительного вида...

А на фронте у нас взывали о сапогах, шинелях, солдаты почти раздеты, офицеры тоже Бог знает в чем.

Каюсь и я, грешная моя личность, купила военные палатки австрийского образца и сшила из них матрацы на кровати общежития.

Однажды ко мне пришел один из адъютантов Гр[ишина]-Алмазова, сын В.Г. И[озефи] — Котя[2].

Я знала его еще чистеньким, серьезным студентом [Петроградского института инженеров] путей сообщения. Он был очень нежный сын и брат, чуткий, воспитанный, прекрасно пел, играл на рояле и даже имел отношение к перу в смысле составления изящных и остроумных домашних пьес.

Теперь я его не узнала.

Охрипший от пьянства голос, развязные манеры и «плевательное отношение ко всему на свете».

— Ну, Котя, как поживаете?

— Благодарю вас, превосходно, работаем вовсю. Я адъютантом у Гр[ишина]-Алмазова. Замечательный человек! Когда не дежурим — то пьянствуем в Доме артиста и с Лидочкой Джонсон развлекаемся. А самое веселое (тут лицо его приняло выражение тупой, незнакомой жестокости) — это когда делаем облавы на большевиков.

— Да где же тут большевики?

— Да повсюду, где хотите. Возьмите любой рабочий квартал... Мы арестовываем и ведем... Пустим бежать и выведем в расход. Только лучше без возни, приведем на берег моря, камень на шею — и в дельфинский комитет. Готово. С жидовской сволочью то же самое.

На меня вдруг жутко повеяло недавним Петербургом, кронштадтскими фортами, баржами с сотнями арестованных офицеров...

Я Котю знала давно. Он был чуткий, добрый, он был «с содержанием».

Пошел в добровольцы, воевал в Астраханской армии[3], теперь стремился в армию Деникина. Если он такой, то какие же другие, «без содержания»?

Где же герои и мученики «Ледяного» похода[4]? Где же безупречные рыцари добра и умиротворения? Где воины «с мечом в руке, с крестом в сердце»?

Словно мир повернулся ко мне своей другой стороной...

«...Эх... эх... без креста...» — вспомнилось мне[5].

Точно те же большевики.

И те и другие были русские люди, «потерявшие себя» за революцию, озверевшие в Гражданской войне, опьяневшие от крови. Быть может, мужик одного села неистово грабил и жег хату своего кума в селе соседнем, а два кадетика, учившиеся на одной парте военным премудростям и любви к Родине, жарко схватились в жестокой борьбе, горя самой черной ненавистью друг к другу. Один «белый», другой «красный». Оба вешали и на кострах жгли жидов, оба грабили.

Помню, как один «белый» офицер показывал мне карточку своей жены. Я невольно воскликнула: «Господи! Миша, как вы ее одели, и чего только на ней нет? И эта ужасная шляпа...»

Он мне весело и самодовольно ответил: «Шляпу стащил с повешенной жидовки, а все остальное «от благодарного населения». Надо запасаться — неизвестно, что дальше будет. А вот это (тут он вытащил несколько золотых вещей) — с убитого капитана П. снял. Он мой однокашник по Павловскому военному училищу и у красных служил. Тоже награбил, мерзавец!»

Раз встретила на улице мою подругу по институту. После обычных приветствий всегдашний вопрос: «Кого из наших видела?»

— А ты помнишь Соню [де] Б[оде][1]? Она в классе с твоей сестрой была и тебя столько лет «обожала».

Соня [де] Б[оде]... Конечно, я ее помню: высокая девочка, черные волосы, смуглый цвет лица и глаза зеленоватого оттенка. Помню, как она всегда краснела в моем присутствии и в радостный день моего выпуска явилась робкая, красная до корня волос и, безжалостно теребя кончик батистового передника, словно взмолилась: «Дина, дайте мне пожалуйста вашу карточку... только ту, где вы на арфе играете... Тогда я больше всего вас обожала». И умчалась. Карточку я ей дала и никогда ее больше не видела.

— Так вот, знаешь, С[оня] [де] Б[оде] поступила во время войны после своего выпуска в московское Ал[ександровское] училище и чудно кончила, потом на фронте ротой командовала. Затем была с Корниловым в походе, и ей сказали, что ее отца убили большевики (это потом оказалось неправдой), так она решила мстить и безжалостно перестреливала сама всех пленных по очереди и как будто даже с удовольствием. И такой ужас: в том же походе был старший брат С[офии] Н[иколаевны] Коля. После боя привели пленных, и Соня [де] Б[оде], сидя на лошади, опять всех перестреляла, и, можешь себе представить, среди этих пленных оказался младший брат Коли, кадет, 15 лет ему было. Он пробирался к Корнилову, а его зацапали большевики за день до этого, он и сдался в плен, чтоб перейти на нашу сторону. При нем нашли письмо к его маме, которое он думал еще как-нибудь на большевистской территории отправить, и в нем все описание, как он путешествовал и что, наверное, скоро увидит Колю.

Коля так рыдал над его телом и в тот же вечер сам был убит. Говорят, что нарочно бросился в самый огонь[2]. А через несколько дней Соня [де] Б[оде] где-то от своих отстала, большевики ее поймали и просто зарубили в куски.

[1] Первоначально написано «Около этих вещей торчали».

[2] Иозефи Николай Владимирович (1898–1919) — старший сын В.Г. Иозефи. В конце 1918 — начале 1919 — адъютант А.Н. Гришина-Алмазова.

[3] Астраханская армия — оперативно-стратегическое объединение белых войск, состоявшее из монархистов. Формировалась в 1918 на Дону при содействии немцев, донского атамана П.Н. Краснова и гетмана П.П. Скоропадского. В дальнейшем вошла в состав ВСЮР.

[4] Первый Кубанский («Ледяной») поход — первый поход Добровольческой армии на Кубань с 9 (22) февраля по 30 апреля (13 мая) 1918. Проходивший в чрезвычайно трудных условиях, поход сформировал костяк армии и поспособствовал появлению особого ореола, окружавшего «первопоходников».

[5] Далее зачеркнуто «из поэмы Блока «Двенадцать»».

[1] Де Боде София Николаевна, баронесса (1897–1918) — прапорщик, одна из первых женщин-офицеров Русской армии. Участница Ледяного похода Добровольческой армии. Отличалась невероятной храбростью и безграничной жестокостью по отношению к большевикам.

[2] Приведенная история выглядит не вполне достоверной. Во-первых, не ясно, почему убитый кадет был братом только Николая де Боде, но не Софии де Боде. Возможно, речь могла бы идти о сводном родстве, но в самом рассказе этой коллизии не дано никакого объяснения. Во-вторых, штаб-ротмистр Николай Николаевич де Боде не мог участвовать в этом походе Добровольческой армии, так как был арестован в конце 1917 за участие в подпольной организации В.М. Пуришкевича и находился на тот момент в заключении (был амнистирован в мае 1918, когда София де Боде была уже мертва). Зато в походе участвовал подпоручик Лев Николаевич де Боде.

Корнилов[1] ее пороть хотел за все это и за то, что она в кур и петухов стреляла и грабила, да она все-таки женщина и офицер вдобавок, да и Таля Корнилова[2] за нее заступилась. Даже суд, говорят, какой-то был...

Господи! В сердце молоденькой девушки столько жестокости, столько ненависти... Ну просто как-то не верилось...

Нет, надо знать всю нашу долгую жизнь в четырех стенах Смольного, весь стиль и настроения и громадное влияние на нас Княжны[3], человека совершенно безупречного, чтобы понять и мое величайшее недоумение перед личностью и поступками этой Сони [де] Б[оде].

В голове не укладывалось... просто душа, что называется, «не понимала»...

А между тем были люди, которые ею восхищались, ей сочувствовали, нашлись такие, которые ей следовали.

Много передо мною промелькнуло лиц, я говорю про офицеров. Одни шли на фронт, чтоб «мстить большевикам», другие — «грабить награбленное», третьи — потому что ни к чему другому, кроме походной жизни, не были способны, четвертые — «потому что стыдно не идти», остальные — кто мог — устраивались в штабах, пропагандах, командировках и пр., но «креста в сердце» ни у кого не было. Это я знала наверное.

Было одно гнездо... Марковский конвой генерала Тимановского[4]. Это все были участники Ледяного похода, служившие еще под начальством покойного генерала Маркова[5], люди крепкие и сильные духом, но, к сожалению, перекалеченные в бесчисленных боях, вроде самого Тимановского: 25 ран серьезных, не считая «царапин».

Их политическое credo было довольно несложное. Они уважали и ценили всякого, кто был храбр и предан делу Добровольческой армии. Так, вестовым у Тимановского был еврей Френкель, вынесший когда-то раненого Тимановского из боя. С тех пор и он участвовал во многих боях и, будучи на излечении после раны, поступил к Тимановскому в вестовые. Был у них и латыш, взятый в плен, и тоже ценился и уважался как храбрый вояка, и тоже «их».

Французы с Тимановским заигрывали. Еще во время Великой войны в Ставке на георгиевском празднике, где государь особенно отличал Тимановского, был ему пожалован французами орден Почетного легиона. Все его ордена, и этот тоже, остались в Петербурге, а в Добровольческой армии Тимановский не мог их по своему вечному безденежью купить.

Так однажды ген[ерал] д'Ансельм[6] приехал к нему сам и, сняв с себя орден, нацепил Тимановскому.

[1] Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — военачальник, генерал от инфантерии. В августе 1917 — главнокомандующий русской армии. Один из организаторов и главнокомандующий Добровольческой армии.
[2] Дочь Л.Г. Корнилова Наталья Лавровна Корнилова (по мужу Шапрон дю Ларре) (1897–1983).
[3] По всей видимости, речь идет о княжне Елене Александровне Ливен (1842–1915) — начальнице Смольного института благородных девиц в 1895–1915.
[4] Тимановский Николай Степанович (1889–1919) — генерал-майор, первопоходник. В 1918 — командир Марковского полка. С ноября 1918 — командир Одесской стрелковой бригады; в июне — ноябре 1919 — командир 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии; в ноябре — декабре 1919 — командир Марковской дивизии.
[5] Марков Сергей Леонидович (1878–1918) — генерал-лейтенант; один из организаторов Добровольческой армии и лидеров Белого движения на Юге России.
[6] Д'Ансельм Филипп Анри Жозеф (1864–1936) — французский бригадный генерал. В январе — апреле 1919 — командующий войсками Антанты на Юге России.

Французы вечно приставали к нему с Гр[ишиным]-Алмазовым, спрашивали о Шварце[1], кот[орого] они намечали на место Гр[ишина]-Алмазова, и вообще хотели Тимановского вовлечь в свои интриги, но он отвечал, что он не политик, а солдат и что всякие перемены пагубны для дела.

Большую же часть времени он проводил на фронте и приходил в отчаяние: «Еще врагом и не пахнет, как французы лупят назад, за ними — греки... Только нашим голову морочат... А их — раз, два и обчелся. Ну где тут удержаться. Шли бы они к черту, эти союзнички», — говаривал он с горечью.

Действительно, удержаться было трудно, особенно с помощью enfants de la Patrie[2] со всеми их «разноцветными войсками».

В один из дней...

«Я помню день... ах, это было счастье...»[3]

Меня пригласили на службу в Отдел пропаганды и отдали в распоряжение В. В., который, что называется, «верховодил» вначале этим учреждением в Одессе.

До этого я была раз в Лондонской гостинице, сидела и ждала Владимира Германовича Иозефи. Тогда вышел на минуту В. В., поздоровался и сейчас же ушел. Он меня не узнал, но... и я его едва узнала. Где же было узнать? Сразу потерять два дорогих существа почти в одно время[4]. Немножко много для одной человеческой души.

Такая жалость меня охватила... И он еще должен был работать, писать, думать...

Думать за сотни, за тысячи людей. Даже за тех конспирантов и секретаря, якобы оберегающих его покой, ибо привилегия всех людей, находящихся в орбите его вращения, что им можно не шевелить мозгами... Он один за всех.

Да, он был один, и потому его было так безумно жалко. И никто к нему не умел и не смел и не мог подойти...

* * *

Итак, я поступила на службу. Ко мне сразу «конспиранты» отнеслись как-то подозрительно. За что? Я не знала. Я была больше «их», чем они сами. Тем не менее, мне давались переписывать донесения «Азбуки»[5] и всевозможные агентурные сведения на месте, которые мало утешали. Так однажды я узнала, что полковник Фрейденберг[6], нач[альник] штаба фр[анцузского] командования, получил взятку в 5 000 000 от Петлюры за соглашение с ним как с представителем отдельного государства. По этому соглашению к французам переходило высшее командование над армией, которую Петлюра должен сорганизовать и вести в наступление против большевиков.

[1] Шварц Алексей Владимирович фон (1874–1953) — генерал-лейтенант, военный инженер. В марте 1919 без согласования с А.И. Деникиным назначен французами военным генерал-губернатором Одессы и командующим всеми русскими войсками в Одесском районе. С апреля 1919 — в эмиграции.
[2] Дети Отечества (фр.) — слова из «Марсельсезы».
[3] Строки из романса Ю.С. Морфесси «Я помню день» (слова и музыка Б.С. Борисова).
[4] Речь идет о сыне В.В. Шульгина Василиде, погибшем в бою с петлюровцами во время обороны Киева, и секретарше и любовнице В.В. Шульгина Л.А. Пововой, умершей от «испанки» в Яссах.
[5] «Азбука» — осведомительная и разведывательная организация южнорусского Белого движения, основанная В.В. Шульгиным.
[6] Фрейденберг Анри (1876–1975) — французский военачальник. В 1919 — полковник, начальник штаба генерала д'Ансельма. Фактически руководил деятельностью союзников в Одессе, проводил политику, направленную против Добровольческой армии. После эвакуации войск Антанты из Одессы за самовольные действия отдан под суд, оправдан.

Помню, как шумел тогда весь 17-й номер Лондонской по этому поводу, а я молчала и, каюсь, думала: преступление Фрейденберга только во взятке, а не все ли равно, с кем согласиться, — лишь бы сломить большевиков.

Писала я и другие донесения, более похожие на сплетни, в которых подробно выяснялось, кто на ком женат, кто жид, кто вор и немецкий шпион. Много доставалось и жене фр[анцузского] консула Энно[1], которая мне, между прочим, очень не нравилась. Один раз В. В. потерял терпение и продиктовал мне довольно суровый выговор «агентам» и «информаторам», в кот[ором], между прочим, указывал на недопустимость многих выражений, кот[орыми] так и пестрели донесения. Словом, стиль «неглиже с отвагой».

К В. В. все также масса пробивалось народу. Приходил член Думы Крупенский[2], Меллер-Закомельский[3], прибегал А. И. Пильц[4], пом[ощник] Гришина-Алмазова по гражданской части, П. Н. Савицкий[5], член Думы Титов[6] (расстриженный священник), нач[альник] От[дела] пропаганды Толмачев[7], осважники Кашкин, Надервель и К°, приезжал сам Гришин-Алмазов, кот[орого] впускали без очереди, приходила страшно самонадеянная с виду M-me Энно, являлась настойчивая генеральша Левицкая — громоздкая постройка с невероятно тяжелым взглядом. Прилетал Пуришкевич[8] и оставлял груду каких-то записок, которые никто не читал. И проч. и проч., «их же имена Ты, Господи, веси».

А я тем временем выстукивала об организациях германской партии, возглавляемой Бискупским[9], и о том, что этот генерал Бискупский захотел быть гетманом «Украины» и написал об этом бумагу французам. Был и еще один кандидат в гетманы, некто от партии «хлеборобов», Котов-Коношенко[10]. Французы спросили по этому поводу Меллер-Закомельского, а он сказал, что никакого гетмана не надо.

[1] Энно Эмиль — французский военный, разведчик и дипломат. Капитан французской армии, представитель военной разведки при французском посланнике в Румынии. В 1918 — управляющий вице-консульства Франции в Киеве. Представитель держав Антанты на Украине (ноябрь — декабрь 1918). В конце 1918 — начале 1919 — один из идеологов французской интервенции на Юге России. Энно (Погребинская) Евгения Марковна — жена Э. Энно, участница группы В. В. Шульгина.

[2] Крупенский Павел Николаевич (1863–1939) — депутат II, III и IV Государственных дум от Бессарабии. Действительный статский советник в звании камергера. С 1919 — в эмиграции во Франции.

[3] Меллер-Закомельский Владимир Владимирович, барон (1863–1920) — предприниматель и политический деятель, член Государственного совета в 1912–1917 (фракция центра), член ЦК «Союза 17 октября». В 1918 — председатель Совета государственного объединения России. В 1920 эмигрировал.

[4] Пильц Александр Иванович (1870–1944) — русский государственный деятель. В конце 1918 — начале 1919 — помощник А. Н. Гришина-Алмазова по гражданской части (де-факто гражданский губернатор Одессы и глава местного правительства). С 1920 в эмиграции.

[5] Савицкий Петр Николаевич (1895–1968) — географ, экономист и общественный деятель. В 1919 был близок к группе В. В. Шульгина.

[6] Титов Иван Васильевич (1879–1948) — депутат Государственной думы III и IV созывов (фракция прогрессистов). С 1919 — в эмиграции.

[7] Толмачев — полковник, начальник одесского отделения Осведомительного агентства в начале 1919. В эти же дни в Одессе некий полковник Военно-судебного ведомства Толмачев стал помощником военного прокурора Одесского военно-окружного суда. Возможно, это одно и то же лицо.

[8] Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — депутат Государственной думы II, III и IV созывов. Один из лидеров Союза русского народа, создатель и лидер Русского народного союза имени Михаила Архангела.

[9] Бискупский Василий Викторович (1878–1945) — генерал-майор. В 1918 — начальник 1-й конной дивизии армии Украинской державы, дислоцированной в районе Одессы. С 1919 — в эмиграции.

[10] Котов-Коношенко Ефим Емельянович — харьковский помещик. В 1918 — начале 1919 — представитель Всеукраинской народной громады и Всеукраинского союза хлеборобов. Рассматривался как кандидат в новые гетманы или члены Южнорусского правительства, организуемого при содействии французов.

9 января открылась газета «РОССИЯ», в первом номере которой было помещено «Открытое письмо В. В. Шульгина к г. Петлюре». (Это письмо и все статьи В. В. прилагаются 1.)

Газета просуществовала 15 дней и была закрыта приказом французского командования на 8 дней, во-первых, за статью В. В. «Протекторат»[2], во-вторых, за статью В. Г. Иозефи «Нашим союзникам»[3], в-третьих, за статью В. В. «Зачем?»[4].

Через день после этого приказа В. В. велел выпустить листок с его статьей, в которой говорилось, почему он газеты, несмотря на разрешение французов, не возобновит; тут же была помещена его знаменитая статья из последнего номера «Киевлянина» при немцах, письмо ген[ерала] Гришина-Алмазова и приказ французов о закрытии газеты, причем chef d'Escadron[5], подписавший эту «Note de Service»[6], умолял его подписи не печатать.

С тех пор прошло еще достаточное количество дней, пока не открылась газета «Южная Русь» под редакцией Ефимовского[7], и В. В. уже в ней больше не писал.

В. В. я видела редко. Однажды он вышел в первую комнату, где я работала, и говорил по телефону с Гр[ишиным]-Алм[азовым]. Потом секретарь (Домбровский[8]) спросил его: «Что, В. В., скоро кончатся большевики?»

В. В. посмотрел кругом и, как-то медленно выговаривая слова, произнес: «С большевиками нельзя бороться оружием — это все не поможет... их надо изжить». И ушел.

— Их надо изжить... — потом долго и мучительно вертелось у меня в голове... — Изжить... как это будет долго, пока все: и «они», и «мы» что-то поймем... в чем-то согласимся и все, все перестрадаем...

О, мне так иногда хотелось поговорить с ним! Я не смела. Иногда мне хотелось взять его голову, прижать к себе и говорить ему хорошие, ласковые слова... Утешать же его в его безграничном горе было невозможно, ибо утешать смеет только тот, кто может помочь. Я даже не могла ему помочь жить, а жить ему было невыносимо, и я это чувствовала.

С утра я приходила в Лондонскую и сидела до позднего вечера, голодная, иногда замерзшая, ибо в гостинице не топили. Обо мне никто не заботился.

Все уходили обедать и уже не думали о том, что я «личность подозрительная»; а полковник Карамышев[9] мне грубовато говорил: «Ну, вы остаетесь здесь, так если что — доложите В. В.» И я подходила к телефону, объяснялась с посетителями, и, входя во «Святое Святых», докладывала В. В. о происходящем, ожидая повелений.

В эти мелочи я вкладывала всю мою душу и мое еще тогда детское сердце радовалось, что вот все ушли, а я сижу и стерегу его покой.

Иногда бывали насмешки и шуточки на мой счет со стороны «конспирантов». Они меня не касались. В моей душе была такая крепкая, искренняя, бескорыст-

[1] Н. С. фон Раабен сохранила статьи В. В. Шульгина из «России» и переслала их ему для работы над книгой «1919 год».

[2] Шульгин В. Протекторат // Россия. 1919. 1 февраля (19 января). № 10. С. 1.

[3] Иозефи В. Нашим союзникам // Россия. 1919. 6 февраля (24 января). № 14. С. 1.

[4] Шульгин В. Зачем? // Россия. 1919. 24 (11) января. № 3. С. 1.

[5] Командир эскадрона (фр.), аналог русского ротмистра.

[6] Служебная записка (фр.).

[7] Ефимовский Евгений Амвросиевич (1885–1964) — один из лидеров правого крыла Конституционно-демократической партии, председатель Национального культурно-политического общества «Русь», сотрудник «Азбуки». В начале 1919 — редактор одесских газет «Россия» и «Южная Русь». С 1919 — в эмиграции.

[8] Домбровский Борис Витальевич (1883–1931) — присяжный поверенный, в 1919 — поручик ВСЮР и сотрудник В. В. Шульгина. С 1920 — в эмиграции.

[9] Карамышев Владимир Дмитриевич (1881–1936) — полковник (1917), генерал-майор (1920). В начале 1919 — начальник одесского отделения «Азбуки» (псевдоним «Иже»). С 1920 — в эмиграции.

ная и всепоглощающая любовь, что где ж могли достать до меня люди с их грубыми руками?

Однажды я вошла в подъезд Лондонской гост[иницы], а В. В. спускался по лестнице и шел в церковь. Он поздоровался и спросил, кончилась ли обедня? Я ему ответила и неожиданно для себя прибавила: «Ах, если бы вы знали, мне вас так, так жалко!» Он посмотрел на меня, ничего не сказал и поцеловал мне руку.

Это было 6 января в день Крещения.

* * *

После закрытия газеты и выпуска листка В. В. переехал с семьей и «Азбукой» в отдельный особнячок на Южной улице. Я стала ходить работать туда. Посетителей было меньше, и В. В. чаще показывался. Когда же его не бывало дома, я до сих пор помню, какое меня охватывало дикое беспокойство и мерещились всякие ужасы. С моей точки зрения, его должен был сопровождать не иначе как весь конвой Тимановского, и нечего говорить о том, как увеличились мои мучения после покушения у его калитки на Гр[ишина]-Алмазова, с которым он вместе приехал в автомобиле.

Как-то раз два дня подряд он пропадал не то у Линниченки[1] или еще где-то; не пришел обедать, и даже Е[катерина] Г[ригорьевна][2] недоумевала.

Тогда, на третий день, войдя с бумагами к нему в кабинет, я вылила крупичку моих терзаний: «Я вас так давно не видела!» Он улыбнулся и ответил: «Я был счастливее — я вас видел издали».

* * *

Мой муж часто дразнил меня и говорил: «Вы с В. В. как-то подходите друг к другу. Словно у вас какое-то сродство душ». Я сердилась и эти разговоры считала святотатством.

Он иногда спрашивал: «Что же тебе так в нем нравится?»

— Все... он чудный... и глаза... как лучи...

— Да, это правда, когда он смотрит, то ничего не видишь, кроме его глаз, и кажется, что они освещают всю комнату. Глаза замечательные, — соглашался он.

— И потом, он такой у-у-у-умный! — говорила я, ободренная сочувствием, — такой у-у-умный, что даже страшно, и один... это тоже страшно...

— Да как же один? Ведь с ним Е[катерина] Г[ригорьевна], дети...

— Это ничего не значит. Это и есть самое необычное в мире, чтобы человек был так один. Всякий себе кого-нибудь найдет, даже если у него все умерли. А тут его жена, братья, сыновья, но все они далеки и чужды ему сейчас, у него в доме, полном людей, нет ни одного друга, ни одного близкого человека, вокруг него такая тьма, а в нем самом его собственные тяжелые мысли... Как жутко...

— Ну, поехала! Ты, кажется, бредишь. Я запрещу тебе ходить туда.

[1] Линниченко Иван Андреевич (1857–1926) — историк и педагог, профессор Новороссийского университета. В 1919 — председатель Малорусского отдела Подготовительной по национальным делам комиссии Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР.

[2] Шульгина (Градовская) Екатерина Григорьевна (1879–1934) — первая жена В. В. Шульгина. Сотрудница «Киевлянина» (писала под псевдонимом «А. Ежов»). В 1917 основала Внепартийный блок русских избирателей, товарищ председателя Национального культурно-политического общества «Русь». С 1922 — в эмиграции.

Но запретить мне «туда ходить» уже не было никакой возможности. Никакие «воздействия» и «реприманды»[1], применяемые ко мне в случае непослушания, конечно бы, не помогли, да их в этот раз и не последовало.

Моему мужу вообще было бесконечно чуждо и непонятно все мое существо, а на мои чувства к В. В. (первые за всю нашу совместную жизнь) он смотрел как на Sturm und Drang Periode[2], который неизбежно должна пережить всякая женщина, и чем скорее, тем лучше.

* * *

В одно из воскресений у В. В. был устроен чай. Этот «чай» начался в пять часов и продлился до поздней ночи. Из приглашенных были: Гр[ишин]-Алмазов со своим штаб-офицером для поручений, оба профессора Билимовичи[3] с женами, Ефимовский с Зоей[4], В. М. Левитский[5], проф. Богаевский[6], Карамышев с женой, Павел Дмитриевич [Пихно][7], мой муж, я, Щелгачев[8], Ершик[9], Бенары[10], В. Г. Иозефи с сыновьями.

Этот вечер был довольно оживленный и ничем особенным не ознаменовался. В. В. сидел против меня, а рядом с ним Е. А. Билимович[11], которая, напустив томность в голос и в свои заплывшие жиром глазки, говорила В. В., «что нельзя же так терзаться» и т. д. В. В. ее рассеянно слушал, и я возликовала, когда ее отсадили и на ее место посадили приехавшего Гр[ишина]-Алмазова.

Вскоре после этого вечера я заболела воспалением легких. В то время вся Одесса была обуреваема жаждой и любовью к обществам, собраниям, лекциям и т. п.

Мой муж тоже заразился общим недугом и еще раньше организовывал Общество борьбы с анархией, устав коего этак в пунктах шестидесяти я переписывала раз десять. Собрание этого общества происходили на квартире Ермакова[12] (дирек-

[1] Реприманд (от фр. réprimande — выговор) — упрек, выговор, нагоняй.

[2] Период бури и натиска (нем.).

[3] Билимович Александр Дмитриевич (1876–1963) — экономист и общественно-политический деятель. Муж сводной сестры В. В. Шульгина. Профессор Киевского императорского университета св. Владимира. Участник группы В. В. Шульгина. В 1919 — член Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР, начальник Управления земледелия и землеустройства. С 1920 — в эмиграции.
Билимович Антон Дмитриевич (1879–1970) — математик, профессор Новороссийского университета в Одессе, в 1918–1920 его ректор. В конце 1918 — начале 1919 возглавлял ведомство народного просвещения в правительстве при военном губернаторе Одессы. С 1920 — в эмиграции.

[4] Ефимовская (Ушакова) Зоя Григорьевна (1898–1984) — певица, пианистка, хормейстер. Жена Е. А. Ефимовского. С 1919 — в эмиграции.

[5] Левитский Валерий Михайлович (1886–1946) — юрист и журналист. Член киевского городского комитета Конституционно-демократической партии. Участник группы В. В. Шульгина. В 1919–1920 — редактор газеты «Великая Россия». С 1920 — в эмиграции.

[6] Богаевский Петр Михайлович (1866–1929) — юрист и этнограф. Профессор Киевского императорского университета св. Владимира. Участник группы В. В. Шульгина. С 1920 — в эмиграции.

[7] Пихно Павел Дмитриевич (1880–1919) — журналист, поэт, сотрудник «Киевлянина». Официально сводный (в действительности — родной) брат В. В. Шульгина.

[8] Щелгачев Всеволод Ионович — штабс-капитан, сотрудник «Азбуки».

[9] Имеется в виду сотрудник «Азбуки» поручик Владимир Ионович Ершов (ум. 1968).

[10] Имеются в виду сотрудники «Азбуки» подпоручик Борис Николаевич Бенар и вольноопределяющийся Владимир Николаевич Бенар.

[11] Билимович (Кисилева) Елена Андреевна (1878–1974) — художница, жена Антона Билимовича. С 1920 — в эмиграции

[12] Ермаков Мстислав Петрович (1873–1960) — инженер-механик, генерал-лейтенант (1920). В начале 1919 — директор РОПИТ. С 1920 в эмиграции.

тора Ропита[1]), и из членов я помню, кроме Ермаковых, еще члена Думы Титова с женой, остальные фамилии забыла.

В пользу этого общества муж решил устроить «Суд над Лениным и Троцким», где участвовал П. Рысс[2], член Думы Масленников[3] и другие, которые, в конце концов, и Ленина, и Троцкого «засудили».

На эту лекцию билетов заранее никто не брал, ибо боялись эксцессов, а в день лекции зал был полон, стоял наряд милиции, и лекция имела успех.

Так вот, благодаря всему этому, я лежала совершенно одна, без всякой помощи, не то что медицинской, а просто некому было подать стакан воды. Но меня огорчало не это, а то, что я, быть может, долго не увижу В. В. Тогда только мне стало лучше, я ухитрилась написать и послать В. В. письмо, в котором объяснила причину моего непоявления на службу.

В первый же день, как я встала, муж собрался уезжать в Ростов, и я поехала его провожать. Огромный пароход «Владимир» стоял у пристани. Мы простились, но пароход не отходил, и разнеслись слухи, что по приказанию французского командования ген[ерал] Санников[4] уезжает «со спешными и важными письмами» к Деникину, а ген[ерал] Гр[ишин]-Алмазов обязан его сопровождать.

Действительно, подъехало два автомобиля. В одном сидел ген[ерал] Санников с кучей родственников и баулов, в другом — ген[ерал] Гришин-Алмазов и В. В.

Ген[ерал] Гр[ишин]-Алм[азов] прощался с провожающими, поцеловался с В. В. и пошел на борт парохода. Оттуда что-то весело вопил и советовал и остальным не засиживаться в Одессе... Словом, последние напутствия.

Пароход отошел.

Я стояла на молу совсем замерзшая — в тот день поднялась настоящая вьюга. Ко мне подошел В. В., предложил довезти до дому и, не дожидаясь моего согласия, посадил в автомобиль. С нами еще поехал Савицкий, кот[орого] мы высадили по дороге.

В. В. меня что-то спрашивал, я отвечала, но что — не помню совершенно. Мне хотелось попросить его, чтобы он зашел ко мне, — я не могла... Почему — не знаю. Но я была уверена, что он и так зайдет. Он не зашел. Мы простились, и он уехал. Я была так уверена, что он придет... целые вечера потом я сидела и напряженно ждала... ждала...

* * *

Наступила весна. С раннего утра я вставала и гуляла по улицам, ожидая приличиями дозволенного часа, чтобы идти «к нему».

Однажды мне так захотелось снести ему цветов! Их столько продавалось на углу Екатерининской улицы, красивых и душистых, а в его доме было так неуютно и пусто, так не пахло весной!

[1] Имеется в виду Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ) — одесская судоходная компания, существовавшая в 1856–1920.

[2] Рысс Петр Яковлевич (1870–1948) — журналист, литератор; член Конституционно-демократической партии, принадлежал к ее правому крылу. Эмигрировал.

[3] Масленников Александр Михайлович (1858–1950) — депутат Государственной думы III и IV созывов (первоначально кадет, затем прогрессист). В 1917 — комиссар Временного комитета Государственной думы, член Временного совета Российской республики. Участник Белого движения на Юге России. Эмигрировал.

[4] Санников Александр Сергеевич (1866–1931) — генерал-лейтенант. В январе — феврале 1919 — главнокомандующий войсками Юго-Западного края. В марте 1919 г. выслан французами из Одессы. С 1920 — в эмиграции.

Денег у меня не было. Я сняла с руки браслет, на котором бриллиантами было выложено мое имя, и дала торговке. Та оценила, куда-то побежала и через секунду прибежала обратно, отдав мне весь пучок фиалок и какие-то бумажки «сдачи». Это и был впоследствии «капитал на цветы».

Счастливая, полетела я на Южную. В. В. дома не было. Я вошла в его кабинет и положила фиалки на письменный стол. Сердце сильно билось, на душе было радостно.

Потом это повторялось систематически.

Как-то раз В. В. меня зачем-то позвал. Я вошла, пряча за спиной букетик. Когда он наклонился над столом, что-то подписывая, я быстро положила цветы. Он не заметил...

Да я и не думала о том, замечает ли он, да и не это было важно...

Важно, чтоб эти первые, весенние и нежные цветы, а главное, живые... живые... стояли на письменном столе в тоскливой тишине его одинокой комнаты.

* * *

Теперь я В. В. видела значительно чаще. Он больше выходил из дому, и раз мы молча вместе дошли до какого-то банка.

Другой раз я пошла его провожать к проф[ессору] Линниченке и, прощаясь, он сказал мне: «Благодарю вас, что вы меня проводили». В голосе звучали теплые нотки...

А у меня вырвалось: «О, я всегда готова!.. каждый день... и на край света!..»

Он улыбнулся одними... лучами...

* * *

(Наши встречи минутны, наши встречи случайны,
Но я жду их, люблю их... А... Ты?[1])

* * *

Вскоре началась моя дружба с Лялей[2]. Часто и он, и Димка[3] носились мимо меня, часто я слышала их вопли из соседней комнаты: «Царь!», «Дмитрий Шульгин!» Часто мы улыбались друг другу, но в разговоры никогда почему-то не вступали. Стеснялись — и я, и они.

Раз вдруг Лялька решительно подсел ко мне и заговорил о «своем личном друге Ленине» и о своей тайной переписке с ним и т. д. Между прочим, он великолепно говорил на «мове» и такой же был «украинец», как и «друг Ленина». Я смеялась. Потом он сказал:

— У Вас, кажется, бывает Петя И.[4], я с ним вместе в гимназии.

— Да, бывает. И вы, если хотите, можете прийти.

Он окончательно оживился: «Тогда я вместе с Петей, сегодня вечером!»

Вечером они пришли.

Мы пили чай, разговаривали, Лялька декламировал, шумел и словесно громил жидов. Мои евреечки за стеной едва дышали. Эти вечера потом повторялись уже без приглашений.

[1] Слова из песни А. Н. Вертинского «Наши встречи» (слова А. Кривича).

[2] Шульгин Вениамин Васильевич («Ляля») (1901–1925(?)) — средний сын В. В. Шульгина. В 1919 — ученик гимназии, участник «Азбуки».

[3] Шульгин Дмитрий Васильевич (1905–1999) — младший сын В. В. Шульгина, в 1919 — ученик гимназии.

[4] Возможно, речь идет о младшем из сыновей В. Г. Иозефи.

Один раз Лялька мне дал понюхать какой-то беленький порошок. Понюхала. Понравилось. Вдруг сделалось весело, захотелось бегать, говорить, смеяться.

Потом неудержимо захотелось понюхать еще и еще... Это был кокаин. Я себе его достала и нюхала целую неделю, после чего бросила. Мне вдруг показалось унизительным быть все время в состоянии какого-то опьянения, и хотелось все впечатления жизни воспринимать в трезвом виде, и от них уже терять голову или удариться в слезы.

Злые языки, в частности полк[овник] Самохвалов[1], стали говорить, что я «совращаю» Лялю, «спаиваю» его и «научила его нюхать кокаин».

А в «слезы мне пришлось удариться», и очень скоро.

Вдруг узнаю, что «сегодня прощальный обед», а «завтра В. В. со всей семьей уезжает». Уезжает...

Немедленно я пошла к В. В. в кабинет и попросила позволить мне ехать с ним, сбивчиво объясняя, что мне ничего не нужно, ни жалованья, ничего, что сейчас я могу прожить и так и просто буду помогать ему работать.

В. В. стоял передо мной мрачный, <...>[2] и какой-то сухой, что ему совершенно и никогда не было свойственно.

Бесконечно усталым голосом он говорил, что работать больше не собирается, что не знает, что с ним будет дальше и т. д.

Я не слушала. Его голос доносился до меня словно издалека. Я только поняла, что нужна ему как прошлогодний снег, и что он не понял, не захотел понять меня!

Я вышла. Кругом бегали и суетились «азбучники», укладывались и звали на обед. Я не пошла. Ведь если он хотел, он бы мог сам пригласить меня...

Я сидела одна в большой гостиной, перебирала бумаги и рыдала, рыдала... Пришла М[ария] Н[иколаевна] Х[омякова][3], спросила, о чем я плачу — я даже не могла ответить...

Тогда она сказала, что знает, посадила к себе на колени и стала утешать как девчонку. А я все ревела и не могла остановиться.

Снизу слышались голоса, кричали «ура». Потом все смолкло. Очевидно, В. В. говорил речь. Мне потом передавали, что он сказал тогда речь замечательную. Многие плакали.

На обед я так и не пошла и еще до его окончания, не помню как, добралась домой.

Пришли Петя и Ляля, оба взволнованные и огорченные, уговаривали ехать, успокаивали, вытащили мои чемоданы и стали укладывать вещи. Лялька сам чуть не плакал: «Да Биб[4] вас любит», — уговаривал он меня с отчаянием...

«Любит!» Это звучало жестокой насмешкой... Я понимала, что у него сердце заперто на ключ, а душа открыта для целого мира, но теперь я знала тоже, что в этой душе для меня места не было.

Мальчики деятельно укладывали пожитки. Ехать я отказалась решительно и улеглась спать. Сил во мне больше не было.

[1] Самохвалов Петр Титович (1869–1946) — жандармский полковник, в 1918–1919 — заместитель начальника «Азбуки» (псевдоним «Око»). В 1920 — начальник контрразведки Русской армии П. Н. Врангеля. С 1920 — в эмиграции.

[2] Слово плохо пропечатано. Возможно, «колючий».

[3] Хомякова Мария Николаевна (1883–1944(?)) — дочь бывшего председателя Государственной думы Н. А. Хомякова, сотрудница «Азбуки». Эмигрировала.

[4] Биб (Боб) — семейное прозвище В. В. Шульгина. Позднее он вспоминал: «"Биб!" Жизнь иррациональна. Выдумщица. Так они меня называли. Начала Катя. Это ее было изобретение. Слушая ее, подхватили дети, мои мальчики. Они никогда не называли меня "папа", как полагается; как бывает в других семьях. Биб, да Биб!» (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 4. Д. 57. Л. 86 об.).

В 4-й час утра зазвонил будильник, предусмотрительно заведенный Петей. Я его отшвырнула на пол и заснула опять.

* * *

В дверь постучали. Я проснулась, накинула халат и побежала отворять.

В комнату шагнул Ляля, серьезный, даже торжественный.

— Вам от В. В. Шульгина письмо, — сказал он официальным чужим тоном, протянул конверт и вышел.

В глазах у меня потемнело.

— Жизнь или Смерть? — где-то шевельнулось в самой глубине сознания.

— Ляля, куда же вы, подождите! — закричала я почти в ужасе.

Одной было страшно.

Но он исчез как дух... Добра — я бы сказала.

Я развернула конверт — там была — ...Жизнь!..

Из уходящих кверху строчек неразборчивого почерка мне смеялось Солнце... Я смеялась тоже и плакала и целовала письмо...

Мне недоставало Ляли. Надо было поделиться, сказать... Казалось, что от радости разорвется сердце...

* * *

Потом я спросила Ляльку, почему он ушел?

— Чтобы не мешать... Для шику... для замечательности...

— Ну, а если б там было что-нибудь ужасное?

— Видите ли, я вчера имел аудиенцию у Биба и потому знал, что письмо хорошее. А правда, Биб шикарно умеет написать, — добавлял он.

— Чудно! — в восторге подхватывала я.

Лялькины глаза сияли.

Мы были с ним пара необыкновенная: я — влюбленная в В. В., Лялька — в нас обоих.

* * *

— Ляля, а для чего же была аудиенция?

— Видите ли, Диночка, вы такая чудесная девочка, не мог же я допустить, чтобы вы остались в Одессе. Вы нужны Бибу... и мне. И потом, надо было объяснить Бибу... Придворная камарилья вела свою подпольную работу, даже мой личный друг Александр Яковлевич[1]. Я же помогаю вашим делам с Бибом. И потом, я вас очень люблю... Вы меня вытащили из грязи... Вы замечательная и всегда разная. Когда на вас шапочка, то вы тонная[2] англичаночка, а когда вы одеваете вашу большую шляпу, то ужасно похожи на французскую шансонеточку. Вы лучше всех девочек на Крещатике... Я вас с ними познакомлю, когда приедем в Киев, и они вас очень будут любить. И Муська маленькая, и Муська стриженая, и Нинка, и все... Вы ужасно симпатичная... И вы не говорите, а воркуете... Ужасно симпатично!.. Дайте поцеловать вашу ручку...

[1] Вероятно, имеется в виду корнет Александр Яковлевич Лопуховский, помощник начальника информационного отдела «Азбуки».

[2] Тонно (устар., ирон.) — изысканно, манерно, важно.

И, целуя руку, он проводил ею по лицу по своей забавной и милой детской привычке. Потом мои руки разглядывались и умиленно восклицалось: «Какие ручки! А как вы можете жить с такими ручками?..»

* * *

С моими «ручками» я жива до сих пор...

...«С тех пор прошло немало лет», и розы если не любви, то жизни, давно увяли.

А жив ли этот мальчик со своими замечательными глазами, талантливый и чуткий «лунный житель» с причудливой душой и чистым детским сердцем?..

Сейчас о нем писать я больше не могу...

На этом заканчиваю одесский период и, «из глубины времен вызывая тени прошлого», буду дальше продолжать 1919 год[1].

[1] По всей видимости, продолжение так и не было написано. По крайней мере, в фонде Шульгина других работ Н. С. фон Раабен нет.

II

Статьи

А.В. Ганин

«ДАВНО МОЖНО И ДОЛЖНО БЫЛО ПРЕДПРИНЯТЬ РЕВОЛЮЦИЮ...»

Революционные потрясения в дневнике и судьбе генерала Н.Д. Зарина*

В Гуверовском архиве в США хранятся несколько толстых тетрадей дневника генерал-майора Николая Дмитриевича Зарина (11 марта 1872 — 28 июня 1918), который охватывает период с 18 июля 1914 по 12 января 1918 г. Этот уникальный источник позволяет погрузиться в мир человека эпохи Первой мировой войны и революций, воссоздать атмосферу того времени. На первой странице дневника написано: «Дневник Н.Д. Зарина. Посвящается жене, детям и будущему потомству, для извлечения выдержек в исторический или какой иной вестник или журнал»[1]. В год столетия революционных потрясений воля генерала начала исполняться[2].

Генерал Н.Д. Зарин
Архив Гуверовского института

Николай Дмитриевич Зарин происходил из старинного дворянского рода Псковской губернии, родился в семье героя Кавказской войны. Это был храбрый гвардейский офицер и высокообразованный генштабист. Зарин участвовал в Русско-японской войне, позднее получил известность как талантливый лектор, выступавший во многих городах России. На фронт Первой мировой он пошел командиром 100-го пехотного Островского полка. За бой 4 августа 1914 г. на позиции Бильдервейчен в Восточной Пруссии был награжден самой желанной для каждого офицера боевой наградой — орденом Святого Георгия 4-й степени. На следующий день полк Зарина, несмотря на отход

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17–81–01022-ОГН «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

соседей, занял город Сталупенен, а 7 августа под Гумбиненом Зарин лично водил одну из рот в атаку, был ранен в ногу, но после перевязки вернулся в строй и продолжил командовать полком. За этот бой Зарин был произведен в генеральский чин[3].

Выдающиеся качества офицера-генштабиста Зарин проявил в апреле 1915 г. в Карпатах, когда, будучи начальником штаба XXII армейского корпуса, настоял перед командиром корпуса на овладении сильно укрепленной горой Маковка, которую занимали австрийские войска (в том числе легион Украинских сечевых стрельцов). Против русских воинов австрийцы применяли здесь разрывные пули и техническую новинку — огнеметы. Кровопролитный пятидневный штурм завершился спланированной лично Зариным решающей атакой, которая привела к блестящей победе русских войск, взятию высоты и захвату свыше 2300 пленных и восьми пулеметов[4]. За это Зарин был награжден Георгиевским оружием.

Служебные отношения генерала складывались непросто. По свидетельству сослуживца, Зарин «спокойный и милый в обращении...», но «не у дел, вернее — не у оперативных дел. Последние вел теперь “лично” командир корпуса с капитаном Дорманом»[5]. Командир корпуса, суровый и решительный генерал А. Ф. фон ден Бринкен, оставил нелицеприятные отзывы о Зарине. В письме своему другу генералу В. И. Селивачеву 25 января 1917 г. Бринкен сообщал: «С г[енерал-]м[айором] Зариным я, слава Богу, расстался. Писать о нем не буду, скажу только, что я вместо наштакора[6] и помощника имел старшего писаря, хитрого, честолюбивого, неискреннего, вселявшего во мне неприятное, гадливое чувство к пресмыкающему»[7]. В другом письме, от 10 февраля, обвинения повторились: «С уходом из штаба г[енерал-]м[айора] Зарина стало много лучше. Последнее время своей фальшивостью, неискренностью он настолько действовал мне на нервы, что я буквально не мог выносить его присутствия»[8].

Автор дневника предстает перед нами как мыслящий офицер-патриот, который анализирует события сквозь призму собственного богатого боевого и жизненного опыта. Поэтому внимательный читатель найдет в записях периода Первой мировой войны и корни разочарования Зарина в старом режиме. В записи от 1 мая 1915 г. читаем: «Наверху нет никакого плана. Да и немудрено — для плана надо уметь работать, создавать, а наша вся система вырабатывает людей, знающих лишь текущую переписку и умеющих класть резолюции под диктовку докладчика. Такие господа вряд ли могут создавать планы — в этом я был уверен давно, а теперь с каждым днем убеждаюсь»[9]. 8 мая 1915 г. Зарин записал: «Черт знает — обман, личный интерес, карьеризм, протекционизм — Боже, как нам нужен Петр Великий и его дубинка, а без этого вряд ли хорошо будет»[10]. Эти мысли пришли к генералу под впечатлением от плачевного положения воюющей страны и ее армии. Всего через несколько лет с приходом к власти большевиков пожелание генерала сбылось, но едва ли он мог предполагать, что сам окажется жертвой новой эпохи.

Февральская революция застала Зарина на посту начальника 19-й Сибирской стрелковой дивизии. Генеральская реакция на отречение императора Николая II от престола необычна: «В Петрограде революция, государь отказался от престола. Наконец-то! Предчувствие мое оправдалось — Романовы своим правлением добром не кончат. И это так заслуженно — последние Романовы были слишком ограниченны как Александр III или слишком несчастны как Николай II. Я с радостным чувством вернулся домой и рассказал о событиях в штабе»[11]. О негативных последствиях революционных потрясений генерал, похоже, не задумывался. На следующий день, 4 марта, по свидетельству генерала, «настроение у всех приподнятое — все смотрим вперед с глубокою верой в великое светлое будущее свободной России»[12]. В беседах с другими генералами выяснилась картина растерянности командного состава — одни не могли понять, как можно существовать без царя, другие заявляли, что не признают нового порядка. Зарин же, улыбаясь, говорил им, что признать новые порядки придется, поскольку вся Россия признала.

Однако после эйфории первых дней революции наступило отрезвление, а затем и череда разочарований. Стало понятно, что смена режима лишь ухудшила положение страны и армии. Уже 9 марта 1917 г. Зарин записал, что военный министр Гучков — «невежда, вообразивший себя полководцем. Я считал его умнее»[13]. 24 апреля в связи с волнениями в Петрограде генерал терзался вопросом: «Господи, неужели придется горько раскаяться за содеянную революцию»[14]. Нелепые приказы революционных властей уничтожали дисциплину, солдаты стали вести себя бесцеремонно, начались братания с противником.

Весной 1917 г. Зарин по состоянию здоровья оказался не у дел. Как отмечалось в статье его памяти, вышедшей в белой Сибири, «будучи любим солдатами, он пользовался вполне их доверием и своим авторитетным словом умел прекращать всякие волнения и избегать эксцессов... но последствия сильной контузии головы все больше и больше давали себя чувствовать и стали грозить параличом всей левой стороны и правой ноги. Врачи настоятельно требовали серьезного лечения»[15]. Генерал удалился в родовое имение на Псковщине, где жил с семьей, совершая периодические визиты в столицу.

О восприятии генералом революционной реальности свидетельствует дневниковая запись от 17 июня 1917 г.: «Еду в деревню — в Питере прямо гадко — всюду солдат все загадил. Прямо у всех вызывает отвращение солдатская шинель; правда много преступников (говорят, 100 тысяч выпущено на свободу) гуляет под прикрытием этой шинели...»[16]

С 30 июня 1917 г. Зарин состоял в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа[17]. 9 августа Зарина назначили председателем комиссии по рассмотрению чинов резерва, эту должность он занимал до октября 1917 г.

Но революция проникла и в деревню. Летом начались крестьянские волнения, поджоги помещичьих усадеб, а Зарин как помещик беспокоился за судьбу имений. Дневник революционной поры рисует образ примерного семьянина, помещика, обывателя. Зарин — сторонник старого уклада жизни, православной веры и размеренного быта. Человек суеверный, плохо ориентирующийся в политической жизни и живущий стереотипными представлениями о большевиках как о немецких шпионах.

Период лета — осени 1917 г., судя по дневнику Зарина, стал временем несбывшихся надежд. 22 июня Зарин радовался успехам начавшегося на Юго-Западном фронте «наступления Керенского»: «18го июня наша армия Эрдели[18] в Галиции одержала крупный успех и нами занят

Калуш. Слава Богу — Керенскому удалось двинуть хотя [бы] часть войск вперед — это огромный шаг, только боюсь, что выйдет дальше — наступать надо очень осторожно, имея в виду ненадежность армии»[19]. Но вскоре наступление завершилось полным провалом.

Большая часть дневниковых записей за 1917 г. относится к общероссийским событиям, о которых Зарин узнавал из газет. Исключение составляло июльское выступление большевиков в Петрограде, которое генерал наблюдал лично, в связи с чем процитируем эти свидетельства. 4 июля в дневнике отмечено: «Пошел в министерство продовольствия — в Аничковском дворце. На Невском — шум, гам; на Садовой и у Гостиного двора слышны выстрелы, но все-таки я прошел благополучно. В министерстве мне сказали, что они делают распоряжение по телеграфу, чтобы земельные комитеты отнюдь не смели отнимать покосов; пришлось об этом же и нам [дать] именную телеграмму, чтобы бы могли показать ее. Все это очень разумно и показывает, что в этом министерстве установился правильный государственный взгляд. Если бы всюду было так, то мы бы могли стать на правильный путь революции. Но далеко не везде так — вот тут кипит разумная работа, а в окна слышится страшный шум толпы и выстрелы — и ведомства не принимают решительных мер для устранения этого безобразия — вот в этом гнездится темное будущее нашей революции. Из Аничковского дворца свернул за угол, на Фонтанку, вдоль Невского просвистало несколько пуль и где-то вдали слышалась трескотня пулемета. По Фонтанке окольными улицами пришел на Пушкинскую. В толпе постоянно слышалось: “большевики”, “подлецы”, “матросы”. Это все они из Кронштадта создают эти безобразия (конечно, не они, а немцы), и у всех чувствуется страшное озлобление против этих большевиков. Придя домой, я застал брата Сашу[20] прямиком из Луги. Я посоветовал ему тотчас уехать назад, пока здесь не разыгрались худые дела, и он уехал. По телефону говорил с Аничковым — конечно в министерстве внутренних дел он ничего не добился. Я просил его ехать в Порхов и передать помещикам, то, что мне обещали в продовольственном ведомстве. На улицах столицы до глубокой ночи то там, то здесь раздавалась стрельба и крики...»[21]

Запись от 6 июля свидетельствует о подавлении выступления: «Вышел на Невский. В городе успокоение; всюду видны прибывшие с фронта казаки, которых народ встречает как спасителей. “Измена”, — на устах толпы, измена в Совете рабочих и солдатских депутатов, среди которых оказались главари выступления. Вот прекрасный момент для Керенского — если только он действительно крупная историческая личность, то воспользуется этим моментом и арестует этот преступный Совет, издав соответственную декларацию — что мол демократический орган проштрафился, надо очистить его, чтобы снять позор с народного учреждения — Керенский, стоявший теперь на самой высоте своего величия, пользующийся огромным доверием толпы, только Керенский и мог это сделать, арестовать Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, и вся бы Россия это приветствовала, а всякая сволочь невольно поджала бы хвосты. И факт был бы совершен — голова этой печальной гидры была бы отрублена, местные Советы лишились бы их преступного руководства и замерли бы сами собою, и Временное правительство могло бы взять всю власть в свои руки и повести несчастную Родину по правильному пути. Но сделает ли это Керенский? Думаю, нет, т[ак] к[ак] производит впечатление ничтожного человечка. Зашел в штаб округа — здесь поспокойнее — Петропавловская крепость сдалась, большевистское выступление подавлено. Все требуют суда и расправы. Ну, Керенский, покажи, что ты есть — очередь за тобою...»[22] Разумеется, эти ожидания завершились очередным разочарованием.

Тягостные мысли высказал генерал и после неудачи выступления генерала Л. Г. Корнилова в августе 1917 г.: «Корнилов в своем легкомыслии... погубил все. Погубил и правое дело, т[ак] к[ак] злобная левая клика и всякая революционная сволочь подняла целый вой против “бунтующих генералов и офицеров”, и стихийное избиение их началось в разных местах. Особенно ужасны кровавые расправы в Выборге»[23]. Провал корниловского выступления породил у Зарина настоящую тревогу за будущее страны: «Так скоро и блестяще провалили дело! А теперь будет окончательное слово за большевиками»[24], — пророчески заключил генерал 5 сентября 1917 г.

Октябрьский переворот Зарины встретили в псковской глуши. 26 октября 1917 г. генерал записал: «В Порхове определенного ничего не узнал, только факт, что Керенский и правительство свергнуты, но кем — не знают; очевидно большевиками. Не знаю — радоваться ли! Что выбросили эту сволочь Керенского — отлично, но что будет дальше! Пожалуй, чем хуже, тем лучше!! — скорее дойдем до порядка»[25]. В интеллигентских беседах с братом Александром, убежденным монархистом и бывшим депутатом Государственной думы, шли споры по поводу того, жива ли Родина, допустимо ли принять немцев как освободителей. Генерал Зарин в этих спорах выказывал себя чуть ли не революционером: «Я резко упрекал его — наше царское правительство довело Россию до всего, что она переживает, давно можно и должно было предпринять революцию, а то вечное шатание — то вправо, то влево! И стыдно русскому дворянину, члену Госуд[арственной] думы и предводителю дворянства так говорить, открывать объятия немцам и обливать помоями весь русский народ и армию. Вообще наговорил брату много горького и с тем разошлись на ночь. На душе остается какой-то горький осадок»[26]. Такие оценки сочетались у Зарина с резким неприятием большевиков.

Затем наступили томительные дни неведения. Газеты до 8 ноября 1917 г. не приходили, понятно было лишь, что Петроград захвачен большевиками, и Керенский ведет на столицу войска. Зарин скептически смотрел на такой поход, справедливо полагая, что солдаты вряд ли пойдут «за этим мерзавцем»[27].

Пытаясь разобраться в событиях, генерал беседовал с крестьянами: «Спрашивали меня о перевороте в Петрограде, охали и вздыхали, говоря: “Плохо без хозяина, не будет добра”. Так говорят крестьяне с самого начала революции, указывая, что без царя — хозяина не может быть на Руси порядка. И, пожалуй, это правда!»[28] Общее настроение было тревожным — «все чувствуют, что совершается что-то скверное»[29].

С появлением прессы картина начала проясняться. 8 ноября 1917 г. генерал записал: «Во главе правительства поставил себя Ленин под названием председателя Совета народных комиссаров. Вот так народный комиссар — приехавший прямо из Германии, всю жизнь проведший, очевидно, там же; сколько раз его пытались арестовать как немецкого шпиона, все газеты 1/2 года писали о нем как о «немецком выходце», общество

давно требовало его ареста, и только ничтожный Керенский не решался, а Совет рабочих и солдатских депутатов скрывал его. И вот теперь он вдруг выплывает как правитель России! Господи, неужели же Россия признает его, этого явного немецкого шпиона, шантажирующего на социализме. Вместо министров назначены “народные” комиссары — все проходимцы, псевдонимы их — Троцкий (иностран[ных] дел), Луначарский (народн[ого] просвещения), Подвойский (военный), Дыбенко (морской), Стучка (юстиции), а как их настоящие фамилии — Аллах знает, жиды или немцы! Да, дождалась Россия новых тяжких испытаний! Но признает ли Россия, признает ли армия!»[30]

Печальные размышления доносят записи от 10 ноября 1917 г., когда стало известно о боях в Москве, обстреле Кремля и разрушениях в нем (слухи, как водится, были преувеличены): «Боже, какой ужас! Мерзавцы, которым ничего не свято!.. неужели Россия окажется не в состоянии выбросить эту пришлую сволочь; преступно именующую себя правительством и социалистами»[31]. Супруга генерала в тот день даже плакала от таких известий.

Семейная поездка в уездный Порхов 19 ноября добавила впечатлений: «Около Порхова всюду уже чувствуются результаты большевизма — ограбили массу имений»[32]. Возвращаться пришлось 21 ноября с приключениями — в лесу раздавалась стрельба.

Запись от 24 ноября содержала точный прогноз, что большевики разгонят Учредительное собрание: «Интересно, как отнесется к этому народ, который полгода подготовлялся к Учредительному собранию, верит в него и ожидал, что на нем будут разрешены все вопросы. Теперь ясно, что новая мерзкая власть разгонит это собрание»[33].

Новый режим постепенно подминал под себя печать и устранял политических соперников: «Даже крайние партии попали в контрреволюционные и объявлены врагами, как правые эсеры..., а про партию кадет и Милюкова и говорить нечего. В результате — мы не получаем ни одной газеты, кроме паршивых Известий Центрального исполнительного комитета Петроград[ского] Совета раб[очих], солд[атских] депутатов, захлебывающихся от радости и проповед[ыв]ающих все прелести большевистской власти и порядка»[34].

Власть сменилась, а яростный противник большевизма Зарин, как и прежде, продолжал получать генеральское жалованье. 18 ноября 1917 г. он записал: «Надо выждать событий, если советская власть останется, то, конечно, никуда к ним не пойду»[35]. Размышляя о перспективах дальнейшего существования, Зарин писал, что лучше пойти по миру или выполнять какую угодно работу, чем служить большевикам. В декабре генерала занимали тревожные мысли о том, что Псковскую губернию к весне займут немцы и необходимо уезжать.

Позднее Зарин, если верить мемориальной статье о нем, опубликованной в белой печати, решил отправиться в Добровольческую армию. Осуществить задуманное не удалось. По этой версии, в феврале 1918 г. семья в качестве беженцев выехала на юг. «Трудно было пробираться на юг: бездорожье, забастовки, отсутствие сообщений. Из Ряжска решено было повернуть на восток, чтобы присоединиться к начинавшемуся на Волге восстанию», — писал неизвестный автор из окружения Зарина[36]. Впрочем, налицо несоответствие описываемых событий по времени. Гражданская война в Поволжье развернулась лишь в конце мая — начале июня 1918 г. В феврале 1918 г. генерал, не имевший отношения к подпольным антибольшевистским организациям (у них действительно существовали планы ведения борьбы с большевиками в Поволжье), едва ли мог пробираться туда с целью участия в каком-либо сопротивлении новой власти. Более вероятно иное. Зарины уехали из своего псковского имения, опасаясь немецкого наступления в начале 1918 г., а далее пытались переждать смутные времена у знакомых.

Капитан И. С. Ильин оказался свидетелем последних дней жизни генерала и зафиксировал эти события в своем дневнике. Он встретил генеральское семейство в июне 1918 г. в имении семьи Мертваго Репьевка Сызранского уезда Симбирской губернии. Жизнь в имении представляется не лучшей стратегией для выживания в той ситуации, тем более что крестьяне в Репьевке были революционно настроены. По всей видимости, семья не готова была бросить имущество. Ильин, впоследствии белый офицер, уговаривал Зарина уехать, но тот был непреклонен: «От немцев уходил и цел остался, а от этой сволочи и подавно уйду»[37]. Ильин почувствовал неловкость, как будто уговаривал из трусости. Как бы то ни было, в поведении генерала не прослеживалось стремления к активной борьбе с большевиками. Отметим, что Ильин из Репьевки уехал в Сызрань, где вступил в Народную армию Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Такая стратегия позволила ему не только уцелеть в Гражданскую войну, но и дожить в эмиграции до 1981 г.

Но генерал Зарин остался в имении и погиб на глазах у семьи. Чудом спаслись жена генерала Евгения Сергеевна с сыном Львом и дочерью Ольгой. По прибытии в Самару они рассказали о случившемся. 28 июня красные обстреляли село и церковь, а затем подошли к господскому дому. Дом был разграблен, картины разорваны и сожжены. Зарины направились в деревню, причем генерал был переодет мужиком. Какой-то молодой парень опознал его. Красноармейцы потащили Зарина к амбару, он упал на колени и стал молиться, тогда его застрелили. Схватили и генеральшу, но сын плакал и просил пощадить мать, в результате несчастную женщину оставили в покое, приказав немедленно уходить[38].

Заключительная тетрадь генеральского дневника о событиях 1918 г. погибла в Репьевке. Между тем в этой тетради должны были содержаться важные наблюдения о начале Гражданской войны, о восприятии тех событий генералом и о том, что он собирался делать.

Семья Зариных эмигрировала в Китай. Сын Лев обосновался в Шанхае. Судьба его трагична — в октябре 1931 г., после разговора с женой, выстрелил в себя из винтовки[39]. Вдова генерала дожила до второй половины XX века (по данным на 1940 г., жила в Шанхае, также сохранилось ее фото 1953 г., сделанное в Кейптауне), хранила память о муже и даже перевела на английский язык весь его обширный дневник. Судьба дочери Ольги неизвестна.

Дневник Н. Д. Зарина является важным источником по истории Первой мировой войны и революционных событий 1917 г. Хочется надеяться, что он со временем будет введен в научный оборот в полном объеме.

Генерал Зарин весной 1917 г. приветствовал революцию и ранее на фронте мечтал о возрождении петровской дубины, но сам оказался одной из первых жертв новой реальности. Попытка автора мемориальной статьи в белой печати представить его борцом с большевиками, а не жертвой собственной пассивности и нежелания примкнуть к антибольшевистским силам преследовала несколько целей. Прежде всего, антибольшевистские мотивы усиливали пропагандистский пафос статьи. Но подобное объяснение имело и очевидный конъюнктурный смысл, поскольку могло улучшить положение семьи генерала при белых.

[1] Архив Гуверовского института (HIA). N.D. Zarin collection. Box 1. Дневник. Кн. 1. Л. 1.
[2] Публикацию отрывков из дневника за 1917 г. см.: Генерал-майор Николай Зарин: Убрали овес; готовимся молотить… / публ. А.В. Ганина // Родина. 2017. № 11.
[3] Жертвы красного террора. Николай Дмитриевич Зарин // Русская армия (Омск). 1919. № 50. 12.03. С. 2. Анонимный автор статьи памяти Зарина был знаком с его дневником. Возможно, авторство принадлежало вдове генерала, либо представители семьи Зариных помогали автору материалами. В любом случае автор статьи должен был находиться на территории белой Сибири.
[4] Подробнее о штурме см.: Каширин В.Б. Взятие горы Маковка. Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010.
[5] Сергеевский Б.Н. Пережитое. 1914. М., 2009. С. 170.
[6] Начальника штаба корпуса.
[7] РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 9в об.
[8] Там же. Л. 26а об.-26б. Подробнее см.: Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 56.
[9] HIA. N.D. Zarin collection. Box 1. Дневник. Кн. 5. Лист не нумерован.
[10] Там же.
[11] Там же. Кн. 7. Л. 2 об.–3.
[12] Там же. Л. 3.
[13] Там же. Л. 6.
[14] Там же. Кн. 8. Л. 21.
[15] Жертвы красного террора. Николай Дмитриевич Зарин. С. 2.
[16] HIA. N.D. Zarin collection. Box 1. Дневник. Кн. 8. Л. 36.
[17] Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 432.
[18] Генерал И.Г. Эрдели командовал 11-й армией.
[19] HIA. N.D. Zarin collection. Box 1. Дневник. Кн. 8. Л. 37.
[20] Саша — брат генерала. Александр Дмитриевич Зарин (1870–1937) — общественный деятель, монархист, член Всероссийского национального союза, депутат 3-й и 4-й Государственной думы от Псковской губернии. Владел имением Ольгино Порховского уезда Псковской губернии.
[21] HIA. N.D. Zarin collection. Box 1. Дневник. Кн. 8. Л. 40–41 об.
[22] Там же. Л. 44 об.–45 об.
[23] Там же. Л. 67 об.–68.
[24] Там же. Л. 70 об.–71.
[25] Там же. Л. 90 об.–91.
[26] Там же. Л. 91.
[27] Там же. Л. 92.
[28] Там же.
[29] Там же. Л. 94.
[30] Там же. Л. 95–95 об.
[31] Там же. Л. 96.
[32] Там же. Л. 97 об.–98.
[33] Там же. Л. 100.
[34] Там же. Л. 100 об.
[35] Там же. Л. 97 об.
[36] Жертвы красного террора. Николай Дмитриевич Зарин. С. 2.
[37] Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 266. Публикаторами дневника фамилия генерала была ошибочно расшифрована как Зорин, из-за чего они не смогли установить, о ком идет речь (Там же. С. 451).
[38] Там же. С. 280.
[39] Шаронова В.Г. Некрополь русского Шанхая. М., 2013. С. 191.

С.В. Куликов

ДНЕВНИК А. А. ПОЛОВЦОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАНЦЕЛЯРИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА[1]

Аннотация: В статье оценивается информационный потенциал дневника А.А. Половцова за 1859–1882 гг. как источника по изучению бюрократических практик канцелярий, прежде всего, административных департаментов Правительствующего сената. После Судебной реформы 1864 г. указанные департаменты продолжали оставаться ключевыми в системе сенатского делопроизводства, однако деятельность их канцелярий практически не изучена, что, помимо прочего, объясняется невозможностью взглянуть на нее как бы изнутри — глазами чиновников, которые не только служили в этих канцеляриях, но и вели в течение длительного периода времени свои дневники. Исключением из правил является А.А. Половцов, чем и объясняется исключительная ценность его дневника как исторического источника.
Abstract: The article assesses the information potential of the diary of A.A. Polovtsov for 1859–1882 as a source for the study of bureaucratic practices of offices primarily administrative departments of the Governing Senate. After the Judicial reform of 1864, these departments continued to be key in the system of Senate records management, but the activities of their offices have not been studied, which, among other things, is explained by the inability to look at it from the inside — the eyes of officials who not only served in these offices, but also kept their diaries for a long period of time. The exception to the rule is A.A. Polovtsov, which explains the exceptional value of his diary as a historical source.
Ключевые слова: Правительствующий сенат, канцелярии Сената, сенатское делопроизводство, административные департаменты, бюрократ, просвещенный сановник.
Key words: Governing Senate, Senate offices, Senate records management, administrative departments, bureaucrat, enlightened dignitary.

Дневник Александра Александровича Половцова (1832–1909) (см. о нем [1], там же — подробная библиография) за 1883–1909 гг. принадлежит к числу основных источников частного характера, используемых исследователями истории России конца XIX — начала XX в. [2, с. 41–43] Дневник А.А. Половцова хранится в его личном фонде в ГА РФ (Ф. 583). Дневник за 1883–1892 гг. был опубликован П.А. Зайончковским в 1966 г. [3], переиздан Л.Г. Захаровой в 2005 г. [4] На страницах журнала «Красный архив» публиковался дневник с 27 октября по 29 декабря 1894 г. [5], с 29 марта 1895 г. по 13 августа 1900 г. [6], с 17 февраля 1901 г. по 10 января 1903 г. [7] и с 15 сентября 1905 г. по 10 августа 1906 г. и с 5 марта по 5 мая 1908 г. [8] Полное издание дневника за 1893–1909 гг. осуществила О.Ю. Голечкова в 2014 г. [9] Однако до сих пор остается невостребованным, точнее, неизданным, его дневник более раннего периода — 1859–1882 гг., когда А.А. Половцов проходил службу в Правительствующем сенате, сначала в сенатских канцеляриях, затем уже в должности сенатора. Небольшие отрывки дневника за указанный период были опубли-

кованы в «Красном архиве» — записи от 18 июня 1871 г. [10], с 8 апреля 1877 г. по 22 ноября 1878 г. [11] и от 3 мая 1881 г. [12] Всего А. А. Половцов прослужил в Сенате как чиновник сенатских канцелярий, а затем как действующий сенатор почти 32 года.

В связи с Судебной реформой 1864 г. после создания в 1866 г. в составе Сената двух новых, кассационных, департаментов (гражданского и уголовного) его значение как высшего судебного учреждения Российской империи возросло еще более. Вместе с тем роль старых, административно-апелляционных, департаментов Сената, в канцеляриях которых и служил А. А. Половцов, в области отправления правосудия продолжала оставаться весьма значительной, хотя и постепенно умалялась, эволюционируя в сторону превращения прежнего Сената преимущественно в высший орган административной юстиции. «Внимание наших юристов, — отмечал И. Г. Данилов, — по отношению к началам, вырабатываемым судебною практикою, в последнее время сосредоточено почти исключительно на разъяснениях положений, содержащихся в кассационных решениях. Весьма понятно, что ввиду того важного значения, какое получил Кассационный сенат для судопроизводства по Уставам 20-го ноября 1864 г., решения его заслуживают тщательного изучения. Но из этого отнюдь не следует, чтобы более не предстояло уже необходимости в исследовании деятельности прежнего Сената, по количеству времени далеко превосходящей деятельность кассационных департаментов» [13, с. I]. Между тем история Сената, в особенности практики его департаментов, как «старых», так и «новых», редко попадала в поле зрения историков.

Конечно, знаменитое фундаментальное ведомственное издание по истории Сената за двести лет, с 1711 по 1911 г., по-прежнему сохраняет не только справочное, но и научное значение [14]. Однако в последующие сто лет на историю Сената обращали внимание лишь единичные исследователи. Л. В. Виноградова изучила основные виды документации сенатских департаментов и организацию их делопроизводства [15], Т. Г. Любарская — эволюцию организации и компетенции Сената в целом и всех его учреждений на протяжении XIX — начала XX в. [16], наконец, Е. А. Правилова рассмотрела порожденные реформой 1864 г., ее подготовкой и проведением, проекты, нацеленные на реформирование административных департаментов Сената и закрепление за ним статуса высшего органа административной юстиции [17]. В результате А. В. Ремнев, один из выдающихся специалистов по истории государственных учреждений дореволюционной России, в 2010 г., подразумевая состояние предыдущей историографии, пришел к неутешительному выводу: «Известный пробел в истории государственных учреждений Царской России составляет изучение деятельности Сената» [18, с. 19]. Существование историографической лакуны объясняется малой изученностью не только официальных, нормативных и делопроизводственных, источников, причем как архивных, так и опубликованных, но и тем, что источники частного характера, прежде всего, дневники сенатских чиновников за длинный временной период, являются редчайшим исключением, точнее, единственный из подобного рода источников, известный на сегодняшний день, — это дневник А. А. Половцова за 1859–1882 гг. Его уникальность обуславливается, помимо прочего, карьерой их автора.

В мае 1851 г., после блестящего окончания Училища правоведения с чином титулярного советника (служебный формуляр А. А. Половцова см.: [19, с. 534–537]), А. А. Половцов поступил в Канцелярию Первого (административного) департамента Сената, который осуществлял надзор за местным управлением и функционировал как высший орган административной юстиции. Несомненно, что начало сенатской карьеры А. А. Половцова предопределили не только личные способности молодого чиновника, но и связи его отца Александра Андреевича Половцова, как раз именно в это время служившего в Канцелярии Первого департамента [20, с. 7]. Канцелярия каждого сенатского департамента представляла собой главный орган делопроизводства, в котором проходила регистрация поступавших дел, распределение их по структурным частям (отделениям, экспедициям и столам), подготовка к слушанию в присутствии, где заседали сенаторы соответствующего департамента, а также контроль за исполнением принятого решения. Штат Канцелярии образовывали обер-прокурор (ее начальник), обер-секретари, секретари старшие и младшие, их старшие и младшие помощники и протоколисты.

Уже в июле 1851 г. А. А. Половцову поручили исправлять должность секретаря в Канцелярии Общего собрания Первого, Второго и Третьего (апелляционных) департаментов и Департамента герольдии (административного). Второй и Третий судебные департаменты Сената были высшими апелляционными инстанциями по гражданским делам для территорий, подведомственных этим департаментам, а Департамент герольдии являлся высшим органом охраны сословных привилегий дворянства, ведая прохождением службы дворянами и чиновниками, численностью дворянства, удостоверением и закреплением его прав и составлением дворянских гербов. Общее собрание первых трех департаментов и Департамента герольдии занималось решением дел по исходившим от императора именным указам и высочайшим повелениям и по разногласиям в этих департаментах, а также рассматривало вопросы, требовавшие толкования законов, апелляционные дела по казенным поставкам и дела по докладу Департамента герольдии о производстве в гражданские чины и о возведении в дворянское достоинство. Делопроизводством Общего собрания заведовал обер-прокурор Первого департамента, т. е. начальник его Канцелярии, где и начинается служба А. А. Половцова, который, таким образом, сразу оказался на пересечении разных департаментских компетенций. В сентябре 1851 г. он был назначен на штатную должность младшего помощника секретаря Первого департамента, в июле 1852 г. — младшим, в декабре того же года — старшим помощником секретаря Общего собрания первых трех департаментов и Департамента герольдии. В июне 1854 г. А. А. Половцову поручили исправлять должность секретаря Первого департамента, в ноябре утвердили в этой должности. В августе 1857 г. его назначили секретарем Общего собрания первых трех департаментов и Департамента герольдии, в августе 1858 г. — товарищем (заместителем) герольдмейстера (обер-прокурора Департамента герольдии), в сентябре того же года — обер-секретарем 1-го отделения Первого департамента. Должность обер-секретаря была ключевой в системе сенатского делопроизводства, поскольку рассмотрение дела в департаменте или Общем собрании сенаторами начиналось именно докладом обер-секретаря,

который излагал сущность вопроса и наиболее важные обстоятельства, а затем зачитывал записку по делу. Тем самым обер-секретарь обладал возможностью не только косвенного, но и прямого влияния на исход голосования сенаторов по конкретному делу. С пребывания А. А. Половцова на должности обер-секретаря 1-го отделения Первого департамента и начинается в 1859 г. его дневник, не сохранившийся, по крайней мере, в фонде А. А. Половцова, в своей более ранней части.

В январе 1860 г. А. А. Половцов был командирован для исправления должности обер-секретаря Общего собрания первых трех департаментов и Департамента герольдии с утверждением в этой должности. Ключевая роль обер-секретаря в общих собраниях хорошо видна из информации, приводимой А. А. Половцовым[3]. Обер-секретарство в Общем собрании первых трех департаментов и Департамента герольдии имело тем большее значение, что, как отмечалось выше, именно в этом Общем собрании решались дела, поступавшие в Сенат от императора. «Кроме двух пустых дел, — записал А. А. Половцов 7 апреля 1861 г., — докладывал я дело Верещагиных, представленное государем рассмотрению Общему собранию в качестве Верховного совестного суда. Дело коротко и ясно. Василий Верещагин подписался свидетелем на дух[овном] завещании сестры, оставившей имение племянницам Гальским, а после оспорил это завещание как относившееся до родового имения, не подлежавшего завещанию, а долженствовавшего перейти прямо к нему наследством по закону. <...> Большое зло все эти исключения, делаемые верховною властью, добываются они обыкновенно просителями через самые неуважительные средства, не минуя ни благодарностей, ни III Отд[еления] Собств[енной] канцелярии, а имеют последствием прямое и категорическое нарушение закона; какая же может выработаться юридическая практика, какое может быть уважение к закону, когда каждому дается основательный повод думать, что закон можно обойти, исполнение его избегнуть»[4]. Однако бывали и случаи, когда вмешательство монарха в отправление правосудия содействовало торжеству формальной законности.

«В Сенате, — записал А. А. Половцов 17 июля 1861 г., — получено мной одно высочайшее повеление, довольно любопытное, об отказе откупщику Бенардаки в сложении с него откупной платы 960 т[ысяч] р[ублей] с[еребром]. Вследствие просьбы Бенардаки I Департамент Сената решил сложить с него эту сумму, испрося по общему порядку высочайшее соизволение через Комитет министров; дело пошло, конечно, в Министерство юстиции, здесь начальник [I] отделения [Департамента Министерства юстиции] Ковалевский (Анатолий [Евграфович], сын министра просвещ[ения]) и редактор [В. Н.] Лавров решились написать доклад против определения Сената, не приняв в уважение предложения Бенард[аки] дать 100 т[ысяч]; на другой день призывает Ковалевского знаменитый [М. И.] Топильский (директор Департамента Министерства юстиции в 1850–1862 гг. — С. К.) и спрашивает о деле, выслушав основания Ковалевского, он тут же обещает присутствующему при объяснении [Е. К.] Рашету ([директор Канцелярии] Комиссии прошений) уладить дело, и действительно, он противно заключению [I] отделения пишет заключение в пользу Бен[ардаки], и сердечный кретин [Д. Н.] Замятнин (в 1862–1867 гг. — министр юстиции. — С. К.) соглашается; но в Комитете министров дело не прошло, и, как сказано выше, государь отказал без всякого мотивирования резолюции»[5]. То, что взяточничество в дореформенном Сенате было, с одной стороны, проблемой весьма актуальной, но с другой, проблемой успешно решаемой, доказывается и другими свидетельствами А. А. Половцова.

Так, под 28 мая 1861 г. читаем: «При вступлении в должность обер-секретаря Общего собрания я нашел в Канцелярии секретарем г[осподина] Офременко, родственника сенатора [А. Ф.] Веймарна, весьма темной репутации, но чрезвычайно дельного и даже усердного чиновника. Мой предшественник [Я. Г.] Есипович предварял меня, что по делу башмачника Королева Офр[еменко] подозревался в том, что взял взятку, но что доказать этого б[ыло] невозможно, как оно всегда в таких случаях бывает. Я с недоверием смотрел на Офр[еменко], но в полтора года службы уличить ни в чем не мог, хотя ревность его в известных делах и небрежение в других давали повод сомневаться в его беспристрастности. Между делами, производившимися по его секретарству, я заметил по огромности суммы д[ело] Зотова (по мировой сделке с кредиторами на сумму 3 м[иллиона] рублей), в числе кредиторов состояли: купец Сиверс, имевший на Зотова спорную закладную в 700 т[ысяч рублей], и купец Буторин, претендовавший на 70 т[ысяч] и захотевший оспорить всю сделку. Сиверс, конечно, добивался утверждения сделки, и 4-й Д[епартамен]т Сената желание его удовлетворил, по всепод[даннейшей] жалобе Буторина дело подлежало рассмотрению Общего собрания. В 4-м Д[епартамен]те дело производилось у [Г. Ф.] Пребстинга, который передал мне, что Сиверс получил уведомление о необходимости заплатить за дело Офременке. Я прочитал дело, сообщил Пребстингу, что прошу Сиверса заехать ко мне. Сиверс приехал, я ему объяснил, что, по моему убеждению, дело его так ясно, что сомнения в выигрыше быть не может, он меня стал всячески благодарить, утверждая, что он не знает, как выразить благодарность, я ему отвечал, что это сделать весьма легко, что я нахожусь в весьма тяжелом положении относительно Офр[еменко], что выгнать семейного человека по одним подозрениям я не решаюсь, а между тем держать человека, к[о]т[орый], может быть, мошенничает, очень неприятно, а потому я его прошу, как одолжение мне, съездить к Офр[еменко] и, убедясь из разговора, взяточник он или нет, меня о том уведомить. Сиверс мне дал слово, что исполнит мое желание с условием, что законного хода делу дано не будет. За несколько дней до доклада дела приезжает ко мне Сиверс и рассказывает, что Офременко действительно берет, что он отказался получить 500 рублей и требовал 5000, обязываясь наблюдать за выигрышем дела и в Министерстве юстиции, и в Государственном совете». Благодаря активности А. А. Половцова взяточник был вынужден добровольно подать в отставку, а дело Сиверса сенаторы решили в его пользу[6]. Очевидно, что взяточничество в дореформенном Сенате затрагивало, прежде всего, канцелярские чины, закономерное поведение которых во многом зависело от принципиальности их непосредственного начальства в лице обер-секретарей.

Впрочем, даже такие борцы со взяточничеством, как А. А. Половцов, иногда бывали вынуждены играть по чужим правилам, особенно тогда, когда затрагивались их семейные интересы, что видно на примере дела Крепа, управляющего бумагопрядильной фабрикой, принадлежавшей тестю А. А. Половцова, барону А. Л. Штиглицу. Изменив собственным прин-

ципам, хотя, судя по дневнику, лишь один раз, и переживая ситуацию когнитивного диссонанса, А. А. Половцов делает неутешительный вывод: «Я служу в Сенате десять лет и не могу не прийти к тяжелому убеждению, что почти нет дела, которое бы деньги, протекция, ловкость не могли решить так или иначе»[7]. Крайняя субъективность этого вывода, подразумевающего имплицитное самооправдание, не вызывает сомнения, равно как и то, что расхождение между буквой закона и практиками Сената имело универсальный характер, хотя и находивший разные выражения в разные эпохи.

Интересны следующие колоритные наблюдения А. А. Половцова, датированные 26 января 1863 г.: «Современная нам эпоха преобразований не могла не отозваться и на сенатском делопроизводстве, и здесь многое приняло иные формы. В прежнее время ходатай по делам звал подьячего в трактир, оба они напивались до положения риз, подьячий возвращался с набитым карманом, и участь дела была решена; теперь дела делаются иначе: приезжает в Сенат на рысаках адвокат, окончивший курс в университете или Училище правоведения, на нем соболья шуба, шармеровский фрак, тончайшее белье, от него так и несет благопристойностью и благовоспитанностью, входит он в Канцелярию и вступает в разговор с секретарем или помощником секретаря, также окончившим курс, обыкновенно с большим успехом, но получающим 39 или 59 рублей в месяц жалованья, живущим в шестом этаже Подьяческой или Мещанской, которого родители живут в Вологде или в Полтаве и присылают ему 25 р[ублей] в год на Светлый праздник. Между этими столь различными личностями начинается разговор о деле, которое находится в производстве у чиновника. Адвокат не просит ничуть о решении дела в его пользу, он [нас]только уверен в правоте своего дела, что не сомневается в том, что его выиграет, он желает только выяснить взгляд на встречающийся в этом случае юридический вопрос; делопроизводитель высказывает свою мысль, но адвокат опровергает его и приводит авторитеты римского, французского, германского права, он указывает на сочинения, с которыми советовался и которые делопроизводитель найдет в прекрасно составленной библиотеке адвоката. Между ними устанавливаются самые дружеские отношения, разговор переходит на другие предметы и, прежде всего, на лондонские запрещенные издания; у адвоката оказывается случайно последний номер «Колокола», делопроизводитель берет книги для прочтения и через несколько времени относит их владельцу, застает его дома, юридические прения возобновляются, и затем возникает мысль о поступлении в юридическое общество или о составлении такого общества, где, между прочим, докладываются дела и преимущественно такие, которые находятся у делопроизводителя и еще не доложены присутствию суда; собрания общества бывают всего чаще у адвоката, потому что его квартира всего удобнее для этого, вечер оканчивается ужином и шампанским. И бедный юноша возвращается в свою каморку, мечтая о благосостоянии адвоката, в котором видит какого-то мецената, и невольно проклинает свою службу, свои обязанности, к которым еще недавно приступал с таким жаром, и думает о том, как бы и ему достигнуть такого счастья, первое средство, конечно, — близкие отношения с гостеприимным адвокатом, а этому только того и надобно». Подытоживая свои пространные наблюдения, А. А. Половцов, однако, отмечал: «Я всеми силами

храню собранных мною в Канцелярии Общего собрания юношей от тлетворного влияния этих господ, и мне тем более досадно, когда им удается прорваться в ряды моих прекрасных сослуживцев»[8]. Итак, как нарушение закона, так и его соблюдение в конечном итоге зависело не столько от закона как такового, сколько от человеческого фактора, который в значительной степени влиял и на кадровую политику.

В октябре 1863 г. А. А. Половцов был назначен состоять за обер-прокурорским столом во Втором департаменте, оказавшись между прежней должностью обер-секретаря и более высокой должностью обер-прокурора. Сообщая обстоятельства очередного возвышения, А. А. Половцов писал 24 сентября 1863 г. по возвращении из отпуска, имея в виду товарища министра юстиции Н. И. Стояновского: «На вопрос его, вступил ли я в должность, отвечал, что да, но при этом заметил, что не знаю надолго ли, потому что я старший обер-секретарь во всем петербургском Сенате, что меня уже не раз обходили, что, не будучи честолюбив, я не обращаю на то внимания, но что если завтра меня заставят служить под начальством какого-нибудь врангелевского протеже (в 1862–1867 гг. барон Е. Е. Врангель являлся директором Департамента Министерства юстиции. — С. К.), так я, конечно, в тот же день выйду. Стояновский отвечал мне, что, по его мнению, не следует обращать внимания на подобные вещи, что его во время сенатской службы беспрестанно обходили и что, если бы он обижался, то, конечно, давно бы должен был оставить Сенат. На это я ему заметил, что если Министерство юстиции теперь намерено действовать так же, как 10 лет назад, при полновластии [графа В. И.] Панина (министр юстиции в 1839–1862 гг. — С. К.) и [М. И.] Топильского, то прослужившие, как я, при подобных порядках 12 лет имеют право потерять терпение, что, впрочем, я нахожу подобные разговоры неуместными, тягостными и, если завел с ним речь, то вовсе случайно, без всяких целей». Через два дня А. А. Половцов снова приехал к Н. И. Стояновскому, причем между ними произошел примечательный диалог.

Н. И. Стояновский: «Действительно, вы старший обер-секретарь, но это Министерство [юстиции] имеет в виду и уже давно хочет вас сделать за обер-прокурорский стол, только в настоящее время нет ваканций».

А. А. Половцов: «Очень благодарен м[инистерст]ву, только я в первый раз в жизни слышу то, что вы мне говорите».

Н. И. Стояновский: «Я говорил уже с Дмитрием Николаевичем Замятниным, и он, кажется, согласен на предположение сделать вас чиновником за обер-прокурорский стол и поручить вам составление сборника судебных решений».

А. А. Половцов: «Я этому занятию очень рад, только не желал бы оставлять Общего собрания; кроме того, что доклад дел меня интересует, я собрал там людей, с которыми мне не хотелось бы расставаться».

Н. И. Стояновский: «Это невозможно, я нахожу, что назначение начальников отделения чиновниками за обер-прокурорский стол — злоупотребление, и надеюсь, что этого больше не будет».

А. А. Половцов: «Николай Иванович, оставимте, пожалуйста, этот разговор, я уверен в вашей дружбе, делайте то, что вы считаете справедливым и для меня выгодным. У меня одна лишь просьба: избавьте меня от сношений, а тем более от подчинения презренным в моих глазах чи-

новникам, в которых молодость лет и щеголеватость приемов прикрывают подлое важничанье, пустоту, себялюбие».

«Через несколько дней, — зафиксировал А. А. Половцов результаты переговоров с Н. И. Стояновским, — я назначен чиновником за обер-прокурорский стол сверх штата, в ожидании штатной ваканции. Вместе с новой должностью мне дано поручение печатать составленный мною сборник решений Общего собрания, за что я и принялся с великим удовольствием»[9].

Поведение таких типичных представителей сенатского чиновничества новой генерации, каким, несомненно, являлся А. А. Половцов и другие выпускники Училища правоведения, детерминировалось, помимо идеальной мотивации, предопределявшейся правовым этосом (см. о нем [21, с. 343–400]), вполне прагматической тактикой, заключавшейся в игре на одновременное повышение и понижение карьерных ставок, что в совокупности обеспечивало быстрое продвижение по служебной лестнице.

Сборник решений Общего собрания первых трех департаментов и Департамента герольдии, первое в ряду подобного рода изданий и потому не имевшее аналогов ранее, А. А. Половцову поручили составлять официально в апреле 1864 г., однако этому предшествовала почти двухлетняя предыстория. В ней влияние правового этоса на поведение сенатского чиновника проявилось более всего, позволяя делать вывод о том, что идеальный тип не только «просвещенного сановника», но и «ученого во власти» стал давать о себе знать еще в 1860-е гг. (об этих типах применительно к началу XX в. см.: [22, с. 54–71])«В своем ограниченном кружке служебной деятельности, — записал А. А. Половцов 9 августа 1862 г., — я затеял дело, которое не будет бесполезно, особенно ввиду предполагаемой реформы; хочу сделать сборник всех решений, состоявшихся в Общем собрании, начиная с издания Свода законов и до сих пор. Дело это, конечно, не легко, но успех для меня весьма облегчается тем, что все четыре секретаря — превосходнейшие люди: трудолюбивые, занимающиеся наукой права юноши, желающие по охоте принять в этом предприятии горячее участие». Этими четырьмя секретарями Канцелярии Общего собрания первых трех департаментов и Департамента герольдии были А. Г. Глухов, И. Я. Голубев (будущий сенатор, член Государственного совета и в 1906–1916 гг. его бессменный вице-председатель), В. А. Логинов и И. А. Неклюдов [23, с. 102], все, кроме И. Я. Голубева (как и А. А. Половцов, выпускника Училища правоведения), — выпускники юридических факультетов университетов. А. А. Половцов собрал секретарей у себя 8 августа 1862 г. и условился с ними об основаниях, на которых намеревался подготовить сборник[10].

Описывая перипетии, связанные с подготовкой Сборника решений Общего собрания первых трех департаментов и Департамента герольдии, А. А. Половцов отметил 13 января 1863 г.: «Задуманный мною сборник решений Общего собрания приходит к окончанию, затем возникает вопрос о печатании его. М[инистерст]во юстиции, передавая с нового года все суммы в казначейство по вновь заведенному порядку, уничтожающему отдельные в каждом ведомстве кассы, отчислило 10 т[ысяч] р[ублей] на издержки по изданию сборника. Затем действ[ительный] статский советник [Н. В.] Калачов (член Консультации, учрежденной при Министерстве юстиции. — С. К.) назначен редактором для составления сборника по 2-му Общему собранию. К нам двоим главным редакторам будут

присоединены еще несколько чиновников, которые составят комитет»[11]. Под «2-м Общим собранием» А. А. Половцов разумел Общее собрание Четвертого, Пятого и Межевого департаментов, занимавшееся решениями дел по именным указам, по разногласиям в департаментах или по протестам обер-прокуроров, а также по жалобам на решения коммерческих судов. Однако издание сборника А. А. Половцова задерживалось попытками руководства Министерства юстиции, а позднее членов Государственного совета жестко регламентировать это начинание. «Дело идет к весне, — читаем под 24 февраля 1863 г., — а до сих пор еще не удалось определить время нашего отъезда за границу; останавливало меня до сих пор желание напечатать перед отъездом один том своего сборника указов Общего собрания; думал издать их хоть бы за время действия Свода законов 1832 г., но и это скромное желание, кажется, останется без исполнения. Более трех месяцев тому назад зашла в М[инистерстве] ю[стиции] речь о печатании сборника, на первом же собрании разных врангелей я объявил, что прошу одного: печатать немедленно, и для этого нуждаюсь лишь в одном — в разрешении. Мне выставили необходимость совещаться, предписали мне к немедленному исполнению нелепейшие правила, составленные министерскими мудрецами. Если б не Стояновский, то меня бы давно здесь не было»[12].

Только 9 мая 1864 г. А. А. Половцов удовлетворенно записал: «Наконец я дожил до счастливой минуты печатания своего сборника решений Общего собрания; после долгих колебаний, придирок, наставлений и размышлений М[инистерст]ва юстиции и Госуд[арственного] совета печатание дозволено с тем, чтобы 1) были исключены из сборника дела скандалезные и 2) чтобы по возможности избегать печатания решений противоречивых. Это последнее условие, по моему мнению, положительно глупо. Признавать безусловно непогрешимыми решения какого-либо суда, не исключая и русского Сената, было бы в высшей степени неосновательно. Собранный мною материал важен как указание на спорные вопросы, как основание для критики, а вовсе не как обязательное руководство. К сожалению, печатание в Сенатской типографии (из видов экономии) идет крайне медленно и неудовлетворительно»[13]. Наконец, когда в июле — августе 1864 г. А. А. Половцов временно исправлял должность обер-прокурора 2-го отделения Третьего департамента Сената (на время отпуска обер-прокурора Н. П. Семенова), дело издания сборника подошло к своему завершению. «14 августа, — отметил А. А. Половцов, — окончив печатание своего сборника сенатских решений и сдав должность обер-прокурора 2-го отделения 3-го Деп[артамента], временно на меня возложенную, я уехал через Париж в Биарриц»[14]. Подготовленный А. А. Половцовым «Сборник решений Правительствующего Сената» по Общему собранию первых трех департаментов и Департамента герольдии [24] вскоре был дополнен изданным под редакцией Н. В. Калачова и К. П. Победоносцева сборником решений Временного общего собрания и Общего собрания Четвертого, Пятого и Межевого департаментов Сената, причем последний сборник издан в виде части I–II [25] и III–IV [26]. Эти беспрецедентные в своем роде ведомственные издания получили самую высокую оценку у специалистов. И. Г. Данилов подчеркивал в 1872 г., что «единственный официальный сборник, который мы имеем по прежним решениям Правительствующе-

го сената, именно изданный по высочайшему повелению в 1864–1866 гг. “Сборник решений общих собраний”, не может считаться утратившим своего значения и не перестает до настоящего времени быть настольною книгою русского юриста» [27, с. I–II]. Заслуги А. А. Половцова оценило по достоинству и его непосредственное начальство, поскольку в январе 1865 г. он был награжден чином действительного статского советника, став, таким образом, уже на 32-м (!) году жизни статским генералом.

В июне — августе 1865 г. А. А. Половцов опять исправлял должность обер-прокурора 2-го отделения Третьего департамента во время отпуска обер-прокурора Н. П. Семенова, в связи с чем возросли карьерные аппетиты успешного чиновника. «По должности помощника обер-прокурора 3-го Д[епартамен]та, — писал он в это время, — мне приходилось пропускать вторые части журнала и наблюдать за правильностью делопроизводства без всякого отношения к существу дел. Такие полубухгалтерские, полуэкзекуторские обязанности после 13-летней действительной службы я счел незаслуженными и объявил, что нога моя не будет в Сенате, доколе мне не дадут другого дела. На подобное решение я имел тем более права, что не получал никакого жалованья и не был включен в штат чиновников за обер-прокурорским столом наравне с другими младшими меня по службе»[15]. Результатом очередного натиска темперамента А. А. Половцова стало последовавшее в августе 1865 г. его назначение в штатный комплект чиновников, состоящих за обер-прокурорским столом, а в феврале 1866 г. А. А. Половцову было поручено исправлять должность обер-прокурора Четвертого департамента, являвшегося органом высшего апелляционного суда по гражданским делам для подведомственных ему территорий.

В 1866 и 1867 гг. А. А. Половцов два раза временно исправлял должности обер-прокурора Первого департамента, заведующего Канцелярией Общего собрания первых трех департаментов и Департамента герольдии и председателя Хозяйственного комитета. Исключительность нового служебного статуса А. А. Половцова объяснялась, помимо прочего, тем, что Хозяйственный комитет ведал хозяйственно-финансовым управлением делами Сената и всеми денежными документами и суммами, поступавшими в Сенат, и проводил все хозяйственные мероприятия по Сенату и подведомственным ему учреждениям, а также руководил деятельностью сенатского казначейства в части прихода и расхода денежных сумм, ассигнованных на содержание департаментов (за исключением жалованья и канцелярских расходов), сенатского архива, сенатской типографии и смотрительской части здания Сената. В декабре 1867 г. А. А. Половцов теперь уже на постоянной основе назначается обер-прокурором Первого департамента, заведующим Канцелярией Общего собрания и председателем Хозяйственного комитета. Карьера А. А. Половцова в сенатских канцеляриях закончилась в августе 1873 г., когда он, получив чин тайного советника, был назначен сенатором Четвертого департамента, а в апреле 1876 г. — Первого департамента. Занимая указанные посты, А. А. Половцов продолжал вести свой дневник, который после его соотнесения с карьерой автора можно признать уникальным источником по истории канцелярий Правительствующего сената, источником, предоставляющим исследователям эксклюзивные данные для изучения бюрократических практик этих канцелярий.

Список литературы

1. Голечкова О.Ю. Бюрократ его величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX — начале XX века. М.: АИРО-XXI, 2015. 192 с.
2. Ганелин Р.Ш., Куликов С.В. Основные источники по истории России конца XIX — начала XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 96 с.
3. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. В 2 т. Т. I. 1883–1886 гг. Т. II. 1887–1892 гг. М.: Наука, 1966.
4. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. В 2 т. М.: Центрполиграф, 2005.
5. Из дневника А.А. Половцова // Красный архив. 1934. Т. 6 (67). С. 168–186.
6. Из дневника А.А. Половцова (1895–1900 гг.) // Красный архив. 1931. Т. 3 (46). С. 110–132.
7. Дневник А.А. Половцова // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 75–172.
8. Дневник А.А. Половцова // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 63–128.
9. Половцов А.А. Дневник. 1893–1909. СПб.: Алетейя, 2014. 704 с.
10. Романовы и железнодорожные концессии в 70-х гг. XIX в. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 144–148.
11. Из дневника А.А. Половцова (1877–1878 гг.) // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 170–203.
12. П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. Т. 4 (59). С. 82–109.
13. Данилов И.Г. Итоги судебной практики Правительствующего сената. 1835–1864: Свод положений, извлеченных из решений общих собраний Правительствующего сената по вопросам гражданского и торгового права с указанием подлинного текста наиболее существенных решений. СПб.: Типография К.Н. Плотникова, 1872. 294 с.
14. История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг. В 5 т. СПб.: Типография Правительствующего сената, 1911.
15. Виноградова Л.Г. Основные виды документов Сената и организация его делопроизводства // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX в. Сборник документов. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1967. С. 111–132.
16. Любарская Т.Г. Сенат и его учреждения // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. С. 82–126.
17. Правилова Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX — октябрь 1917 г.). СПб.: Изд-во СЗАГС, Изд-во «Образование-Культура», 2000. 288 с.
18. Ремнев А.В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — XX века). М.: РОССПЭН, 2010. 511 с.
19. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 832 с.
20. Зайончковский П.А. А.А. Половцов. Биографический очерк // Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. В 2 т. М.: Центрполиграф, 2005. Т. 1. С. 7–20.
21. Уортман Р. Властители и судии. Развитие правового сознания в Императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с.
22. Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1910-х гг. Материалы международного научного коллоквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 54–71.
23. Список чинам Правительствующего сената и Министерства юстиции. СПб.: Типография Правительствующего сената, 1863. 424 с.
24. Сборник решений Правительствующего сената. Т. 1. Решения общего собрания первых трех департаментов и Департамента герольдии Правительствующего сената (1835–1864). СПб.: Типография Правительствующего сената, 1864. 1223 с.
25. Сборник решений Правительствующего сената. Т. 2. Ч. I, II. Решения Временного общего собрания (1835–1843) и Общего собрания Четвертого, Пятого и Межевого департаментов (1835–1854). СПб.: Типография Правительствующего сената, 1865. 1116 с.
26. Сборник решений Правительствующего сената. Т. 2. Ч. III, IV. Решения Общего собрания Четвертого, Пятого и Межевого департаментов по делам гражданским (с 1855 по 1863) и делам уголовным (с 1846 по 1863). СПб.: Типография Правительствующего сената, 1866. 1044 с.
27. Данилов И.Г. Итоги судебной практики Правительствующего сената. 1835–1864: Свод положений, извлеченных из решений общих собраний Правительствующего сената по вопросам гражданского и торгового права с указанием подлинного текста наиболее существенных решений. СПб.: Типография К.Н. Плотникова, 1872. 294 с.

References

1. Holeckova O.Y. Bureaucrat of His Majesty retired: A.A. Polovtsov and his circle in the late XIX — early XX century. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2015. 192 p. (In Russ.).
2. Ganelin R. Sh., Kulikov, S.V. The Main sources on Russian history of late XIX — early XX century. SPb.: Dmitriy Bulanin Publ., 2000. 96 p. (In Russ.).
3. Diary of the Secretary of state A.A. Polovtsov in two volumes. Vol. I. 1883–1886. Vol. II. 1887–1892, Moscow: Nauka Publ., 1966. (In Russ.).
4. Polovtsov A.A. Diary of the Secretary of state: In 2 vol. M.: Tsentrpoligraf Publ., 2005. (In Russ.).
5. From the diary of A.A. Polovtsov.Krasny arhiv = Red archive, 1934, vol. 6 (67), pp. 168–186. (In Russ.).
6. From the diary of A.A. Polovtsov (1895–1900).Krasny arhiv = Red archive, 1931, vol. 3 (46), pp. 110–132. (In Russ.).
7. Diary of A.A. Polovtsov.Krasny arhiv = Red archive, 1923, vol. 3, pp. 75–172. (In Russ.).

8. Diary of A.A. Polovtsov.Krasny arhiv = Red archive, 1923, vol. 4, pp. 63–128. (In Russ.).
9. Polovtsov A.A. Diary. 1893–1909. SPb.: Aleteya Publ., 2014. 704 p. (In Russ.).
10. Romanov and railway concessions in the 70-s of the XIX century.Krasny arhiv = Red archive, 1933, vol. 1 (56), pp. 144–148. (In Russ.).
11. From the diary of A.A. Polovtsov (1877–1878).Krasny arhiv = Red archive, 1929, vol. 2 (33), pp. 170–203. (In Russ.).
12. P.A. Shuvalov on The Berlin Congress of 1878.Krasny arhiv = Red archive, 1933, vol. 4 (59), pp. 82–109. (In Russ.).
13. Danilov I.G. Results of judicial practice of the Governing Senate. 1835–1864 (a set of provisions derived from the decisions of the General Assembly of the Governing Senate on civil and commercial law, indicating the original text of the most significant decisions). SPb.: Typography of K.N. Plotnikov Publ., 1872. 294 p. (In Russ.).
14. The history of the Governing Senate for two hundred years. 1711–1911. In 5 vol. SPb.: Printing House of the Governing Senate Publ., 1911. (In Russ.).
15. Vinogradova L.G. Principal documents of the Senate and the organization of his office // Some questions of studying of historical documents XIX – early XX century. L.: Publishing house of Leningrad University Publ., 1967. P. 111–132. (In Russ.).
16. Lubarskaya T.G. Senate and its institutions // Higher and Central state institutions of Russia. 1801–1917. Vol. 1: Higher state institutions. SPb.: Science Publ., 1998. P. 82–126. (In Russ.).
17. Pravilova E.A. Legality and rights of the individual: administrative justice in Russia (second half of XIX – October 1917). SPb.: ZAGS publishing house, Education-Culture publishing house Publ., 2000. 288 p. (In Russ.).
18. Remnev A.V. Autocratic government. The Committee of Ministers in the system of higher management of the Russian Empire (second half of XIX – XX century). M.: ROSSPEN Publ., 2010. 511 p. (In Russ.).
19. Shilov D.N. Statesmen of the Russian Empire. The heads of the higher and central institutions. 1802–1917. Biobibliographic reference book. SPb.: Dmitriy Bulanin Publ., 2001. 832 p. (In Russ.).
20. Zayonchkovskiy P.A. A.A. Polovtsov. Biographical sketch // Polovtsov, A.A. Diary of the Secretary of state: In 2 vol. M.: Tsentrpoligraf Publ., 2005. Vol. 1. P. 7–20. (In Russ.).
21. Wortman R. Rulers and judges. The development of legal consciousness in Imperial Russia. M.: New literary review Publ., 2004. 520 p. (In Russ.).
22. Kulikov S.V. The Royal bureaucracy and the scientific community in the early XX century: regularities and relationship types // Power and science, scientists and power: 1880-s – early 1910-s. SPb.: Dmitriy Bulanin Publ., 2003. P. 54–71. (In Russ.).
23. List of the ranks of the Governing Senate and the Ministry of justice. SPb.: Printing House of the Governing Senate Publ., 1863. 424 p. (In Russ.).
24. Collection of decisions of the Governing Senate. Vol. 1. Decisions of the General Assembly of the first three departments and the Heraldic Department of the Governing Senate (1835–1864). SPb.: Printing House of the Governing Senate Publ., 1864. 1223 p. (In Russ.).
25. Collection of decisions of the Governing Senate. Vol. 2. Parts I and II. Decisions of the Provisional General meeting (1835–1843) and the General meeting of the Fourth, Fifth and Boundary departments (1835–1854). SPb.: Printing House of the Governing Senate Publ., 1865. 1116 p. (In Russ.).
26. Collection of decisions of the Governing Senate. Vol. 2. Parts III and IV. Decisions of the General meeting of the Fourth, Fifth and Boundary departments of civil (from 1855 to 1863) and criminal (from 1846 to 1863). SPb.: Printing House of the Governing Senate Publ., 1866. 1044 p. (In Russ.).
27. Danilov I.G. Results of judicial practice of the Governing Senate. 1835–1864 (a set of provisions derived from the decisions of the General Assembly of the Governing Senate on civil and commercial law, indicating the original text of the most significant decisions). SPb.: Typography of K.N. Plotnikov Publ., 1872. 294 p. (In Russ.).

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ, проект № 17-01-00376.
[2] This article was prepared with the financial support of the Department of Humanitarian and Social Sciences of the Russian Foundation for Basic Research, project № 17-01-00376.
[3] ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 4. Л. 8–9.
[4] Там же. Д. 61. Л. 15–16.
[5] Там же. Л. 45–47.
[6] Там же. Л. 17–23.
[7] Там же. Л. 49–53.
[8] ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 4. Л. 16–18.
[9] Там же. Л. 35–36.
[10] ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 61. Л. 267–271.
[11] Там же. Д. 4. Л. 10.
[12] Там же. Л. 21–22.
[13] Там же. Л. 55–56.
[14] Там же. Л. 64.
[15] Там же. Л. 71.

К.А. Соловьев

ТРУДЫ И ДНИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАНЦЕЛЯРИИ*

«Мариинский дворец был святилищем высшей бюрократии. В нем помещался Государственный совет с Государственный канцелярией, Комитет министров и его канцелярия и канцелярия по принятию прошений на высочайшее имя приносимых. В великолепных залах дворца, устланных бархатными коврами, обвешанных тяжелыми драпировками, уставленных золоченной мебелью, бесшумно двигались необыкновенно статные камер-лакеи в расшитых ливреях и белых чулках, разнося чай и кофе. В дни заседаний пленума (по понедельникам) царила какая-то взволнованная торжественность. Внушительные фигуры по большей части престарелых сановников в лентах и орденах — военные и придворные мундиры — сдержанные разговоры — все создавало какую-то атмосферу недоступности, оторванности от низменной будничной жизни», — так вспоминал В.Д. Набоков, юрист, сын министра юстиции, сам видный общественный деятель, а в 1906 г. депутат Первой Государственной думы[1]. Некоторое время (правда, без особого успеха) он работал в Государственной канцелярии[2].

Именно это учреждение отвечало за делопроизводство в Государственном совете, а также с 1893 г. занималось кодификационной деятельностью. Прежде всего, в его задачи входила подготовка журналов заседаний департаментов высшего законосовещательного учреждения империи. В журналах излагалась сущность законопроекта, мотив его внесения, а также ход обсуждения. Фиксировались высказанные мнения, сделанные замечания. Текст должен был быть предельно кратким. Его следовало изложить буквально на нескольких страницах, что требовало особых навыков и даже талантов от чиновников канцелярии. В.И. Гурко по этому поводу цитировал Вольтера, который «извиняясь за пространность своего письма, писал, что не имеет достаточно времени, чтобы быть кратким»[3].

Действительно, составление журналов было особым искусством. Так, противоположные мнения, высказанные в ходе заседания, должны были быть изложены на одинаковом количестве страниц и даже строк. Если же разногласий не было, редактор фактически не был ничем стеснен. Он мог даже что-нибудь прибавить от себя для большей убедительности высказанных соображений[4]. При наличии разногласий мнение председателя и согласных с ним членов Государственного совета (неважно, составляли ли они большинство или меньшинство) ставилось вторым. Видимо, полагалось, что мнение, прочитанное последним, производит более сильное впечатление.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ, проект № 17-01-00376.

Преамбула к журналу, где излагалось представление министерства, почему-то называлась «колбасой». Ее полагали не слишком важной, и к составлению этой части привлекали наиболее молодых сотрудников Государственной канцелярии. Далее шли общие суждения о законопроекте, затем мнения о его отдельных статьях[5].

Нередкая расплывчатость, неопределенность журналов обуславливалась «жанровыми особенностями». Статс-секретарь Департамента законов Г. И. Шамшин на этот счет говорил: «Знаете, как ласточка, летая над водой, чуть-чуть задевает ее поверхность крылом, вот так и в журналах должны мы касаться существа дела; так чуть-чуть, тем самым ничем не связывая решений Совета по другим более или менее аналогичным делам». Шамшин сам редактировал журналы, фактически переписывая их. Его тексты вполне соответствовали заданным им самим требованиям: «гладко нанизанные слова, почти без всякого содержания». При этом он не обращал никакого внимания на редакцию законопроекта. Обычно он оставался в изложении составителя журнала[6]. Шамшин — весьма показательный пример, впрочем, не все объясняющий. Совсем иначе работал его предшественник Ю. А. Икскуль фон Гильдебандт или, например, статс-секретарь Департамента промышленности и торговли Д. А. Философов. Икскуль стремился вникать в содержание законопроектов, и ради этого он собирал особые совещания своих подчиненных, которые детально рассматривали каждый документ. Философов же, по словам Гурко, умный, талантливый, но крайне ленивый, по возможности передоверял работу своим способным сотрудникам. При этом он не считался с мнениями, высказанными в департаменте. Составленные при его участии журналы практически не соответствовали тому, что в действительности говорилось на заседании[7].

Это не был исключительный случай. Еще в 1850-е гг. канцлер К. В. Нессельроде выражал недоумение, что журнал заседания Комитета финансов даже противоречил тому, что в действительности говорилось. Составлявший его М. Х. Рейтерн парировал: «Но, граф, если бы я ограничивался только тем, что говорилось, то размер журнала не превзошел полстраницы»[8]. Примерно в то же самое время государственный секретарь Н. И. Бахтин объяснял одному из членов Государственного совета, почему в журнале его мнение было изложено недостаточно точно: «Должность государственного секретаря, Ваше превосходительство, весьма трудная, вот видите, нужно, чтобы было изложено в журнале все, что было говорено, и чтоб было умно». Еще более ехидное замечание позволил себе государственный секретарь Е. А. Перетц: «<При ознакомлении с> отчетами и мотивированными мнениями [Государственного совета]... можно предположить, что в Совете сидят чуть ли не Солоны; при публичности заседаний иллюзия совершенно исчезает». Многоопытный Д. М. Сольский на сей счет отмечал, что в журналах должно быть написано не то, что говорилось на заседании, а то, что должно было быть сказано[9]. В 1906 г. А. Н. Куломзин, в прошлом управляющий делами Комитета министров, вспомнил об одном случае, когда столкнулся с резким расхождением журнала Особого совещания о нуждах дворянского сословия (1897–1901) с тем, что говорил сам на его заседаниях. Правда, Куломзин, в отличие от Нессельроде, не подчинился канцелярии и отказался его подписывать[10].

Это свободу «творчества» современный исследователь А. В. Ремнев определил как «искусство редактирования», которое предоставляло Государственной канцелярии большую власть[11]. Ведь Государственный совет никогда не утверждал точной редакции закона. В большинстве его резолюций говорилось: «В изменение и дополнение подлежащих статей Свода законов постановить...» При этом чаще всего не уточнялось, какие именно статьи имеются в виду[12]. По словам Гурко, в итоге точную редакцию закона формулировали чиновники Государственной канцелярии, которые пользовались в этом случае немалой свободой: «Внесенный ведомством проект подвергала [канцелярия] нередко коренной переработке, будто бы редакционной, но на деле часто затрагивавшей суть правил. Конечно, роль канцелярии ограничивалась подробностями, и основных крупных, а тем более политических сторон проекта она касаться не могла». При этом, имея в виду, что большинство законов имели технический характер, следует признать, что Государственная канцелярия играла немалую роль в законотворчестве и многие правовые акты были написаны ее сотрудниками[13].

С 1893 г. Государственная канцелярия отвечала за кодификацию. Свод законов надо было периодически переиздавать, а, следовательно, внимательнейшим образом просматривать все его 16 томов и каждый раз вносить все необходимые изменения. В сущности, чиновникам Государственной канцелярии приходилось делать ту работу, которая обычно приписывается законодательной власти — по своему усмотрению менять правовые акты, полагая ту или иную норму устаревшей. Государственный совет с этой задачей сам бы не справился. И что самое важное: император не должен был даже утверждать решения Государственной канцелярии. Ведь издание Свода законов было как будто было исключительно техническим делом, в которое верховная власть не должна была вмешиваться[14]. Столь ответственная задача требовала чрезвычайно высокой квалификации со стороны сотрудников канцелярии, которыми стали видные правоведы: профессора Н. Д. Сергиевский, Н. М. Коркунов, К. И. Малышев и др.[15]

Всем этим немалым «хозяйством» заведовал государственный секретарь. Среди чиновников ходила шутка, что члены Государственного совета — ничто, его председатель — кое-что, а государственный секретарь — все. По словам Н. Н. Покровского, «должность государственного секретаря была в деловом отношении синекурой: на нем лежала больше политика, разговоры с членами Совета, их умиротворение и соглашение, если они очень разошлись, но дела у него было очень мало. Прибавьте к этому четырехмесячный вакант, прекрасную казенную квартиру на Литейном проспекте и почти министерское содержание: можно было жить и не умирать»[16].

Когда Александр III взошел на престол, он застал в должности государственного секретаря А. Е. Перетца (1878–1882), человека несимпатичного новому царю. Перетца сменил сенатор, опытный государственный служащий А. А. Половцов (1883–1892). Помимо всего прочего, он был очень богатым человеком. Его жена, внебрачная дочь великого князя Михаила Павловича, была воспитанницей и наследницей банкира А. Л. Штиглица. В силу этого обстоятельства Половцов чувствовал себя свободнее многих своих коллег: его благосостояние никак не зависело от государева

жалованья, и он с удовлетворением сбросил с себя бремя службы, когда в 1893 г. его сменил Н. В. Муравьев (1893–1894). Последний был очень амбициозным государственным деятелем и в должности государственного секретаря долго оставаться не собирался, сменив ее на портфель министра юстиции. Вместо Муравьева был назначен В. К. Плеве (1895–1902), который, правда, мечтал о другом кабинете — министра внутренних дел. Ведь долгое время Плеве был ближайшим сотрудником целой череды министров: М. Т. Лорис-Меликова, Д. А. Толстого, И. Н. Дурново. В итоге это назначение не обойдет его стороной, но станет роковым. Плеве будет убит в должности министра внутренних дел 15 июля 1904 г. В это время должность государственного секретаря занимал В. Н. Коковцов (1902–1904), будущий министр финансов и глава правительства. Его, в свою очередь, сменил барон Ю. А. Икскуль фон Гильдебандт (1904–1909).

В руках государственного секретаря оказывались многие нити управления. В конце концов, именно он говорил с императором от имени Государственного совета. Его председатель, великий князь Михаил Николаевич, против этого возражал, но ничего поделать не мог. Половцов, не желая раздражать великого князя, не столь часто встречался с царем, зато постоянно ему писал[17]. Ведь вся ответственность за подготовку журналов ложилась на плечи именно государственного секретаря. Половцов подчеркивал, что государственный секретарь — это секретарь не председателя Совета, а скорее даже императора. Его постоянное взаимодействие с царем позволяло последнему хоть как-то влиять на подготовку решений. В противном случае государь оказывался заложником уже принятых постановлений[18]. Государственный секретарь комментировал для императора прошедшее обсуждение в Государственном совете, рассказывал о заявленных позициях, выступлениях сановников, объяснял значение утвержденной резолюции и даже, вопреки всем процедурам и правовым нормам, вносил собственные законопроекты, предлагал государю решение, казавшееся ему оптимальным[19].

Наконец, государственный секретарь выступал посредником между членами Государственного совета, узнавал их мнения, добивался взаимных уступок, готовил почву для консенсуса, столь необходимого для успешной работы высшего законосовещательного учреждения. Например, в ноябре 1888 г. А. А. Половцов выстраивал стратегию действий большинства Государственного совета, недовольного проектами реформы местного самоуправления, задуманными Д. А. Толстым (в том числе, об учреждении земских начальников). Половцов предложил заявить в ходе заседания контрпроект, альтернативный министерскому. Для этого следовало скоординировать действия сановников, что требовало предварительных непростых переговоров[20].

В. К. Плеве, занимая эту должность, предпочитал в непосредственную работу канцелярии не вмешиваться. Его безусловное влияние основывалось на знании закулисной стороны законотворческой работы, многочисленных связях и умении манипулировать людьми. Он был непременным членом особых совещаний Государственного совета, где рассматривались наиболее острые в политическом отношении вопросы. Причем эти комиссии очень часто формировались при непосредственном участии самого Плеве. Слово государственного секретаря многое значило при выборе новых членов Государственного совета. По словам Гурко, Плеве фактически подбирал их из наиболее деятельных сенаторов. Он пользовался немалым влиянием на председателя, великого князя Михаила Николаевича[21]. И, в конце концов, государственный секретарь многое значил при решении вопроса о назначении жалованья членам Государственного совета в период их продолжительного отпуска. Половцов настоял на том, чтобы жалованье этом случае платилось лишь при наличии специального ходатайства. В противном случае значительные казенные средства переводились бы и так состоятельным лицам, никак не обремененным государственной деятельностью. В то же самое время многие чиновники действительно нуждались в деньгах. Иными словами, этот вопрос требовал индивидуального подхода, который не мог быть осуществлен императором без помощи государственного секретаря[22].

За государственным секретарем стоял сравнительно многочисленный аппарат. Конечно, особую роль в канцелярии играли статс-секретари департаментов, непосредственно руководившие их делопроизводством. Именно они докладывали обсуждавшиеся проекты председателям департаментов, что зачастую могло влиять на исход дела.

Сотрудники канцелярии преимущественно работали дома, приезжая в Мариинский дворец лишь тогда, когда там заседал Государственный совет. В иные часы они являлись на службу как в своего рода клуб, где можно было попить чаю или кофе и обменяться слухами и обсудить новости. Чаще всего они собирались в читальне Государственного совета. На рабочем же месте были лишь писари и экспедиторы. Кроме того, там вычитывались корректуры журналов Совета и составлялись справки о назначенных к слушанию проектах, что обычно делали молодые люди, причисленные к канцелярии. Составление справок не было особенно трудным занятием. В этом случае в полном смысле этого слова господствовал метод «ножницы и клея». Справки складывались из «вырезок» из действовавшего законодательства, после чего отправлялись в Государственную типографию и распечатывались в необходимом количестве. «Жертвами» канцеляристов становились многочисленные экземпляры Свода законов, которые изводились именно для этой цели[23].

«Для поступления в число причисленных к Государственной канцелярии нужно лишь высшее образование и личное убеждение государственного секретаря в возможности причисления. Всякого Вами рекомендованного я приму с великой радостью. Всего удобнее сделать это в январе. Следует явиться ко мне с бумагами и прошением», — писал графу С. Д. Шереметеву государственный секретарь Н. В. Муравьев 6 декабря 1892 г.[24] Иными словами, попасть в канцелярию было непросто. Многое зависело от личного расположения ее руководителя. Эта служба была очень привлекательной для молодых амбициозных людей. Они получали четырехмесячный отпуск (ведь они не работали тогда, когда не заседал Государственный совет); свободно располагали своим временем; у них, само собой, складывались полезные знакомства с представителями бюрократического «Олимпа», что было небесполезно для последующей карьеры. Некоторые даже почитали за честь быть причисленными к канцелярии[25]. Они не получали жалованья, но рассчитывали извлечь иные выгоды из своей службы. В. К. Плеве в шутку называл их «знатны-

ми иностранцами». Государственные секретари старались по мере возможности отказываться от их услуг. В марте 1883 г. А.А. Половцов поставил вопрос об отчислении от канцелярии 40 человек, которые не несли никаких обязанностей, а некоторые даже и не проживали в Петербурге, и вместе с тем получали чины и ордена[26]. Впрочем, был и другой случай. Некоторые сотрудники канцелярии — так называемые аспиранты, причисленные к канцелярии без жалованья, — долгое время трудились на ниве государственной службы и вместе с тем ждали, когда освободится штатная должность. Правда, даже тогда, когда это случилось бы, они не могли рассчитывать на решение всех своих финансовых проблем. Ведь жалованье в Государственной канцелярии заметно уступало тому, на которое мог рассчитывать чиновник в любом министерстве. Плеве выделял и другую категорию лиц в подведомственном ему учреждении — «белые рабы», на которых ложилось основное бремя работы. Однако, прежде всего, они продвигались вверх по карьерной лестнице. «Фаворитизма, продвижения по протекции, по крайней мере, на ответственные должности, не было, да оно и было невозможно: работа канцелярии требовала значительного умственного развития, большого навыка и немалого труда. Если дни у работающих чинов канцелярии могли быть более или менее свободными, то зато вечера и даже ночи сплошь проводили они за письменным, правда, собственным столом»[27].

В Государственной канцелярии не чувствовалась строгая субординация. Статс-секретарь департамента воспринимался скорее как старший товарищ, чем как начальник[28]. Встречи сотрудников Государственной канцелярии со статс-секретарем более напоминали собрания завсегдатаев салона, нежели аудиенцию у руководителя. «Мягкая мебель, тяжелые портьеры, ковры, картины, бронза. В стороне одинокий письменный стол. Садились на мягких креслах вокруг крытого тканной скатертью другого центрального круглого стола. Непринужденно курили. Дворцовые служители в ливрейных фраках с позументами и аксельбантами, в чулках и башмаках обносили нас чаем с печеньем»[29].

Такая атмосфера объяснялась как традициями учреждения, так и тем, что его сотрудники были связаны общим делом, требовавшим немалых знаний и исключительных умений. В их среде формировалось своего рода братство, в которое было непросто попасть. Только в канцелярии «путем постепенного со времен Сперанского усовершенствования форм делового изложения выработались традиционно передаваемые от поколения к поколению приемы казенного писания и канцелярский стиль, поистине образцовые. Богатство содержания в немногих словах. Преимущественно короткие предложения. Много точек. Мало запятых. Умелые переходы от одной мысли к другой. И умение связывать отдельные абзацы в непрерывной текучести изложения. Тщательная всесторонняя разработка основной темы, краткая, но сильная аргументация деталей. Стиль достойный, строгий, но простой, отнюдь не выспренний, не архаический, не смешной, как бывала смешна канцелярская бумага. Воздержание от повторения в близких предложениях одних и тех же слов. Строгость, убедительность и в то же время образность слова. Умение привести в стройную систему правила редактируемого закона формулировать каждое правило настолько ясно, чтобы не могло возникнуть сомнений в его понимании и толковании. Писание, основанное на тщательном изучении прецедентов, опирающееся на солидное знакомство со всем действующим законодательством»[30].

Работа в Государственной канцелярии могла показаться простой только человеку со стороны. Да, ее сотрудники справлялись со своими обязанностями не в Мариинском дворце, а преимущественно дома, но трудиться там приходилось немало. Журналы по мелким законопроектам требовали скорейшей разработки. Сроки для подготовки «крупных журналов» не были указаны. Но это был очень кропотливый труд, предполагавший «отделку» весьма объемных текстов: в них могло быть более 200 стр.[31]

Эта служба многому учила. У чиновников, прошедших школу Государственной канцелярии, были заведомые преимущества перед их коллегами. Они имели уникальный навык написания законодательных актов. Когда в 1902 г. перед В.И. Гурко встала задача подготовки проекта крестьянского общественного самоуправления, он не мог в полной мере рассчитывать на своих ближайших сотрудников — Я.В. Литвинова и Г.В. Глинку. Бывшие непременные члены губернских присутствий не были готовы к такой работе[32].

Наконец, в Государственной канцелярии ковались кадры министров. К началу XX столетия в ней служило около ста человек. Из них одиннадцать впоследствии стали руководителями ведомств: В.Н. Коковцов — будущий председатель Совета министров и министр финансов, А.Д. Философов — государственный контролер и министр торговли, П.М. фон Кауфман — министр народного просвещения, П.А. Харитонов — государственный контролер, А.Ф. Трепов — министр путей сообщения и председатель Совета министров, А.С. Стищинский — главноуправляющий землеустройством и земледелием, С.В. Рухлов — министр путей сообщения, князь Д.П. Голицын — главноуправляющий ведомством императрицы Марии, барон Ю.А. Икскуль фон Гильдебандт — государственный секретарь. Сами же государственные секретари Н.В. Муравьев, В.К. Плеве и В.Н. Коковцов ушли из канцелярии, один — министром юстиции, другой — внутренних дел, а третий — финансов[33].

Государственную канцелярию недолюбливали руководители ведомств, которые часто оказывались в полной зависимости от нее. О ней сплетничали и злословили. В начале 1880-х гг. бывший министр внутренних дел А.Е. Тимашев распространял слухи, что Государственная канцелярия — «гнездо революционеров»[34]. Об этом же специально говорил председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич с только что назначенным государственным секретарем А.А. Половцовым[35]. Схожего мнения придерживался и сам Александр III, который отметил Половцову: «Я сидел в Государственном совете, будучи великим князем, и уже тогда меня коробило от направления, которое получили дела благодаря стараниям Государственной канцелярии... Я надеюсь, что Вы дадите делу другое направление и перемените состав Государственной канцелярии»[36]. Половцов предпочел в этом деле не торопиться, желая сохранить в своем ведомстве квалифицированных чиновников, на которых, правда, продолжали «сыпаться» различные обвинения.

Действительно, канцелярия задерживала обсуждение нового Университетского устава. Весной 1883 г. она не спешила рассылать его проект

членам Государственного совета, и те могли вполне резонно возражать И. Д. Делянову, настаивавшему на ускоренном рассмотрении документа. Министру народного просвещения ничего не оставалось, как сдаться: «Он что-то бормотал, но не счел нужным сколько-нибудь энергически протестовать против столь бесцеремонного обращения с его проектом»[37]. И впоследствии, в 1884 г., Государственная канцелярия задерживала ход законотворческой работы при утверждении нового Устава. Это возмущало Н. А. Любимова еще в январе 1884 г. Немногое изменилось к концу апреля. 24 апреля Н. А. Любимов писал М. Н. Каткову: «Университетский устав тянут в канцелярии самым отвратительным и наглым образом. Великий князь Михаил Николаевич спрашивал на днях статс-секретаря Железникова, что же не доставляют протоколов. Тот ответил: повесьте меня, если дело не будет кончено к концу мая. Но до сих пор ничего не прислано и, как оказалось, ничего не печатано. Если пришлют Бог знает что в мае — что же будем делать? Очевидно, надо будет переписать вновь свое и стоять твердо»[38].

Обвинения Государственной канцелярии звучали и в периодической печати, прежде всего, на страницах «Московских ведомостей», что не могло не возмущать государственного секретаря А. А. Половцова. 8 мая 1884 г. он писал К. П. Победоносцеву: «Конечно, г. Катков не мог слышать моих разговоров и внушений моим подчиненным, не мог сравнить массы лежащей на них работы со средствами, нам уделенными, конечно, он не в состоянии знать таких фактов, как, например, что по недостатку канцелярских средств я отдал свое собственное жалованье на усиление канцелярской суммы для ускорения переписки по рассматриваемым ныне делам, следовательно, в том числе и университетского дела»[39].

Периодически в «высших сферах» ставился вопрос: откуда газетчикам становилось известно обо всем происходившим на заседаниях Государственного совета. Опять же подозревали «неблагонадежных» чиновников канцелярии. Государственный секретарь А. Е. Перетц всякий раз был вынужден отводить подозрения от своих сотрудников, утверждая, что, скорее всего, сами чересчур разговорчивые члены Совета, захаживая в Английский клуб, сообщали сокровенные тайны из жизни высшего законосовещательного учреждения Империи[40].

Вероятнее всего, Перетц был прав. Обвинение было несправедливым. И в дальнейшем, в начале XX в., чиновников Государственной канцелярии обвиняли в излишней болтливости или в недобросовестности тогда, когда в действительности все тайны разглашали сами министры[41]. Тем не менее это обвинение само себе весьма красноречиво. Молодые люди, в сущности, начинающие чиновники, волею судеб оказались в самом центре государственной жизни России. Они знали многие ее секреты, а главное, во многом вершили судьбу страны. Представители новой генерации квалифицированной бюрократии были незаменимыми, несмотря на все предубеждения старшего поколения. В системе постоянного делегирования полномочий — от высшего к низшему — на них «сваливались» вопросы огромной важности, казалось бы, не соответствовавшие их сравнительно невысокому статусу. Это лишний раз подчеркивает тот факт, что Россией правила именно корпорация чиновников, многих из которых даже нельзя отнести к высокопоставленным.

[1] Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 1. С. 73.
[2] «Он (В. К. Плеве — К. С.) был взыскателен и по отношению к любимцам. Одним из них был некоторое время служивший в младших должностях канцелярии, впоследствии видный «кадет», Владимир Дмитриевич Набоков, сын бывшего министра юстиции Набокова. Считая себя по какому-то поводу обязанным отцу, под начальством которого в свое время служил, Плеве был исключительно благожелателен по отношению к сыну. Не только быстро назначил его на штатную должность в канцелярию, но и провел в камер-юнкеры. Набоков, хотя способный, но самовлюбленный и не в меру себя переоценивавший, тяготился медленностью карьеры и, поработав и показав, что может работать, стал от работы отлынивать, отдавшись другим перспективам, отчасти в области научного дилетантизма, отчасти общественной деятельности. В конце концов, он вовсе бросил работать в канцелярии, продолжая, однако, оставаться в штате и получать жалование. Плеве его призвал. Отчитал в следующих примерно выражениях: "Владимир Дмитриевич, — сказал он, — вы, бесспорно, являетесь ценностью, но по отношению к канцелярии ценностью, к сожалению, лишь декоративного свойства. Мне думается, что как ни высоко учреждение, в котором вы фактически не служите, а которое только украшаете своим редким присутствием, вы все-таки и для него представляетесь роскошью непозволительною. Прошу вас сделать соответствующий вывод из этих слов". Набоков подал прошение об увольнении» (Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 118).
[3] Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 114.
[4] Там же.
[5] Покровский Н. Н. Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 79.
[6] Гурко В. И. Указ. соч. С. 115.
[7] Там же. С. 113–115.
[8] Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 348.
[9] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 94.
[10] Куломзин А. Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 921.
[11] Ремнев А. В. Российское делопроизводство: от «науки фифиологии» к «искусству редактирования» (бюрократическое зазеркалье XIX столетия) // Документ в контексте истории: материалы II междунар. науч. конф. Омск, 2009. С. 17–28.
[12] Лазаревский Н. И. Закон и Свод // Право. 12 сентября 1899. № 37. Стб. 1681–1682.
[13] Гурко В. И. Указ. соч. С. 112.
[14] Лазаревский Н. И. Закон и Свод // Право. 12 сентября 1899. № 37. Стб. 1684.
[15] Гурко В. И. Указ. соч. С. 122.
[16] Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 80. Правда, с такой постановкой вопроса явно бы не согласился А. А. Половцов. 11 января 1883 г., оставшись больным дома, он записал: «Сижу целый день дома и занимаюсь многочисленными, чуть ли не ежеминутно получаемыми делами. Надо читать и распределять входящие бумаги, назначать дела на доклад, исправлять журналы и т. д., словом, быть центром и организатором движения совокупных дел Совета» (Половцов А. А. Указ. соч. С. 32).
[17] Половцов А. А. Указ. соч. С. 30–31.
[18] Там же. С. 197–198.
[19] А. А. Половцов делал выписки из мемориев для императора и, помимо этого, сообщал ему о ходе дискуссии на заседании Государственного совета. Эта информация была строго конфиденциальной. «Надеюсь, что Вы бросаете эти листки в огонь?» — спросил государственный секретарь Александра III о судьбе подготовленных им бумаг. «Нет, я сохраняю все, что Вы мне пишите, оно мне бывает полезным для справок, но никто этого не видит, бумаги эти лежат под ключом» (Половцов А. А. Указ. соч. Т. 2. С. 39). Можно лишь порадоваться, что в итоге был сохранен уникальный источник, замечательно характеризующий деятельность Государственного совета и сам процесс законотворчества. Эта практика формировалась в годы царствования Александра III. При Александре II ситуация отличалась. Е. А. Перетц описывал ее так: «Покойный государь был замечательно добросовестный работник. Все представлявшееся Его Величеству — а представлялась ему масса дел, в числе которых бывали и сложные записки, — рассматривались безотлагательно… По заведенному издавна порядку мемории Государственного совета должны быть на столе у государя во вторник, рано утром. Если мемория не слишком объемиста, т. е. листов 40–50, то я получал ее обратно к часам 4-м, если она более этого размера, листов до 80, то к вечеру, а если она еще толще, то на следующее утро. Замечательно, что государь не прерывал своих занятий и в путешествиях, читая дела [не только] на пароходах и железных дорогах, но даже и в городах, где оставался короткое время. Мне случалось высылать мемории в Харьков и Москву, где государь оставался проездом день или два. Мемории всегда рассматривались и возвращались безотлагательно, несмотря на то что у государя бывало очень много другого дела, как, например, присутствие при богослужении, выход, смотр войскам, приемы местных властей, обеды и проч., а иногда и посещение учебных заведений, больниц и т. п.» ([Перетц Е. А.] Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря (1880–1883). М. — Л., 1927. С. 30).
[20] Половцов А. А. Указ. соч. Т. 2. С. 107–111.
[21] Гурко В. И. Указ. соч. С. 124.
[22] Половцов А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 302–303.
[23] Гурко В. И. Указ. соч. С. 110–111.
[24] РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1139. Л. 8 об.— 9.
[25] Как писал В. Б. Лопухин, «служба была интересная и обставлена исключительно приятными условиями. Интерес заключался в том, что служащие являлись свидетелями, а работой своей и участниками совершавшихся важнейших государственных актов. Перед ними в заседаниях Государственного совета

проходили все министры» (Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 107).
[26] Половцов А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 78.
[27] Гурко В.И. Указ. соч. С. 112–113.
[28] Лопухин В.Б. Указ. соч. С. 108.
[29] Там же. С. 116.
[30] Там же. С. 110.
[31] Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 79.
[32] Гурко В.И. Указ. соч. С. 166.
[33] РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 16.
[34] Половцов А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 25.
[35] Там же. С. 26.
[36] Там же. С. 29.
[37] ОР РГБ. Ф. 120. К. 36. Л. 42 об.– 43.
[38] Там же. К. 19. Л. 116–118.
[39] К.П. Победоносцев и его корреспонденты: В 2 т. Минск, 2003. Т. 2. С. 19.
[40] [Перетц Е.А.] Дневник Е.А. Перетца. М. – Л., 1927. С. 115.
[41] РГИА. Ф. 1162. Отдел личного состава и общих дел. Оп. 2. Д. 12. Л. 70–71, 77, 81–82.

В.Е. Чуров

ДОЗНАНИЕ О ВЛАДЕЛЬЦЕ ИМЕНИЯ «ЧАРКОВЫ», ПИНЧОВСКОГО УЕЗДА, КЕЛЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ АВСТРИЙСКО-ПОДДАННОМ ГРАФЕ КСАВЕРИИ ПУСЛОВСКОМ И СЛУЖАЩЕМ ТОГО ЖЕ ИМЕНИЯ РУССКО-ПОДДАННОМ ИВАНЕ НЕВЕНГЛОВСКОМ, ЗАПОДОЗРЕННЫХ В ВОЕННОМ ШПИОНСТВЕ

В 2014 г. на русском языке были изданы выдержки из дневников генерал-майора сэра Альфреда Нокса, бывшего в 1914–1917 гг. британским офицером связи при сражавшейся русской армии.

Первоисточником стало английское двухтомное издание 1921 г.: «With the Russian army. 1914–1917. Being chiefly extracts from the diary of a military attaché. By major-general sir Alfred Knox, K. C. B., C. M.G. With 58 illustrations, chiefly from photographs taken by the author, and 19 maps. V. I, II. London: Hutchinson & Co. Paternoster Row. 1921». Переводится титульный лист так: «С русской армией. 1914–1917. Основные извлечения из дневника военного атташе. Генерал-майор сэр Альфред Нокс, рыцарь-командор ордена Бани, компаньон ордена Михаила и Георгия. С 58 иллюстрациями, в основном фотографиями, предоставленными автором, и с 19 картами. Т. 1, 2. Издано в Лондоне Хатчинсоном и Ко на Патерностер Роу в 1921 г.»

Старинная узкая улочка Патерностер Роу с северной стороны собора Святого Павла в Лондоне была традиционным местом расположения книжных магазинов и издательских контор. Издательство сэра Георга Томпсона Хатчинсона занимало дома 34–36. В ночь с 29 на 30 декабря 1940 г. немецкая авиация стерла улицу с лица земли вместе с книгами и рукописями.

В Америке дневники Нокса вышли в том же 1921 г. в нью-йоркском издательстве Эдварда Пейсона Даттона «New York; E.P. Dutton and Company. 681, Fifth Avenue», в Бруклине, рядом с Гринвудским кладбищем.

Английское издание много добротнее «экономного» русского, в нем действительно оригинальные фотографии и отличные карты, есть подробное оглавление и алфавитный указатель имен и географических названий.

Выберем из дневников Нокса один случай, относящийся к раннему периоду боев на границе с Австро-Венгрией на территории нынешней Польши.

«Среда, сентября 23 дня, 1914. Злота. <...> На холодном ветру мы ехали [из Стопницы] по самым ужасным, когда-либо виденным мною, даже

в России, дорогам до Вистлицы [на реке Нида]. Затем развернулись влево (к югу) в две колонны и вступили в бой с примерно двумя сотнями польских партизан “соколов” — не самое захватывающее событие! <...>

Во время нашей сегодняшней стычки с “соколами” мы сожгли усадьбу Чарковы — красивый старый дворец. Владельца, молодого графа Паловски, вместе с его управляющим привезли к нам на деревенской телеге. Мне было жаль юношу, выглядевшего культурным джентльменом, особенно по контрасту с некоторыми окружавшими его. Однако не вызывало сомнения, что именно он укрывал “соколов” до нашего подхода, а местные жители указывали на него как на главного организатора этого отряда. Его старший брат, австрийский подданный, служит офицером в австрийском кавалерийском полку. Другой брат служил вольноопределяющимся в том самом полку, который сегодня схватил его».

Вот этот эпизод, малоизвестный нам, русским, требует пояснения. Тем более что в опубликованном переводе дневников Нокса есть две ошибки: вместо местечка Вистлица напечатано «Висла», а Паловски шаловливым пером переводчика превращен в Павловского. Впрочем, богатый владелец имения Чарковы над Нидой (Czarkowy nad Nidą), ровно посередине между Вислицей и Корчином, в пяти верстах от каждого, прозывался вовсе не Паловским или Павловским, а Пусловским (Pusłowski).

Австрийско-подданный граф Францишек Ксаверий Мариан Пиус Владислав Владимир Александр Пусловский герба Шелига (Franciszek Ksavery (Xavery) Maryan Pius Władysław Włodzimierz Alexander hrabia Pusłowski herbu Szeliga) в 1914 г. вовсе не был юношей — ему исполнилось 39 лет, и он состоял лейтенантом кавалерии в резерве австро-венгерской императорской и королевской армии (Kaiserlich und Königlich Armee). Возможно, Нокс «омолодил» его ради большего сочувствия к благовоспитанной жертве русских, хотя и временных союзников, но «варваров».

Семейство слонимских землевладельцев Пусловских разбогатело и вошло в круг польской аристократии только в начале XIX в., и обязано тем русским деньгам. Войцех Пусловский (Wojciech Jan Pusłowski) составил огромное состояние в 1812–1814 гг. на поставках продовольствия и снаряжения для русской армии. О том, как наживались комиссионеры в 1812 г., рассказал в «Записках» Алексей Петрович Ермолов — при подходе врага сжигались магазины, якобы полные собранных припасов, на самом же деле пустые. Правительство за них платило, да еще по завышенным ценам. Кажется, Пусловский, или Пуславский, был честнее прочих комиссионеров. Он последовал за отступавшей русской армией и вернулся в Литву и Польшу вместе с ней, за что 17 марта 1813 г. был удостоен ордена Святой Анны 1-й степени. После войны Пусловский преумножил капитал, распоряжаясь деньгами, выделенными российским правительством для компенсации помещикам, утратившим свое имение по военным обстоятельствам: платил треть положенного, зато наличными деньгами и сразу. К тому же он скупал выморочные имения в Польше и Литве. Его даже прозвали «польским царем Мидасом» — все, к чему прикасались его руки, превращалось в золото — злотые и рубли. Их Пусловский пускал в оборот, основывал кирпичные заводы, суконные и бумажные фабрики, держал винокурни, пивоварни, смолокурни. Немало способствовала его успехам женитьба на сестре своего делового партнера по поставкам и заведению промышленности, будущего министра финансов Царства Польского князя Ксаверия Францовича Друцкого-Любецкого, Иосифе-Юзефе (Józefą). 4-го класса (действительный статский советник) с 1811 г., 3-го класса (тайный советник) с 1819 г. и 2-го класса (действительный тайный советник) с 1835 г., член Государственного совета Российской Империи по Департаменту дел Царства Польского князь Ксаверий Францович Друцкий-Любецкий оказал немалые финансовые услуги государству и лично двум императорам — Александру I и Николаю I. Будучи комиссаром по ликвидации расчетов с иностранными державами Пруссией, Австрией, Францией и прежним Великим Княжеством Варшавским, предприимчивый князь добился для России малых проторей и больших прибылей. Удостоен был орденов Александра Невского (16 апреля 1826), Святого Владимира 3-й степени (1815), Белого Орла, Святой Анны 1-й степени (24 апреля 1812), австрийского ордена Леопольда и прусского ордена Черного Орла.

Войцех Пусловский тоже заслужил у русского царя чин действительного статского советника. На хранящемся в Вильне портрете кисти Валентия Ваньковича Его Превосходительство пан Пусловский изображен в польском кунтуше с лентой и звездой ордена Святой Анны. Перед смертью он разделил между сыновьями 20 000 крепостных душ!

Пятеро сыновей Войцеха Пусловского пошли разными дорогами, но состояние не растранжирили. Франц Войцехович (или Францишек) Пусловский избрал русскую дипломатическую службу. По сей службе и на выборных должностях по дворянству достиг чина действительного статского советника и ордена Святого Станислава 1-й степени. С 1840 по 1846 г. избирался предводителем дворянства Гродненской губернии, а с 1846 по 1855 г. — предводителем дворянства Виленской губернии.

Зато Титус Адам заставил поволноваться отца и братьев. Во время Ноябрьского восстания 1830 г. отставной корнет Александрийского гусарского полка возглавил мятежников Пинского уезда, сформировав отряд в одну тысячу человек из рабочих своей фабрики, крестьян и учащихся Кременецкого лицея. 27 июля (8 августа) 1831 г. отряд был наголову разбит и рассеян полком регулярной русской кавалерии, потеряв убитыми, ранеными и пленными ровно половину состава. Отнесенный русскими властями к 1-му и 2-му разрядам бунтовщиков, Титус Пусловский бежал во Францию, где для продолжения борьбы вступил в радикальный лелевелевский «Народный комитет». Имущество его должно было быть конфисковано, но отец формально лишил его наследства и передал долю земли, усадеб и предприятий брату. Долгая тяжба с правительством свела Войцеха Пусловского в могилу в 1833 г., но основная часть «маятка» осталась в семье.

Другие два сына Ксаверий Францишек и Вандалин 23 марта (4 апреля) 1869 г. были возведены папой Пием IX вместе с мужским потомством умершего в 1859 г. младшего брата Владислава Яна Адама Иосифа Агриппы в графское римское достоинство. Утратив светскую власть над Римом и ближайшими окрестностями, составлявшими Папскую область, в 1871 г. Пий IX выдал Пусловским новую грамоту, подтверждающую их графский титул. Однако в России сомнительное графское достоинство «от папы римского» рода Пусловских герольдией не признавалось, по-

томственное дворянство же не оспаривалось, и титулование графами «из вежливости» сохранялось.

Отцом «молодого» графа Францишека Ксаверия Пусловского, наблюдавшего с телеги в 1914 г., как сгорает дворец в Чарковах, стал второй сын Владислава Яна Адама Иосифа Агриппы Пусловского и его жены Геновевы, дочери князя Ксаверия Друцкого-Любецкого, — семьи Пусловских и Друцких-Любецких роднились неоднократно. Отца Франтишека Ксаверия по первому имени звали Сигизмундом (Zygmunt Władysław Mikołaj Felix Adam hrabia Pusłowski), оттого в России его сына записывали Францем-Ксаверием Сигизмундовичем или просто Ксаверием Сигизмундовичем графом Пусловским.

Старший брат Ксаверия Сигизмундовича действительно, как и упомянуто Ноксом, служил в австро-венгерской армии, сначала добровольцем-разведчиком на собственном автомобиле, курсируя вдоль фронта и в ближнем тылу русских войск, позднее пересел на коня и перешел в штаб командующего 2-й австрийской армией генерала от кавалерии Эдуарда Бём-Эрмоли (Eduard Böhm-Ermolli). Владислав Эмануэль Пиус Францишек Владимир граф Пусловский погиб во время наступления на Львов 9 (22) мая 1915 г. под Корничами (Корничи, Kornice), в 15 верстах к северу от Самбора.

Младший брат Ксаверия Сигизмундовича на самом деле, и здесь Нокс точен, еще в конце XIX в. зачислен был в России вольноопределяющимся в 40-й драгунский Малороссийский полк в Сташове, что в Радомской губернии. Находясь на службе в полку, Владимир Владислав Пиус Мариан Юлиан Ксаверий Зигмунд граф Пусловский 21 октября (2 ноября) 1899 г. покончил жизнь самоубийством. Ему было всего 22 года! Сменивший в 1907 г. номер с 40-го на 14-й драгунский Малороссийский полк в составе левой колонны 14-й кавалерийской дивизии вошел в Чарковы 10 (23) сентября 1914 г.

Граф Ксаверий Сигизмундович (Францишек Ксаверий) Пусловский родился во Франции в Виль-д'Авре рядом с Севром и получил отличное европейское образование в Кракове и Берлине, где изучал философию, историю искусств и право. Знал шесть европейских языков. Прошел трехлетнюю армейскую подготовку во Львове и получил звание офицера резерва австрийской армии. Несмотря на любовь к изящным искусствам и литературе, кровь кипела в нем, и в 1904 г. граф, истинный поляк, отправился вместе с Юзефом Пилсудским в Японию воевать против России, но, кажется, к боям не поспел или японцы не пустили на фронт. Как совладелец имений граф имел разрешение на пребывание на территории Российской Империи.

Началась Мировая война, русская армия заняла всю Восточную Галицию, осадила мощнейшую крепость Перемышль и подступала к Кракову и Карпатским перевалам. В конце лета и начале осени 1914 г. австрийский подданный граф Ксаверий Сигизмундович (Францишек Ксаверий) Пусловский вместе с российским подданным Владиславом Зигмунтом Белиной-Пражмовским, членом «Стрелецкого союза» Юзефа Пилсудского, организовал в тылу русских войск из пеших и конных людей числом около двух сотен партизанский отряд. Базой отряда стало имение Пусловского Чарковы над Нидой. Узнав о приближении русской кавалерии, в ночь

с 9 на 10 (с 22 на 23) сентября отряд напал на передовую казачью сотню, расположившуюся на ночлег в Сжытниках (Szczytniki), в двух верстах от Чарковы, на противоположном берегу Ниды. Однако благодаря организованным штабом 14-й дивизии мерам усиленного охранения, о чем пишет Шапошников, атаку польских инсургентов отразили без потерь, и вся 1-я бригада, 14-й драгунский Малороссийский драгунский и 14-й уланский Ямбургский полки, вступила в конном строю в преследование партизанского отряда, рубя, коля и расстреливая горстку поляков.

В позднейшей польской истории отряд назовут Первым эскадроном Легионов Польских, а бой над Нидой — первым сражением Легионов Польских. В Чарковах по сему случаю построят мемориал.

В Чарковы после допроса пленных и местных крестьян, с удовольствием указавших на своего господина как на австрийского шпиона и организатора сокольского партизанского отряда, командир корпуса генерал Новиков арестовал «молодого» графа и приказал подполковнику 14-го уланского Ямбургского полка Владимиру Казимировичу Закржевскому сжечь дворец со всем его содержимым и уничтожить хозяйственные постройки, не тронув крестьянские дворы. Был составлен протокол (!), и вскоре старый двухэтажный дворец под четырехскатной с переломом мансардной крышей, с пышным барочным фронтоном над главным входом ярко запылал. Поляки утверждают, что мебель, картины, гравюры, рукописи и книги из богатой коллекции Пусловских были вынесены на двор, облиты керосином и сожжены на глазах у графа. Уцелела лишь часть, хранившаяся в краковском доме Пусловских.

Граф и его слуга задержаны были с оружием, пистолетом «Браунинг» и револьвером, на которые, однако, имелись платные билеты на право содержания.

На сайте filokartysta.pl обнаружилась литография 1913 г. с изображением дворца в Чарковах, принадлежавшего братьям Владиславу и Францишеку (Францу Ксаверию, Ксаверию Сигизмундовичу) Пусловским.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) находятся документы, подшитые в сизого цвета тонкую папку с белой этикеткой «Краткое дознание № 25, произведенное при Келецком Губернском Жандармском Управлении о владельце имения Чарковы, Пинчовского уезда, Келецкой губернии австрийско-подданном графе Ксаверии Пусловском и служащем того же имения русско-подданном Иване Невенгловском, заподозренных в военном шпионстве. Начато 24 Сентября 1914 года. Кончено 30 Сентября 1914 года. На 32 листах». (Ф. 1716. Оп. 1. Д. 24). Объявились новые детали сей истории.

Скрипя колесами, крестьянская телега с арестованными потащилась под конвоем из Чарков на север, в штаб 1-го кавалерийского корпуса, с комфортом расположившегося в посаде Буск Стопницкого уезда Келецкой губернии. Этот курортный городишко, прежде известный построенной по воле Николая I летней больницей Святого Николая для увечных воинов с церковью Святого Пантелеймона, где в 1914 г. служил и попал в австрийский плен будущий Новомученик и Исповедник Российский священник Емилиан Иванович Панасевич, теперь называется в Польше

Буско-Здроем (Busko-Zdrój). Начальник штаба корпуса уже помянутый Генерального штаба полковник Владимир Николаевич фон Дрейер на листках из полевой книжки выписал Пусловскому и Невенгловскому «подорожные» и отправил их под стражей в крепость Ивангород (ту, что на Висле, а не на Нарове):

«Коменданту крепости Ивангород.

191411 дня сентября месяца. Посад Бусск.

В виду несомненного выяснения участия в организации и содержании соколиных дружин в Келецкой губернии владельца имения Чарковы австрийско-подданного Ксаверия графа Пусловского, о чем донесено командующему армией, по распоряжению командующего кавалерийским корпусом арестованный граф Ксаверий Пусловский препровождается для содержания в крепости.

Начальник штаба корпуса полковник Дрейер».

Арестованных поместили в III равелин крепости. «На основании Правил о местностях, объявленных на осадном и военном положении» их допрашивал начальник Ивангородской крепостной жандармской команды штабс-ротмистр Владимир Васильевич Ган, прежде служивший в 158-м пехотном Кутаисском полку.

Первым 19 сентября (2 октября) давал показания русско-подданный 56 лет от роду римско-католического вероисповедания Иван Осипович Невенгловский (Niewęglowski).

Оказалось, что награжденный темно-бронзовой медалью на трехцветной бело-сине-красной ленте «За труды по Первой всеобщей переписи населения 1897 года», Иван Осипович попал в каземат, в общем-то, по ошибке вместо настоящего управляющего имением Чарковы пана Хелиодора (Илиодора, Элиодора — пишут по-разному) Шеленговского (Heliodor Szelengowski), «который находился в это время в другом имении, где квартировала сотня казаков».

До поступления на службу к Пусловским русско-подданный Невенгловский по воинской повинности и сверхсрочно служил в Варшаве в лейб-гвардии Литовском полку и во время оной службы в 1883 г. окончил фельдшерскую школу при Варшавском Уяздовском военном госпитале и получил унтер-офицерскую должность младшего медицинского фельдшера. Имея отличные аттестации о знании фельдшерского дела от старшего врача полка и добросовестном выполнении обязанностей службы от командира полка лютеранского вероисповедания генерал-майора Густава-Акселя Фердинандовича барона фон Котена, бывшего пажа, в 1887 г. Невенгловский поступил на частную службу придворным фельдшером к графу Пусловскому. Через некоторое время граф предложил ему еще и должность придворного кассира, то есть казначея, ставшую основной.

В тот же день штабс-ротмистр Ган допрашивал самого Ксаверия Сигизмундовича Пусловского, и арестованный предложил собственноручно изложить на бумаге обстоятельства задержания. Хитрый граф к 23 сентября (6 октября) подготовил написанную каллиграфическим почерком по-польски зелеными чернилами записку, озаглавленную «Spalenie Czarków» — «Сожжение Чарков». С приложением показаний Невенгловского на русском и записки графа на польском без перевода (!) Ган отправил арестованных от греха подальше из прифронтовой крепости в Варшаву.

Итак, Пусловский со своим служащим первые две недели заключения провел в крепости Ивангород, затем сидел в варшавском арсенале. Пусловский и Невенгловский попали в руки опытнейшего дознавателя, начальника Келецкого губернского жандармского управления полковника Александра Васильевича Штольценбурга, потом с 1916 г. ставшего Шатровым и затерявшегося на просторах России.

Некоторые польские электронные ресурсы, исходя из названия должности полковника Штольценбурга, ложно указывают, что Пусловского перед Варшавой допрашивали в Кельцах, хотя к этому времени Келецкое губернское жандармское управление, как и другие учреждения, уже было эвакуировано в Варшаву.

Заново допрошенные в присутствии переводчика и товарища прокурора Варшавского окружного суда титулярного советника Николая Тимофеевича Земеля с соблюдением всех правил, установленных Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод в 1950 г. и одобренных в 1998 г. и позднее так называемым Европейским судом по правам человека в Страсбурге, Пусловский и Невенгловский почти одинаково, или, как говорят следователи, солидарно, показали, что:

— имение Чарковы расположено всего в 7 верстах от русско-австрийской границы в Опатовце и в 70 верстах от австрийского Кракова — крайне неудачное расположение в военное время (имение Чарковы с окрестностями располагалось по российскую сторону границы);

— уже после начала военных действий старший брат и совладелец имения 42-летний граф Эмануил, или Владислав Эмануил Пусловский, дважды приезжал в Чарковы на своем автомобиле в мундире австрийского офицера ландвера, один раз — в сопровождении 11 австрийских солдат, которые переночевали и ушли обратно в Австрию; Ксаверий Пусловский даже утверждал, что крестьяне и прислуга могли спутать его с братом;

— сам Ксаверий Пусловский за это время два раза приезжал во дворец Пусловских и в банк за деньгами в австрийском Кракове. (Недаром русские военные контрразведчики называли губернии Царства Польского, или, иначе, Привислинского края, и Галицию идеальными для шпионства.);

— в августе началось «движение австрийских войск, которые, однако, в Чарковах не останавливались, и поэтому в довольно продолжительное время в Чарковах и окрестности было сравнительно тихо. После этого же, когда появились слухи, что австрийские войска отступают, то тогда начали появляться попеременно то австрийские, то русские малыми отделениями войска...»;

— появление партизанского отряда 21 сентября было для владельца поместья, его слуг и крестьян неожиданным; все припасы и лошадей поляки, якобы, забирали насильно, грабили и разбойничали в течение нескольких дней.

Показания графа и его казначея в этой части несколько разнятся:

Невенгловский: «Вдруг ни с того, ни с сего 21 числа сентября по новому стилю, ночью между 9–10 часами, явились из заграницы в числе около 100 человек вооруженных “соколов” и по дерзком разговоре перед

дворцом с графом Пусловским моментально расположились по конюшням, сараям и в гостиной, приказывая ключнице и повару приготовить и выдать, что есть в кладовой для людей, а на хуторе приказали приказчику выдать корм для лошадей, а так как в это время по случаю войны все продукты не только что очень подорожали, но их трудно было достать, поэтому в дворцовой кладовой запас продуктов был очень мал, так что на столько человек не хватило всего, поэтому они разбеглись по несколько человек по частным семейным домам служащих, требуя чая, хлеба и что было, а когда хлеба как раз в тот день не было, то они пошли на деревню и там огребали, что было, а позже привозили корм из заграницы по части, а по части собирали здесь по деревням у крестьян, которые, хотя и неохотно, давали, чтобы лишь бы отделаться от опасных грабежников. Если же кто из жителей спрятал, то отрывали у него замок и огребали даже одежду. Забирали лошадей без спроса, порезали ременную упряжь и что только им понадобилось, а если чего не хватало им, то разъезжали по соседним имениям и то же самое делали.

Ввиду вышеизложенного, невозможно даже поверить, чтобы кто-либо, в том числе и я, мог охотно угощать таких грабежников, и если кто дал кусок хлеба или стакан чаю, то весь в тревоге, чтобы как-нибудь от них отделаться».

Пусловский: «В течение недели после второго приезда брата в имение приезжали поочередно то русские, то австрийские патрули, и, наконец, как-то утром прибыли в имение несколько австрийских драгун и несколько пеших польских легионистов. К вечеру того же дня прибыло значительное количество конных польских легионистов, которые потребовали от меня фуража и помещения на слишком сто человек. Сколько их было в действительности, я не знаю. Они были в форме и заявили мне, что они польские легионисты и состоят на австрийской военной службе, и среди них были офицеры, одного из которых они называли “комендант”».

В переводе с польского языка «komendant» не комендант, а командующий или начальник. Так впоследствии будут уважительно называть соратники маршала Юзефа Пилсудского, основателя польских легионов в австрийской и германской армиях. С ним, напомню, Ксаверий Пусловский был давно знаком, и они вместе ездили в Японию во время Русско-японской войны. Но отрядом в Чарковах командовал, был komendant-ом, другой пилсудчик, Владислав Зигмунт Белина-Пражмовский — русско-подданный, следовательно, в случае поимки, подлежавший военно-полевому суду и повешению на ближайшем дереве.

«Все они прибыли из Австрии, и я не допускаю мысли, чтобы между ними были местные жители, так как, когда не хватило фуража, то им привозили его из Австрии, о чем я знаю от местных жителей. Впрочем, я поправляюсь, фураж они грабили у меня и у соседей, но из Австрии лишь доставляли хлеб. Когда я на требование фуража и хлеба отказал “соколам” в первый же день и ушел к себе, то они вывели меня силой к коменданту, который объявил, что я должен считаться с их требованиями, так как у них имеются распоряжения высшего начальства. При этом они заявили, что их очень много и что на них возложена охрана всей границы.

Когда же я потом не подчинился их требованиям и продолжал отказываться выдавать то, что они требовали, и заперся с матерью в своем доме, то легионисты в отместку за это ограбили все мое имение и имущество, называя нас “руссофилами”, снимая даже сапоги с моих служащих <...>. Пробыли они в имении около 5 дней...»

То есть Невенгловский говорит о прибытии партизанского отряда 8 (21) сентября, всего за полтора дня до нападения на русскую кавалерию, а граф Ксаверий утверждает, что легионисты провели в имении пять дней и прибыли 4 (17) сентября, хорошо отдохнув перед боем;

— граф и казначей разными словами отрицают какое-либо участие в формировании отряда.

Невенгловский: «Что же касается брошенных на меня подозрений в организации каких-то дружин, это совершенно не местится мне в голове, откудава это взялось подозрение, так как я не только не способен к таким делам и никогда не занимался ничем подобным, но даже с самого начала, когда *я узнал, что формируются какие-то дружины заграницей* (выделенное курсивом дописано сверху. — *В. Ч.*), то говорил не одному, что это прямо сумасшествие, не ведущее ни к чему.

В виду этого прихожу к такому убеждению, что во время пожоги имения и разгорячения солдат и всех воинских чинов, относительно меня не иначе, как только произошла большая ошибка...»

Пусловский: «...Офицер объявил мне, что ему известно, что я состою комендантом легионства и я арестован по приказанию генерала Новикова. Я полагаю, что появление моего брата в форме австрийского офицера в связи с пребываниями у меня в имении легионистов породило среди местного населения, не отличающего формы австрийского офицера от формы легионистов, слухи, что будто бы владелец имения Чаркова, т. е. будто бы именно я, являюсь организатором дружин соколов...

Из лиц, которые могли бы сказать о моей политической благонадежности, проживают в Варшаве, это князья Четвертинские, живущие в Краковском предместье в собственном доме, князь Матвей Радзивилл, князь Сдислав Любомирский и граф Константин Платер».

Прибавляя оправдательные пункты, Ксаверий Пусловский рассказал, что, во-первых, «когда незадолго перед этим в имение графов Пусловских приходили русские войска, то им от экономии отпускалось все необходимое», и, во-вторых, он принял на сохранение имущество управляющего Опатовецкой таможенной заставой чиновника 9-го класса Василия Петровича Токарского, которое и сгорело вместе с дворцом.

Я, собственно говоря, не верю почти ни единому слову путаных показаний графа и его служащего. Но, «друг любезный, с такими козырями до завтра ждать тебе не придется», как говаривал генерал Елпидифор Антиохович Зуров в романе Владислава Михайловича Глинки «Судьба дворцового гренадера». Козыри граф Пусловский выложил на стол действительно знатные — ссориться во время войны в прифронтовом тылу, да и в Петрограде и Москве, с богатой польской знатью — Четвертинскими, Радзивиллами, Любомирскими и Платерами — русскому правительству было не с руки.

30 сентября (13 октября) полковник Штольценбург, поскольку «...произведенным по сему делу расследованием, по обстоятельствам военного времени, добыть какие-либо новые данные не представилось возможным», постановил:

«На основании приказа главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта от 7 сентября за № 58 [генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Николая Владимировича Рузского], настоящее дознание производством заключить и представить на распоряжение военному генерал-губернатору г. Варшавы и ближайших окрестностей [преклонных лет Александру Федоровичу Турбину, бывшему коменданту Варшавской крепости, в ту пору генерал-майору]. К сему присовокупляю, что я со своей стороны полагал бы необходимым австрийско-подданного графа Ксаверия Пусловского и русско-подданного Ивана Невенгловского подвергнуть высылке в отдаленные губернии из Привислинского края на все время нахождения последнего на военном положении».

Граф был приговорен первоначально к ссылке в Тобольск, но стараниями родственников среди русско-польской аристократии при царском дворе оставлен был под надзором в Москве, где вел довольно свободную жизнь, участвуя в польских культурных и благотворительных обществах, посещая Петроград. Большевики отнеслись к нему более сурово и упекли в полную клопов и крыс Бутырскую тюрьму, пригрозив расстрелять за шпионаж. Опять вмешались влиятельные и после революции родственники из теперь суверенной Польши — они нашли подходы к наркому иностранных дел Георгию Васильевичу Чичерину, льстя и называя его «графом» и намекая на польские корни. Ходатайство Чичерина поддержал председатель ВЧК, польский шляхтич Феликс Эдмундович Дзержинский. Пусловского отпустили на родину, где он незамедлительно вступил в 8-й уланский полк, потом не столько участвуя в боях, сколько пребывая переводчиком на высшем уровне в дипломатических миссиях утверждавшей свою независимость Польши.

В дальнейшей долгой жизни (а умер граф Францишек, он же Ксаверий Сигизмундович, в 1968 г. в Кракове, в Народной Польше, и похоронен на семейном кладбище в Чарковах) выручало его блестящее знание иностранных языков и истории искусства. Тем и кормился, за то и заслужил польские и иностранные ордена. (На основе материалов: www.ipsb.nina.gov.pl; www.cieslin.pl/rodzina-puslowskich/; www.dziennikpolski24.pl; filokartysta.pl; forum.vgd.ru; www.bibliofond.ru; herbypolskie.strefa.pl; списков кавалеров орденов, памятных книжек губерний, старых карт австрийской Галиции и Привислинского края.)

Стоило ли уделять столько времени и места сомнительному польскому графу? На мой взгляд, стоило: потомки Пусловских и Невенгловских живут в России и Польше, Канаде, Америке и Франции. Пусть новелла о Пусловских послужит еще одним примером бесспорного культурного и исторического единства русского и польского народов. Писал же в 1914 г. влиятельный покровитель Пусловского, совладелец Варшавского трамвая в должности церемониймейстера Высочайшего Двора (5-го класса) князь Матвей Матвеевич Радзивилл, что «кровь сынов Польши, пролитая вместе с кровью сыновей России в борьбе с общим врагом, станет крупнейшим залогом новой жизни, мира и дружбы двух славянских народов».

Егоров Вадим Игоревич
главный специалист Отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов Российского государственного военно-исторического архива

Гагкуев Руслан Григорьевич
доктор исторических наук, ведущий научный специалист Центра военной истории России Института российской истории РАН, главный редактор корпорации «Российский учебник»

Ганин Андрей Владиславович
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Куликов Сергей Викторович
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой истории России Санкт-Петербургский институт истории РАН

Лукьянов Евгений Александрович
научный сотрудник Отдела изобразительных материалов Государственного исторического музея

Соловьев Кирилл Андреевич
доктор исторических наук, научный сотрудник Института Российской истории РАН

Ушаков Александр Иванович
доктор исторических наук, профессор кафедры теории, права и государственно-правовых дисциплин Международного юридического института

Чемакин Антон Александрович
кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории СПбГУ

Чуров Владимир Евгеньевич
Российский государственный деятель, политик

Художественное оформление
М. А. Миллер

Корректор
Л. А. Катренко

Верстка
Л. Ф. Комаровская
А. И. Седяева

УДК 94(47)

Связь эпох : исторический альманах. Вып. 1. — М.:
Фонд «Связь Эпох», 2018. — 160 с.

Адрес фонда «Связь Эпох»
123376, Москва, ул. Красная Пресня, 28, стр. 2, офис 305
Тел.: +7 499 253 90 01
fondsvyazepoh@gmail.com

Подписано в печать 25.11.2018.
Формат 170 × 255 мм
Усл. печ. л. 12,9. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6042329-1-0

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (499) 270-73-59